

Гарри Гаррисон Этический инженер

Мир смерти – 2

Во второй части трилогии «Мир смерти» главного героя, Язона динАльта, внезапно похищают. Корабль с похитителем и его жертвой на борту совершает вынужденную посадку на неизвестной планете...

— Минутку, — прервал собеседника Язон и, отвернувшись от экрана, выстрелил в нападавшего рогатого дьявола. — Нет, ничем важным я не занят. Сейчас приду. Возможно, что смогу помочь.

Он выключил видеофон и изображение радиста погасло на экране. Когда Язон проходил мимо подстреленного им рогатого дьявола, тот зашевелился в последней вспышке уходящей злобной жизни, и его рога заскреблись о гибкий металл ботинка. Язон отшвырнул чудовище вниз, в джунгли.

В сторожевой башне Периметра было темно, единственное освещение исходило от установленных на пульте управления защитой, работающих экранов. Мета взглянула на него и улыбнулась, затем её внимание вновь переключилось на экраны.

— Я иду в башню космической связи, Мета, — сказал Язон. — На орбите космический корабль, он старается вступить с нами в контакт на неизвестном дежурному языке. Может быть я смогу помочь.

— Поторопись, — сказала Мета и, убедившись, что все контрольные лампы горят зелёным светом, потянулась к нему. Её руки, стройные и мускулистые, сильные как у мужчины, обхватили его, губы её были тёплыми и женственными. Он вернул поцелуй и она потянулась вновь к приборам, как будто его тут и не было.

— Что за беда с этим Пирром, — сказал Язон. — Слишком большое внимание работе.

Он наклонился и слегка укусил её за шею. Не отрывая глаз от приборов, она игриво

шлёпнула его и засмеялась. Он отскочил, но не слишком быстро, растирая ушибленное ухо.

— Женщина-тяжеловес! — пробормотал он про себя.

Связист был один в рубке космической радиосвязи. Это был подросток, никогда не покидавший Пирра и поэтому не знавший других планет и их языков. Между тем Язон, благодаря своей карьере профессионального игрока, говорил или по крайней мере был знаком с большинством галактических языков.

— Они вышли из зоны приёма, — сказал оператор, — скоро вернутся. — Он повернул ручку, и сквозь атмосферные помехи донёлся голос:

— ...иег кая икке форета... паррас, кан диг хор?..

— Понятно, — сказал Язон, беря в руки микрофон. — Это датский язык, на нём говорит большинство планет Полярной звезды.

Он нажал кнопку передачи.

— Нуррус гид румфархокив, окер, — сказал он.

Ответ пришёл на том же языке.

— Просим разрешить посадку. Дайте координаты.

— В посадке отказываем, надеемся, что вы найдёте более гостеприимную планету.

— Это невозможно. У меня сообщение для Язона дин-Альта. Мне известно, что он здесь.

Язон с интересом взглянул на хрипящий громкоговоритель.

— Вы правы, с вами говорит Язон дин-Альт. Передавайте сообщение.

— Это нельзя передавать по открытой связи. Я следую за вашим радиолучом. Вы согласны вести меня на посадку?

— Вы должны понять, что это — самоубийство. Пирр — смертельнейшая из планет Галактики. Здесь все формы жизни — от бактерий до когтистых ящеров, размером с ваш космический корабль — враждебны человеку. Сейчас здесь что-то вроде перемирия, но для любого пришельца с другой планеты обстановка все равно смертельна. Вы меня слышите? — Ответа не было. Язон пожал плечами и взглянул на радар, показывающий приближающийся корабль.

— Что ж, это ваше право. Но, умирая, не говорите, что вас не предупреждали. Я вас поведу на посадку, но только, если вы согласитесь оставаться в своём корабле. Я сам приду к вам, в этом случае 50 шансов из 100 за то, что обезвреживающие процедуры у вашего люка убьют местную микрофауну.

— Согласен. Я вовсе не хочу умирать. Мне нужно передать сообщение.

Язон руководил посадкой, следя за появлением корабля из-за низких облаков. Специальные приспособления поглотили большую часть энергии удара, но тем не менее корабль наклонился и встал под опасным углом.

— Ужасная посадка, — сказал радист и отвернулся к своим приборам, не интересуясь больше пришельцем. Пирряне были лишены любопытства.

Язон в этом отношении был полной противоположностью. Именно любопытство привлекло его на Пирр, ввергло в охватившую всю эту планету войну и чуть не погубило его. Теперь все ещё не удовлетворённое любопытство тянуло его к кораблю. Он колебался какое-то мгновение, сообразив, что радист не полностью понял его переговоры с незнакомым пилотом и не знает, что Язон собирается на корабль. Если что-нибудь случится, ему нечего рассчитывать на помощь.

— Я сам могу позаботиться о себе, — засмеялся он, поднял руку и мгновенно выскочивший из кобуры пистолет оказался в его ладони.

Указательный палец был уже согнут, грянул выстрел, разнёсший в клочья куст ядовитого растения.

Он был в хорошей форме и знал это. Конечно, ему никогда не удастся достичь уровня прирождённого пиррянина, родившегося и воспитанного на этой смертоносной планете, с её удвоенной гравитацией, однако он был быстрее, чем любой другой инопланетянин. Он справится с любыми трудностями, если они встретятся — он даже знает эти трудности. В

прошлом у него было немало расхождений во мнениях с полицией и властями различных планет, но он думал, что ни одна из этих планет не побеспокоится послать космический корабль, чтобы арестовать его. Откуда же пришёл этот корабль?

На корме корабля был виден регистрационный номер и какой-то показавшийся ему знакомым герб. Где он мог его видеть? Его внимание привлёк открывающийся люк. Язон вступил в него. Люк закрылся, и Язон закрыл глаза, так как начался цикл обеззараживания: ультразвуковые колебания и ультрафиолетовое излучение должны были убить все местные микроорганизмы, которые он принёс в своей одежде.

Наконец процедура закончилась и когда внутренняя дверь начала открываться, он приготовился к прыжку. Если его ждут какие-то сюрпризы, он встретит их в полной готовности.

Пройдя через дверь, он почувствовал, что падает. Пистолет прыгнул ему в руку, но он не успел направить его в человека, который сидел в кресле пилота.

— Газ... — успел промолвить он и упал на металлический пол.

Сознание возвращалось, сопровождаемое головной болью, которая заставила Язона сморщиться. Когда он открыл глаза, они так заболели от света, что он вынужден был снова их закрыть. Каким бы наркотиком его не усыпили, действовал он исключительно быстро.

Сознание возвращалось, головная боль постепенно исчезала, переходя в тупое биение, и он сумел открыть глаза уже без ощущения, что в них возникают искры. Он сидел в стандартном космическом кресле, снабжённом специальными замками для рук и ног. Теперь эти замки были крепко защёлкнуты вокруг его запястий и лодыжек. Рядом с ним, в таком же кресле сидел человек, наблюдавший за приборами на контрольном щите. Корабль, несомненно, находился в полёте, причём в особом режиме — джамп-режиме. Незнакомец производил вычисления на компьютере, контролируя верность вхождения в джамп-режим.

Язон воспользовался возможностью изучить этого человека. Он казался слишком старым для полицейского, хотя с другой стороны, несмотря на солидный возраст, был крепок и силен. Волосы его были серого цвета и подрезаны на манер ермолки, глубокие морщины на туго натянутой коже лица, казалось, произведены не годами, а сильными перенапряжениями. Высокий и прямой, он на первый взгляд, ничего не весил. Потом Язон понял, что этот эффект происходил от полного отсутствия мяса. Казалось, что этого человека пекло солнце и мыли дожди, пока от него не остались лишь кости, сухожилия и мускулы. Когда он поворачивал голову, то мышцы на ней выпячивались, как тросы, а руки над контрольным пультом напоминали коричневые когти какой-то птицы. Твёрдым пальцем он нажал кнопку контроля джамп-режима и повернулся от пульта к Язону.

— Я вижу, вы пришли в себя. Это был слабодействующий газ. Мне не хотелось его применять, но это был самый безопасный путь.

Когда он говорил, челюсти его открывались и закрывались с суровостью и серьёзностью банковских сводов. Глубоко посаженные холодные голубые глаза неподвижно смотрели из-под тёмных бровей. В его манерах и словах не было ни малейшего намёка на юмор.

— Не слишком дружественный приём, — сказал Язон, осторожно испытывая держащие его замки. Они были надёжно закрыты. — Если бы я знал, что ваше важнейшее личное послание — доза наркотического газа, я бы дважды подумал, прежде чем руководить вашей посадкой.

— Обман в ответ на обман, — был ответ из черепахообразного рта. — Если бы была другая возможность захватить вас, я бы использовал её. Но, учитывая вашу репутацию безжалостного убийцы и тот несомненный факт, что на Пирре у вас друзья, я использовал единственно возможный путь.

— С вашей стороны это очень благородно. — Язон начал сердиться на эту безоговорочную самоуверенность.

— Цель оправдывает средства и так далее, не слишком уж оригинальный довод... Но я пошёл на это с открытыми глазами и не могу выражать против этого недовольство.

Во всяком случае не ясно, — подумал он с горечью. — Для чего? Было бы гораздо лучше не поддаваться своему глупому любопытству.

— Не потребую ли я слишком многого, если попрошу вас сказать, кто вы и почему пошли на такое беспокойство, дабы захватить моё недокормленное тело?

— Я — Михай Саймон. Я возвращаю вас на Кассилию для суда и наказания.

— Кассилия... Я должен был узнать герб на вашем корабле. Я не очень удивлюсь, узнав, что они ещё хотят поймать меня. Но вы должны знать, что от их трёх миллиардов, которые я выиграл в казино, ничего не осталось.

— Кассилия не хочет возвращения денег, — сказал Михай, взглянув на приборы и вновь откинувшись в кресле. — Не хотят они и вашего возвращения, так как теперь вы — герой планеты. Они запустили свою пропагандистскую машину и теперь во всех окружающих звёздных системах вы известны, как «Язон — три миллиарда», живое доказательство честности их бесчестных притонов и соблазн для всех малодушных. Вы искушаете всех попытать счастья в азартных играх, вместо того, чтобы пытаться заработать деньги честным путём.

— Простите моё сегодняшнее тупоумие, — сказал Язон, трясая головой, чтобы избавиться от стука в ней, — но я не вполне вас понимаю. К какой же полиции принадлежите вы и почему везёте меня для суда и наказания, если все обвинения сняты?

— Я не полицейский, — сурово ответил Михай, поводя перед ним пальцами и глядя на него пронизательным взглядом, — я верю в правду, ничего больше. Продажные политиканы, управляющие Кассилией, возвели вас на пьедестал чести. Воздавая честь вам — другому и, возможно, ещё более продажному человеку, они наживаются благодаря вашему искажённому облику. Но я использую правду, дабы разрушить ваш лживый облик, а когда я его разрушу — я тем самым разрушу зло, которое произвело его.

— Это тяжёлая задача для одного человека, — сказал Язон спокойно, гораздо спокойней, чем он был на самом деле. — Не найдётся ли у вас сигареты?

— На борту корабля нет ни табака, ни алкоголя. И я не один — у меня есть последователи. Партия Правды — это сила, с которой приходится считаться. Мы затратили много сил и энергии, выслеживая вас, но дело стоит того. Мы проследили ваш бесчестный путь в прошлом на планете Мэхаут и казино «Туманность» на Галипто, серию грязных преступлений, от которых у честного человека выворачивает внутренности. Мы запаслись ордерами на ваш арест в каждом из этих мест, и в любом из них вас ожидает суд и смертная казнь.

— Думаю, что ваше чувство справедливости не беспокоит то обстоятельство, что все эти преступления произошли просто в моё присутствие? Или, что я всегда обманывал лишь шулеров и казино, которые в свою очередь, обманывают простаков.

Михай движением руки отбросил это возражение.

— Вы виновны в нескольких преступлениях. И ваши увёртки вам не помогут. Вы должны быть благодарны за то, что ваша порочная деятельность в конце концов послужит добру. Она будет рычагом, при помощи которого мы опрокинем продажное правительство Кассилии.

— Придётся что-то делать с моим любопытством, — сказал Язон, — посмотрите на меня, — он задвигал запястьями в зажимах и сервомоторы заработали, так как механизм уловил его движение и соответственно укрепил зажим. — Совсем недавно я рисковал здоровьем и свободой, когда меня вызвали для разговора с вами. Затем, я привёл вас на посадку и не удержался от соблазна — сунул свою глупую голову в вашу ловушку с приманкой. Мне надо научиться бороться с такими порывами.

— Если вы обращаетесь с мольбой о милости, то напрасно, — сказал Михай. — Я никогда не делал одолжений людям вашего типа и ни в чём не был им обязан. Я не собираюсь делать этого и теперь.

— Никогда — очень долгий срок, — спокойно сказал Язон. — Хотелось бы мне иметь вашу уверенность в будущем.

— Ваше замечание показывает, что у вас остались ещё надежды. Вы ещё сможете узнать правду перед смертью. Я помогу вам, расскажу все и объясню.

— Это лучше чем казнь, — чуть не подавился Язон.

Глава 2

— Вы будете кормить меня сами или отомкнёте зажим, пока я буду есть? — спросил Язон.

Михай стоял перед ним с подносом в руках в нерешительности. Язон язвительно, в то же время мягко (Михай был кем угодно, но не глупцом), добавил:

— Конечно, я предпочитаю, чтобы вы кормили меня — из вас вышел бы отличный лакей.

— Вы способны есть сами, — сразу же ответил Михай, ставя поднос на подлокотники кресла Язона. — Но вам придётся все делать одной рукой: если совсем освободить вас, вы наделаете хлопот. — Он прикоснулся к контрольному щитку на спинке кресла, и замок, удерживающий правое запястье Язона, щёлкнул и открылся. Язон расправил затёкшие пальцы и взял вилку.

Во время еды глаза Язона были заняты. Незаметно (для профессионального игрока явное внимание к чему-либо невозможно), он осмотрелся. Можно увидеть многое, даже если смотреть как бы случайно — невзначай.

Предмет за предметом его внешне случайный взгляд осматривал все содержимое каюты. Контрольный щит, экраны, компьютер, маршрутный экран, с контролем джамп-режима, шкаф для карт, книжная полка. Он все осмотрел, запоминая расположение до мелочей. Какой-то план начал проясняться в его мозгу.

Но всё же у него были лишь начало и самый конец плана. Начало: он пленник на корабле, направляющемся на Кассилию. Конец: он не желает ни остаться пленником, ни возвращаться на Кассилию. Не хватало самого существенного — середины. В данный момент сделать что-либо казалось невозможным, но Язон никогда не согласился бы, что это вообще невозможно. Он руководствовался принципом, что человек сам кузнец своего счастья. Если ваши глаза открыты, то в нужный момент вы начнёте действовать. Если вы действуете быстро, все хорошо. А если вы упустите возможность и время, ваши дела плохи.

Он отодвинул пустую тарелку и бросил в чашку сахар. Михай ел очень умеренно и сейчас принялся за вторую чашку чая. Его глаза были неподвижны и устремлены куда-то вдаль, он о чём-то думал. Он слегка вздрогнул, когда Язон обратился к нему:

— Поскольку вы не позаботились запастись сигаретами, то не позволите ли вы мне закурить свои? Только вам придётся достать их — я не могу дотянуться до кармана, так как прикован к креслу.

— Я не могу помочь вам, — не двигаясь ответил Михай. — Табак — наркотик и канцерогенное средство. Если я вам дам сигарету, то тем самым дам вам и рак.

— Не будьте лицемером, — выпалил Язон с невольным удовольствием глядя на краску в лице Михая. — Люди используют канцерогенные элементы табака в течении столетий. И если даже они и не делали бы этого, какое отношение имеет это к данной ситуации? Вы везёте меня на Кассилию на верную смерть. Чего ради вы тогда заботитесь о здоровье моих лёгких в отдалённом будущем?

— Я не подумал об этом. Но ведь есть определённые нормы.

— Неужели? — Язон прервал его, сохраняя инициативу в разговоре. — Не похоже, что вы вообще любите думать. Вы, видимо, относитесь к людям, которые во сне видят общие правила, которых не существует в жизни. Вот вы против наркотиков. Каких именно? А как вы относитесь к танину — в чае, который пьёте? Или к кофеину? А ведь кофеин — это наркотик, это одновременно и сильный стимулятор и диуретик. Поэтому вы и не найдёте чай в рационе космонавта. Но об этом наркотике вы почему-то забываете. Как же после этого выглядит ваш запрет на сигареты?

Михай попытался заговорить, но промолчал и задумался.

— Возможно, вы и правы. Я просто устал, и в конце концов это действительно, не так уж важно. — Он осторожно извлёк пачку сигарет из кармана Язона и положил её на поднос, Язон не пытался отвлечь его. Михай с извиняющимся лицом налил себе третью чашку чая.

— Вы должны извинить меня, Язон, за попытку подогнать вас под мои собственные стандарты. Когда вы гонитесь за большой правдой, вы иногда допускаете, что малые правды ускользают. Я терпимый человек, но у меня есть тенденция заставлять других людей руководствоваться критериями, которые я создал для себя. Вы никогда не должны забывать о смирении, я надеюсь, вы извините меня. Поиски правды требуют всех сил.

— Правды нет, — сказал ему Язон. В его голосе звучали гнев и обида: он хотел вовлечь своего похитителя в разговор. Вовлечь настолько, чтобы тот на время забыл о свободной руке Язона.

Язон поднёс чашку к губам и лишь дотронулся к жидкости. А пока в чашке оставался чай, она служила хорошим поводом для того, чтобы рука была свободной.

— Нет правды? — Михай обдумывал эту мысль. — Но вы не можете так думать. Наша Галактика полна Правдой — это краеугольный камень жизни. Именно Правда отличает человека от животных.

— Нет на правды, ни жизни, ни человека. Во всяком случае, не в вашем смысле — не с большой буквы. Они не существуют.

Туго натянутая кожа на лице Михай сморщилась от сосредоточенности.

— Вы должны объяснить свою точку зрения, — сказал он. — Пока мне не понятно.

— Боюсь, что вы вообще не поймёте. Вы превращаете в реальность, то, чего не существует. Правда, — с маленькой буквы, — это описание, это выражение отношений. Способ описать обстановку. Семантический инструмент. Но Правда с большой буквы, — это воображаемое слово, комплекс звуков, не имеющих значения. Оно кажется существительным, но у него нет рефрена, не отражаемого. Оно ни для чего не служит, ничего не значит. Когда вы говорите «Я верю в Правду», вы в сущности утверждаете: «Я верю в ничто».

— Вы, вероятно, заблуждаетесь! — сказал Михай, наклонившись вперёд и возбуждённо размахивая рукой. — Правда — это философская абстракция, одно из тех орудий, которое наш мозг использует, чтобы приподнять нас над животными — доказательство, что мы не животные, а создания высшего порядка. Звери могут быть правдивыми, но они не могут знать Правду. Звери могут видеть, но они не могут увидеть Красоту.

— Ох! — застонал Язон. — С вами невозможно говорить, мы с вами не понимаем друг друга. Мы говорим на разных языках. Забудем на время кто прав, кто ошибается. Нам придётся вернуться назад и договориться о значении терминов, которые мы употребляем. Для начала: можете вы определить разницу между «этикой» и «этосом»?

— Конечно! — выпалил Михай, и выражение удовольствия промелькнуло в его глазах, при мысли о возможности убедить противника. — Этика — это дисциплина, изучающая, что такое хорошо и плохо, что верно и неверно, этика занимается моральными обязанностями и долгом. Этос — означает руководящую веру, стандарты или идеалы, характеризующие группы или общество.

— Очень хорошо, вижу что вы провели немало ночей, уткнув нос в книги. Теперь мы установили разницу между этими двумя терминами — это центр маленькой коммуникационной проблемы, с которой мы имеем дело. Этос неразрывно связан с отдельным обществом и не может быть оторван от него, иначе он теряет всякий смысл. Согласны?

— Пожалуй...

— Ну, вы должны согласиться, ведь это ваше собственное определение терминов. Этос группы — это лишь всеохватывающий термин для выражения отношений группы друг с другом. Верно?

Михай неохотно кивнул в знак согласия.

— Теперь, договорившись об этом, мы можем продвинуться на шаг вперёд. Этика, опять же согласно вашему собственному определению, должна иметь дело с любым количеством обществ и групп. Если существуют абсолютные этические законы, то они должны быть столь обширны, что их можно применить к любому обществу. Законы этики должны быть столь же универсальны, как и закон всемирного тяготения.

— Я не вполне понял...

— Я и не думал, что вы поймёте. Вы люди, болтающие об универсальных законах, в сущности, никогда не понимаете значения этих терминов. Мои знания не очень велики, но я всё же помню Первый закон Ньютона, устанавливающий зависимость тяготения от массы. Это даже не закон, а просто наблюдение, не имеющее силы, пока вы не добавите «на этой планете». На планете с другой массой, данные наблюдения будут другими. А закон гравитации — это формула:

$$M_1 * M_2 F = G * R * R.$$

Эта формула может быть использована для вычисления силы притяжения между любыми двумя телами. Таков путь выражения фундаментальных и неизменных принципов, применимых к любой ситуации. Если у вас действительно имеются этические законы, они должны иметь ту же всеобщность. Они должны действовать на Кассилии и на Пирре, и вообще на любой планете и в любом обществе. Это вновь возвращает нас к вам. То, что вы так грандиозно — с большой буквы, с громом фанфар — величаете «Законами Этики» — и не законы вообще, но лишь куски племенного этоса, местные наблюдения, сделанные группой покинувших овец пастухов и пригодные лишь на то, чтобы поддерживать порядок в доме. Эти правила не применимы в любой ситуации, даже вы должны будете признать это. Только подумайте о множестве различных планет и о том, какими необычными и страшными бывают там отношения людей друг к другу — а потом попробуйте сформулировать десять правил общения, пригодных для всех этих обществ. Это невозможно. Готов поклясться, что для вас самого существуют эти десять правил, но если одно из них заключается в том, что нельзя поклоняться вырезанным из дерева идолам, я могу сказать вам, чего стоят остальные. Вы не будете этичны, если попытаетесь применять эти правила всюду — это будет всего лишь способ совершения самоубийства.

— Вы обижаете меня!

— Надеюсь. Если я не могу воздействовать на вас другим путём, то обида, возможно, выведет вас из состояния моральной самоуверенности. Как вы смеете обвинять меня в краже денег из казино Кассилии, когда я действовал в полном согласии с их этическим кодексом! Они организуют нечестные азартные игры — это норма. Если вы утверждаете, что обманывать в играх нечестно, значит вы не соответствуете местной этике. И если вы доставите меня для суда, значит вы неэтичны, а я — беспомощная жертва злого человека!

— Клянусь Сатаной, — воскликнул Михай, вскакивая на ноги и бегая взад и вперёд у кресла Язона, в возбуждении сжимая и разжимая кулаки. — Вы хотите смутить меня вашей семантикой и так называемой этикой, но всё объясняется вашей алчностью; существует высший Закон, которого нельзя оспорить...

— Вы не правы, я могу доказать это, — и Язон указал на книжную полку. — Я могу доказать это при помощи ваших же книг. Авксинского не нужно, он слишком толстый. Вот этот небольшой томик с именем Лалла на корешке. Это книга «О законах рыцарства» Раймона Лалла?

Михай широко раскрыл глаза.

— Вы знаете эту книгу? Вы знакомы даже с трудами Лалла?

— Конечно, — небрежно ответил Язон: по правде говоря, это была единственная книга из всего собрания Михая, которую он однажды просматривал, и странное название засело у него в голове... — Позвольте мне взглянуть на неё, и я докажу вам то, что хочу...

Он постарался произнести это как можно спокойней: именно из-за этого момента он и вёл весь разговор. Он отпил чаю. Не надо показывать свою напряжённость.

Михай Саймон снял книгу с полки и протянул ему.

Язон, продолжая говорить, перелистывал страницы.

— Да, да, совершенно верно. Идеальный образец вашего типа мышления. Вы любите читать Лалла?

— Чрезвычайно, — ответил Михай с сияющими глазами. — В каждой его букве Красота и Правда, о которых мы забываем в суматохе современной жизни. Применение и доказательство взаимосвязи между мистическим и конкретным. Манипулируя символами и используя математическую логику, он объясняет все.

— Он ничего не объясняет! — заявил Язон. — Он играет в слова. Берет слово, придаёт ему абстрактное и нереальное значение, обращаясь к другим словам и проделывая с ними те же туманные процедуры. Его доказательства — всего лишь бессмысленные звуки. Это главный пункт, где расходятся ваше и моё понимание жизни. Вы живёте в мире слов, лишённых значений, но существующих. Мой мир содержит факты, которые можно взвесить, попробовать на вкус, мои факты неопровержимы. Они — существуют.

— Покажите мне какой-нибудь из ваших неопровержимых фактов, — сказал Михай неожиданно спокойным голосом, во всяком случае гораздо более спокойным, чем голос Язона.

— Вон там, — сказал Язон, — большая зелёная книга на консоли. Она содержит факты, относительно которых даже вы согласитесь, что они существуют. Если вы не согласитесь, я съем каждую её страницу. Дайте мне её. — Он говорил сердито, делая чрезмерно самоуверенные утверждения, и Михай попался в ловушку. Он протянул том Язону обеими руками: книга была тяжёлая, толстая, в металлическом переплёте.

— Теперь слушайте внимательно и постарайтесь понять, если даже для вас это будет трудно, — сказал Язон, открыв книгу. Михай сухо усмехнулся при этом намёке на его глупость. — Это собрание звёздных эфемерид, также набито фактами, как яйцо содержимым. В некотором роде это история человечества. Теперь взгляните на экран контроля джамп-режима и вы поймёте, что я имею в виду. Видите эту горизонтальную линию. Это наш курс.

— Поскольку это мой корабль и я его пилотирую, то я в этом уверен, — сказал Михай. — Давайте ваше доказательство.

— Имейте терпение, — ответил Язон. — Постараюсь объяснить это попроще. Красное пятно на зелёной линии обозначает положение нашего корабля. Номер под экраном означает ваш следующий навигационный пункт — место, где тяготение звёзд достаточно для использования джамп-эффекта. Номер записан звёздным кодом: ДВ-89-046-229. Я смотрю в эту книгу... — и он быстро перелистал страницу, — и нахожу этот номер в списке. Не название; всего лишь ряд символов, которые тем не менее, могут сказать очень многое. Эти символы означают, что на данном месте имеется планета или планеты, пригодные для жизни человека.

— К чему вы клоните? — прервал его Михай.

— Терпение, скоро узнаете. Теперь смотрите на этот экран. Зелёная точка приближается к линии курса, это — ПМБ, то есть пункт максимальной близости. Когда красная и зелёная точки совпадут...

— Дайте мне книгу, — сказал Михай, нагнувшись вперёд и почувствовав что-то неладное, но было уже поздно.

— Вот доказательство, — сказал Язон и швырнул тяжёлую книгу в экран контроля джамп-режима и тонкие сложные приборы, скрывавшиеся за экраном. Туда же он бросил и вторую книгу. Послышался звон, треск лопнувшего экрана. Ярко вспыхнула искра короткого замыкания.

Корабль вздрогнул, так как сработали аварийные реле, выбросив его в обычное пространство.

Михай, сморщившись от боли, упал на пол от резкого внезапного перехода. Прикованный к креслу Язон сдерживал тошноту и подступившую к глазам тьму, но всё-таки

решил закончить дело и швырнул поднос с пустыми тарелками в дымящиеся обломки приборов джамп-контроля.

— Вот мой факт, — сказал он с триумфом. — Моё неопровержимое, с золотой отделкой, урановым сердечником, доказательство. Мы никогда не попадём на Кассилию!

Глава 3

— Вы убили нас обоих, — сказал с побелевшим лицом Михай, но сравнительно спокойным голосом.

— Ещё нет, — весело ответил Язон, — но я уничтожил контроль джамп-режима, так, что мы не сможем лететь к другим звёздам; но в обычном пространстве мы передвигаться можем, и ничто не мешает нам приземлиться на одной из планет — хоть одна пригодная для жизни человека тут найдётся.

— Там я починю механизм контроля, и мы продолжим полет к Кассилии. Так что вы не выиграли ни в чём.

— Возможно, — уклончиво ответил Язон. У него не было ни малейшего желания продолжать путешествие, что бы ни думал об этом Михай.

Его похититель пришёл к аналогичному же заключению.

— Протяните руку на подлокотнике, — сказал он и закрепил замок. В этот момент включился двигатель, и корабль изменил направление полёта.

— Что это? — спросил он.

— Аварийный контроль. Корабельный компьютер понял, что произошло и принял меры. Вы можете взять на себя руководство, но не стоит беспокоиться. Компьютер выполнит эту работу быстрее и лучше распорядится запасами и накопленной информацией. Он сам отыщет планету, проложит к ней курс и посадит нас с наибольшей экономией времени и горючего. Когда мы войдём в атмосферу, вы сможете выбрать место для посадки.

— Я не верю ни одному вашему слову, — сказал Михай. — Я возьму на себя контроль и попытаюсь использовать аварийную связь. Кто-нибудь услышит нас.

Когда он встал, корабль вновь вздрогнул и тотчас же погас свет. В темноте был виден огонь в приборах контроля. Послышался свист пены и огонь погас. Вспыхнуло аварийное освещение.

— Не стоило бросать туда книгу Раймона Лалла, — сказал Язон. — Корабль гораздо разборчивее в пище, чем я предполагал. Он не может её переварить.

— Вы непочтительны и невежественны, — сказал сквозь сжатые зубы Михай, подходя к щиту. — Вы попытались убить нас обоих. Вы не уважаете ни свою собственную жизнь, ни мою. Вы заслуживаете самого большого наказания, которое предусматривает закон.

— Я игрок, — засмеялся Язон. — И совсем не такой плохой, как вы считаете. Я использую шансы, но лишь тогда, когда надеюсь на выигрыш. Вы везли меня на верную смерть. Худшее, что ожидало меня, если я сломаю приборы — тот же конец. Следовательно, я использовал этот шанс. Конечно, для вас в этом был значительно больший риск, но боюсь, я не принимал во внимание этого. В конце концов вы все это затеяли. Вы должны были предвидеть и такое последствие своей затеи.

— Вы совершенно правы, — спокойно сказал Михай. — Мне следовало бы быть более осторожным. Не скажите ли теперь, как нам попытаться спасти наши жизни? Ни один из контрольных приборов не работает.

— Ни один? Вы не пробовали аварийное катапультирование? Большая красная кнопка сверху...

— Пробовал. Она тоже не работает.

Язон откинулся в кресле. Некоторое время он молчал, потом заговорил:

— Почитайте одну из ваших книг, Михай. Ищите утешение в вашей философии. Мы ничего не можем сделать. Всё зависит от компьютера и уцелевших механизмов.

— Мы ничего не можем восстановить?

— Вы механик? Я — нет. Мы, вероятно, принесём больше вреда, чем пользы.

Два дня корабельного времени прошли в поисковом полёте, пока не была найдена планета. Её покрывал густой слой облаков. Она приближалась с ночной стороны и поэтому детали невозможно было рассмотреть. Света тоже не было видно.

— Если бы здесь были города, мы увидели бы их свет, — сказал Михай.

— Не обязательно. Может быть тут буря или подземные города. На этом полушарии может быть только океан.

— А может, тут вообще нет людей? В таком случае, даже если посадка произойдёт благополучно, то какое это имеет значение. Мы должны будем провести остаток жизни на этой планете на краю Вселенной!

— Не надо быть таким жизнерадостным, — прервал его Язон. — Не хотите ли на время посадки расстегнуть эти ремни? Посадка может быть трудной, а мне хотелось бы сохранить какие-нибудь шансы.

— А вы дадите мне слово чести, что не попытаетесь сбежать при приземлении?

— Нет. А даже, если бы я дал честное слово, разве вы поверили бы? Но если бы вы освободили меня, это удвоило бы наши шансы. Давайте попытаемся спастись вместе.

— Нет, я выполняю свой долг, — сказал Михай.

Язон остался привязанным к креслу.

Они вошли в атмосферу, и мягкое шипение вокруг корпуса постепенно превратилось в пронзительный визг. Двигатели выключились и началось свободное падение. Трение воздуха нагрело внешнюю оболочку до бела, быстро росла температура и внутри корабля, несмотря на работу криогенных установок.

— Что происходит? — спросил Михай.

— Вы, кажется, лучше разбираетесь в этом.

— Мы разобьёмся?

— Возможно. У нас две возможности: либо приборы не сработают и в этом случае мы разобьёмся на мелкие кусочки. Однако, компьютер, может быть способен на последнее усилие. Я, лично, надеюсь на это. Сейчас изготавливают очень надёжные компьютеры. Корпус и двигатели в хорошем состоянии, ненадёжны лишь приборы контроля. В таком случае хороший пилот мог бы попытаться посадить корабль, включая и выключая двигатели. Это связано с риском, перегрузки достигали бы 15g, но пассажиры могут это выдержать в амортизационных креслах. Но мы этого не можем сделать. Придётся положиться на приборы.

— Вы думаете, мы всё же приземлимся? — спросил Михай, усаживаясь в амортизационное кресло.

— Я надеюсь, что так будет. Может, вы всё же откроете эти замки, прежде, чем отправитесь в постель? Посадка будет плохой, могут понадобиться быстрые действия.

Михай подумал, потом вытащил пистолет.

— Я освобождаю вас, но если вы попытаетесь этим воспользоваться, я буду стрелять. Как только мы приземлимся, я закрою вас вновь.

— Благодарю вас за доброту, — сказал Язон, растирая запястья.

Началось торопливое торможение. Тяжесть вдавила их в кресла, изгнав воздух из лёгких. Пистолет был прижат к груди Михая, слишком тяжёлый, чтобы его поднять. Но никаких преимуществ это Язону не давало — он всё равно не мог встать. Он удерживался на грани беспамятства, перед глазами мелькали чёрные и красные пятна.

Внезапно тяжесть исчезла. Они все ещё падали. Взревели двигатели корабля на корабле. Защёлкали реле. Два человека, не двигаясь, смотрели друг на друга и ждали.

Корабль ударился, повернулся и закачался. Конец для Язона наступил в непрерывном грохоте, боли и шоке. Внезапный удар бросил его вперёд. Инерция тела разорвала привязные ремни и швырнула его на контрольный щит. Последней его мыслью было: «Надо защитить голову». Он поднял руку и ударился о стену.

Холод успокоил боль. В тоже время холод рвал его тело на куски. Язон пришёл в себя от собственного хриплого крика. Холод заполнял собой всю вселенную. Он ощутил прохладность воды, выталкивая её изо рта и носа. Что-то схватило его. Понадобилось усилие, чтобы понять, что это руки Михая. Он поддерживал голову Язона над поверхностью воды и плыл. Постепенно исчезающая в воде тёмная масса могла быть только кораблём: он умирал со скрипом, пуская пузыри. Язон с облегчением почувствовал под ногами опору.

— Вставайте и идите, — хрипло прошептал Михай. — Я не могу... держать вас... не могу держать себя...

Они барахтались в воде бок о бок, как четвероногие животные, не могущие стать прямо. Всё вокруг было каким-то нереальным и Язон с трудом соображал. Он был на том, что нельзя останавливаться, но вот... почему?

Но тут в темноте появилась светящаяся точка, колеблющийся свет приближался к ним. Язон ничего не мог сказать, но слышал крик Михая, свет приближался, это было что-то вроде факела, поднятого довольно высоко. Михай поднялся на ноги, когда свет был совсем близко.

Это было похоже на ночной кошмар. Не человек, а существо, держащее факел. Оно всё состояло из острых углов и клыков и было ужасно. Конечно, похожей на дубинку, оно ударило Михая. Тот молча упал и существо повернулось к Язону. У Язона не было сил для борьбы, но он старался встать на ноги. Пальцы его скреблись о холодный песок, но он не мог встать, и истощённый этим последним усилием, он упал лицом вниз. Надвинулась тьма, но он огромным усилием отодвинул её и не потерял сознания. Мерцающий факел приближался и послышался тяжёлый топот ног по песку. Последним усилием Язон перевернулся и лёг на спину, глядя на существо, стоящее перед ним.

Глава 4

Чудовище не убило его, а остановилось глядя вниз, и по мере того, как медленно шли секунды, и Язон всё ещё оставался жив, он собирался с силами, чтобы внимательнее рассмотреть угрозу, приблизившуюся к нему из темноты.

— Кьо фи стас ел?.. — сказала существо и Язон понял впервые, что это был человек; значение вопроса коснулось края его истощённого сознания, и он понял, что может понимать его, хотя никогда раньше не слышал этого языка. Он попытался ответить, но из его горла раздался лишь хрип.

— Еен кин Торгоу — р'пиду!

Множество огней появилось из темноты, послышались звуки тяжёлых ног, бегущих к ним. Когда они приблизились, Язон смог получше рассмотреть человека, стоящего перед ним, и понял, почему он раньше ошибся и принял его за чудовище.

Конечности этого человека были обернуты в куски крашенной кожи, грудь и все тело были покрыты накладывающимися друг на друга кусками шкур, покрытых кроваво-красными линиями, на голове возвышалась похожая на улитку раковина какого-то моллюска, она была направлена остриём вперёд. В раковине были просверлены отверстия для глаз. Огромные, в палец длиной, клыки, усеивали края раковины, усиливая и без того страшное впечатление. Единственной человеческой деталью во внешности этого незнакомца была спутанная и грязная борода, выбивающаяся из-под раковины ниже клыков. Было в его наружности ещё множество деталей, которые Язон сразу не сумел уловить, что-то свисало с его плеча, какие-то тёмные предметы были на его талии. Поднялась тяжёлая дубинка и стукнула Язона по рёбрам, но он был ещё очень слаб, чтобы сопротивляться.

Гортанная команда остановила людей, несущих факелы, в пяти метрах от места, где лежал Язон. Язон удивился, почему вооружённый дубинкой человек не позволил им подойти ближе, так как свет факелов слабо освещал его: на этой планете всё казалось необъяснимым. Очевидно, на несколько мгновений Язон всё же потерял сознание, потому, что когда он взглянул в следующий раз, факел уже был воткнут в землю, а тот вооружённый человек уже

снял один башмак с Язона и снимал второй. Язон мог лишь слегка пошевелиться, но ничем не мог помешать грабителю — он почему-то не мог заставить тело слушаться.

Его чувство времени в чём-то изменилось. И хотя секунды текли медленно, события развивались с пугающей быстротой.

Башмаки были сняты, и человек перешёл к одежде Язона, останавливаясь через каждые десять секунд, чтобы взглянуть на ряд факелоносцев. Магнитная застёжка оказалась ему незнакомой и острые ногти, подшитые под пальцами, вцепились Язону в кожу, когда человек пытался открыть застёжку или оторвать её. Он что-то проворчал от нетерпения, но тут случайно ткнул в кнопку, отстёгивающую аптечку, и та оказалась у него в руках.

Это сверкающее приспособление, казалось, понравилось ему, но когда одна из иглолок аптечки проткнула кожу и вцепилась ему в руку, он закричал от гнева, бросил аптечку на песок и растоптал её. Утрата этой необходимой вещи заставила Язона действовать, он встал и попытался дотянуться до аптечки, но тут же потерял сознание.

Незадолго до рассвета боль в голове заставила его неохотно прийти в себя. На нём было несколько грязных, отвратительно пахнущих шкур, которые частично сохраняли тепло тела. Он отбросил вонючую шкуру, что закрывала его лицо и посмотрел на звезды — далёкие световые точки, сверкающие в холодной ночи. Воздух оживил его. Язон глотал воздух, обжигающий лёгкие, но проясняющий мысли. Впервые осознал он, что его слабость и туманность были вызваны ударом по голове, который он получил во время кораблекрушения, пальцами он нащупал большую шишку на черепе. Очевидно у него было лёгкое сотрясение мозга. Это объясняло неспособность двигаться и ясно мыслить. Холодный воздух овеивал его лицо и он вновь натянул шкуру на голову.

Он подумал, что произошло с Михаем Саймоном после того, как абориген-головорез в ужасном наряде ударил его дубинкой. То был печальный и неожиданный конец для человека, выжившего в кораблекрушении. Язон не особенно жалел этого недокормленного фанатика, но он всё-таки был обязан ему жизнью. Михай спас его после крушения и тут же был убит местным убийцей.

И Язон поклялся убить этого человека, как только сможет это сделать. В то же время он удивлялся этому кровавому решению; отобрать жизнь за жизнь... Очевидно, непродолжительная жизнь на Пирре подавила его обычную нелюбовь к убийству, что приобретённые на Пирре навыки ещё сослужат ему хорошую службу на этой планете.

Сквозь дыру в шкуре он заметил, что небо сереет и отбросил шкуру, чтобы посмотреть на рассвет.

Михай Саймон лежал рядом с ним и его голова была прикрыта меховой шкурой. Волосы спутаны и вымазаны тёмной кровью, но он дышал.

— Оказывается его труднее убить, чем я думал, — пробормотал Язон, с трудом приподнимаясь на локте и глядя на мир, в который привёл его удар книги.

Это была угрюмая пустыня, покрытая телами, как поле битвы. Некоторые из лежащих вставали, кутались в шкуры и это было единственным признаком жизни в этой обширной песчаной пустыне. С одной стороны гряда дюн закрывала вид на море, но он слышал глухие удары волн о берег. Белый иней покрывал пустыню, а холодный ветер заставлял слезиться глаза. На вершине одной из дюн появилась памятная по ночи фигура. Это был человек, он что-то проделывал с кусками верёвки, послышался металлический звон, внезапно оборвавшийся. Михай застонал и открыл глаза.

— Как вы себя чувствуете? — спросил его Язон. — У вас два самых прекрасных синяка, когда-либо виданных мною.

— Где я?

— Какой оригинальный вопрос. Сразу видно, что вы смотрели немало космических опер по телевизору. Я не знаю, где вы, но могу кратко напомнить как мы сюда попали.

— Я помню: мы плыли к берегу, затем на нём из тьмы возникло что-то злое, как демон из ада. Мы боролись...

— И он пробил вам голову, один удар и ваша судьба и борьба кончилась. Я лучше вас

разглядел этого демона, так как был не в состоянии бороться с ним. Это человек, одетый в ужасающий наряд, делающий его похожим на ночной кошмар. Он, кажется, является главой этого экипажа оборванцев. Кроме этого я мало что смогу сказать — только то, что он украл мои башмаки, и я как только смогу, убью его за это.

— Не думайте о низменных вещах, — серьёзно заметил Михай. — И не нужно убивать человека из-за каких-то башмаков. Вы зло, Язон, и... мои ботинки исчезли, и вся одежда тоже...

Михай отбросил покрывающие его шкуры и сделал это поразительное открытие.

— Велиал! — закричал он. — Асмодей, Асадонна, Аполлион и Вельзевул!

— Отлично! — восхищённо воскликнул Язон. — Вы прекрасно изучили демонологию. Вы только перечисляете их или собираетесь вызвать на помощь?

— Молчите, богохульник! Я не позволю, чтобы меня грабили! — Он встал и ветер, стегавший его по голой груди, быстро окрасил его кожу в синеватый цвет. — Я иду искать злое создание, сделавшее меня голым и заставлю его вернуть мои вещи.

Михай повернулся, собираясь уходить, но Язон схватил его за лодыжку и заставил снова сесть на шкуры. Михай упал и Язон снова набросил на его костлявое тело шкуры.

— Мы в расчёте, — сказал Язон. — Вы спасли мне жизнь ночью. Теперь же я спас вашу. Мы безоружны и ранены, а парень, там на холме, ходячий арсенал: он убьёт вас так легко, как ковыряется в зубах. Так что успокойтесь и постарайтесь не делать глупостей. Существует выход из любого положения и я собираюсь отыскать его. Прежде всего я собираюсь пройтись и осмотреться. Согласны?

Единственным ответом был стон: Михай снова потерял сознание, свежая кровь выступила на его раненой голове.

Язон встал и завернулся в шкуры, чтобы иметь хоть какую-то защиту от ветра, связал их концы. Затем нашёл гладкий камень, который удобно зажал в кулаке. Вооружённый таким образом, он побрёл среди спящих.

Когда Михай вновь пришёл в себя, солнце поднялось уже высоко над горизонтом. Все люди проснулись: это была шаркающая ногами, скребущаяся толпа человек в тридцать — мужчин, женщин, детей. Они были одеты в одинаковые грязные, изорванные шкуры, большинство из них тупо сидело на земле. Они совершенно не интересовались двумя незнакомцами. Язон протянул Михая грязную кожаную чашку и присел на корточки рядом с ним.

— Выпейте, это вода — единственный напиток, который здесь имеется. Никакой еды я не нашёл. — Он всё ещё держал камень в руках, вытирая его о песок: конец камня был красным, к нему прилипло несколько длинных волосков. — Я хорошо осмотрел местность вокруг лагеря, однако везде все тоже. Толпа этих надломленных типов, несколько узлов, перевязанных шкурами, по несколько человек несут сшитые из шкур меха — в них вода. Я поговорил с ними. Пища будет позже.

— Кто они? Что нам делать? — спросил его Михай, сделав несколько глотков, по-видимому все ещё страдая от последствий удара.

Язон взглянул на повреждённый череп и решил не трогать его. Рана кровоточила и кровь сворачивалась по краям. Промывая рану этой сомнительной чистоты водой, он вряд ли помог бы, зато мог бы занести какую-нибудь инфекцию.

— Я уверен лишь в одном, — сказал Язон. — Они рабы. Я не знаю почему они здесь, что они делают, куда идут, но их статус предельно ясен — наш, кстати тоже. Старик на холме — хозяин. Остальные — рабы.

— Рабы! — Фыркнул Михай, слово это с болью проникло в его мозг. — Это отвратительно, рабов надо освободить.

— Не нужно лекций, и, пожалуйста, будьте реалистичными, даже если это вам неприятно. Здесь только два раба нуждаются в освобождении: вы и я. Эти люди кажется совершенно приспособились к своему положению, и я не вижу причин для его изменения. Я не собираюсь начинать освободительную компанию, пока сам не выберусь из этой заварухи,

но и потом не буду ничего предпринимать. Эта планета долгое время обходилась без меня, вероятно, она будет продолжать вращаться и после того, как я покину её!

— Трус! Вы должны бороться за Правду и Правда освободит вас!

— Я снова слышу эти большие слова! — прошептал Язон. — Единственное правильное занятие для меня сейчас — это попытаться освободиться. Ситуация трудная, но не безнадёжная — поэтому слушайте и усваивайте. Хозяин — его зовут Чака, похоже вышел на какую-то охоту. Он недалеко отсюда и скоро вернётся. Мне показалось с самого начала, что я узнаю язык. Я был прав. Это искажённая форма эсперанто — языка, на котором говорят множество миров. Этот искажённый язык плюс тот факт, что эти люди лишь на ступеньку поднялись выше каменного века, с очевидностью свидетельствует, что у них нет контактов с остальной частью Галактики, хотя я всё же надеюсь на другое. Где-нибудь на этой планете может быть торговая база, а в таком случае мы её отыщем. Конечно, у нас много поводов для беспокойства, но объяснить с ними мы, по крайней мере, можем. Эти люди изменили и утратили несколько звуков, приобрели гортанное звучание, но в конце концов с некоторыми усилиями понять значения их слов можно.

— Я не говорю на эсперанто.

— В таком случае учите его. Это достаточно легко, даже с этими искажениями. А теперь кончайте возражать и слушайте. Эти туземцы — рабы от рождения и это всё, что они знают. Наша главная проблема — Чака, и мы должны выяснить многое, прежде чем пытаться справиться с ним. Он хозяин, воин, отец, поставщик пищи и божество этой толпы и, похоже, знает свою работу. Поэтому постарайтесь быть хорошим рабом, пока...

— Рабом! Я! — Михай изогнул спину и попытался встать.

Язон толкнул его на землю, может быть резче, чем было нужно.

— Да, вы — и я тоже. Это единственная возможность выжить. Делайте тоже, что и другие, повинуйтесь приказам и у вас будет хороший шанс остаться в живых, пока мы не сможем выпутаться из этой истории.

Ответ Михая был заглушён криками, означавшими, что вернулся Чака. Рабы быстро поднимались, собирали свои узлы и начали образовывать единую линию. Язон помог Михайу встать, обмотал вокруг него шкуры, потом, поддерживая его, пошёл к собственному месту в линии рабов. Когда все заняли свои места, Чака пнул ближайшего и они медленно пошли вперёд, внимательно глядя себе под ноги. Язон не понимал значения их действий, и пока их с Михаем не трогали, все это мало беспокоило Язона, все его силы занимала необходимость поддерживать раненого Михая.

Один из рабов указал вниз и крикнул, вся линия остановилась. Раб был слишком далеко от Язона, чтобы тот понял причину всеобщего возбуждения. Раб наклонился и стал копать песок коротким куском деревянной палки. Через несколько секунд он выкопал что-то круглое размером в свой кулак. Он поднял этот предмет и понёс его к Чаке. Хозяин взял его и откусил часть. Когда человек, нашедший предмет повернулся, Чака сильно пнул его. Линия вновь двинулась вперёд.

Ещё дважды были найдены эти загадочные предметы, их тоже съел Чака. Лишь когда его голод был удовлетворён, он подумал о других. Когда был найден следующий предмет, Чака подозвал одного из рабов и бросил предмет в его корзину, укреплённую у того на спине. После этого раб, нёс корзину всё время перед Чакой, а тот внимательно следил, чтобы все найденные предметы попадали в корзину. Язон гадал, чтобы это могло быть, а бурчание в желудке подсказывало ему, что эти предметы съедобны.

Шедший рядом с Язоном раб вскрикнул и указал на песок. Язон посадил Михая, когда линия остановилась и с интересом следил, как раб копает землю своей палкой, обнажая маленький зелёный стебель, торчащий из песка. Постепенно открылся сморщенный серый предмет, раб сорвал с него зелёные листья — это был клубень или корень. Он показался Язону таким же съедобным, как и камень, но очевидно раб был другого мнения, у него потекли слюнки и он имел неосторожность понюхать клубень. Чака рассердился и, когда раб принёс корень, он получил такой сильный пинок, что с криком боли отлетел к своему месту

в линии.

Вскоре после этого Чака приказал остановиться и оборванные рабы собрались вокруг него, пока Чака рылся в корзине. Он по одному подзывал рабов и давал один или несколько корней, очевидно, в соответствии с их заслугами. Корзина опустела, когда он толкнул своей дубинкой в сторону Язона.

— К'е на х'вас ви? — спросил он.

— Мио измо остас Язон, миа амико ас та Михай.

Язон ответил на правильном эсперанто, но Чака, казалось его хорошо понял, так как он проворчал что-то и стал рыться в корзине. Закрытое маской лицо было обращено к нему, и Язон чувствовал, что его осматривают внимательные, глубоко спрятанные глаза. Дубинка вновь указала на него.

— Откуда вы пришли? Это ваш корабль там загорелся и потонул?

— Это был наш корабль. Мы прилетели издалека.

— С другой стороны океана? — Очевидно, это было самое удалённое место, которое мог представить себе рабовладелец.

— Верно, с другой стороны океана. — У Язона не было настроения читать лекцию по астрономии. — Когда нам дадут еду?

— Ты был богатым человеком в своей стране, у тебя был корабль, были башмаки. Здесь ты раб. Мой раб. Вы оба мои рабы.

— Я твой раб, мы твои рабы, — покорно ответил Язон. — Но даже рабы нуждаются в еде. Где же еда?

Чака порылся в корзине и нашёл крохотный увядший корень: он разломил его пополам и бросил в песок перед Язоном его часть. Вторую — Михаю.

— Работай лучше — получишь больше.

Язон подобрал куски и как мог стёр с них грязь. Один он протянул Михаю, а от второго откусил кусочек: песок скрипел на зубах, а по вкусу корень напоминал прогорклый воск. Потребовалось немало усилий, чтобы съесть отвратительную еду. Однако он съел. Несомненно это была пища, и её следовало съесть, пока не подвернётся что-нибудь получше.

— О чём вы говорили? — спросил Михай, перетирая пищу зубами.

— Обменялись ложью. Он думает, что мы его рабы, и я согласился. Но это лишь временно, — добавил Язон, так как лицо Михая покраснело от гнева и он начал подниматься. Язон заставил его сесть. — Мы на чужой планете, вы ранены, у нас нет пищи, воды, никаких шансов выжить. Единственное, что мы можем сделать, чтобы остаться в живых, это идти за этим старым уродом и делать всё, что он говорит. Если ему нравится называть нас рабами, ладно, — мы рабы.

— Лучше умереть свободным, чем жить в цепях.

— Перестаньте нести чепуху. Лучше жить в цепях и искать возможность избавиться от них. Возможность выжить значительно привлекательнее, чем смерть. Кончайте-ка болтать и ешьте. Мы ничего не сможем сделать, пока вы не поправитесь.

Всю оставшуюся часть дня линия рабов двигалась по песку, и Язон, кроме того, что он поддерживал Михая, нашёл два креноджа — съедобных корня. Они остановились перед сумерками и с облегчением опустили на песок. Когда Чака раздавал еду, они получили большую порцию — очевидное признание успехов Язона. Они были очень истощены и уснули, как только стемнело.

Следующий день начался по заведённому порядку. Поиски пищи шли параллельно невидимому морю и один из рабов забрался на вершину дюны, дававшей им воду. Он увидел что-то интересное, потому что скатился с холма и дико замахал обеими руками. Чака тяжело подбежал к дюне и о чём-то поговорил с разведчиком, потом прогнал его от себя. Язон с нарастающим интересом смотрел, как Чака развязал сумку, свисавшую с его плеча и извлёк оттуда эффектно выглядевший самострел, взводя его курок нажатием специальной рукоятки.

Это сложное смертельное оружие казалось совсем не на месте в примитивном рабовладельческом обществе и Язон почувствовал желание получше разглядеть механизм.

Чака извлёк из другого мешка стрелу и зарядил самострел. Рабы молча сидели на песке, пока их хозяин шёл вдоль дюны, потом поднялся на неё, молча пополз на животе и исчез из вида. Через несколько минут из-за дюны послышался крик боли, все рабы вскочили на ноги и побежали смотреть. Язон оставил Михая на песке и был в первом ряду зрителей, которые вскарабкались на холм над берегом.

Они остановились на обычном расстоянии и кричали хвалу великому выстрелу и искусству могучего охотника Чака. И Язон убедился, что в этих похвалах была правда.

Большая, покрытая шерстью амфибия лежала на краю пляжа, из её толстой шеи торчала стрела и тёмная струйка крови сбегала вниз и смешивалась с набегавшими волнами.

— Мясо! Сегодня мясо! Чака замечательный охотник!

— Да здравствует Чака, великий добытчик еды! — Присоединился к остальным Язон. — А когда мы будем есть?

Хозяин не обращал внимания на своих рабов, он сидел, отдуваясь, на песке. Немного отдохнув, он подошёл к зверю, вырезал ножом стрелу и зарядил самострел.

— Собирайте дрова для костра, — приказал он. — Ты, Списвени, возьми нож.

Шаркая ногами, Чака отошёл, сел на холм и направил самострел на раба, приблизившегося к убитому животному. Чака оставил свой нож в туше и Списвени вытащил его и начал свежевать животное. Пока он работал, Чака внимательно следил за ним, держа под прицелом своего самострела.

— Однако наш рабовладелец доверчивая душа, — пробормотал Язон, присоединяясь к искавшим дрова.

Чака, по-видимому, опасался убийц и держал оружие наготове. Если только Списвени попытался бы использовать нож для чего-нибудь другого, он тут же получил бы стрелу в затылок. Весьма эффективно.

Вскоре набралось достаточно дров для костра и когда Язон вернулся со своей долей, росмаро был уже разрублен на куски. Чака отогнал рабов от груды дров и извлёк из сумки ещё одно небольшое приспособление.

Заинтересованный, Язон подошёл как можно ближе. Хотя он никогда не видел раньше этого, он сразу понял действия добывавшего огонь. Чака сильно ударил камнем по куску стали, искры подожгли трут. Чака раздувал их, пока не появилось пламя.

Откуда появилось огниво и самострел? Они были очевидным доказательством более высокого уровня культуры, чем тот, которым владели эти кочевники-рабовладельцы. Это было первое замеченное Язоном доказательство наличия на планете более культурного общества. Позже, когда они грызли поджаренное мясо, он отвёл Михая в сторону.

— Есть ещё надежда. Эти невежественные разбойники никогда не сумели бы смастерить самострел или огниво. Мы должны выяснить, откуда это появилось. Я взглянул на стрелу, когда Чака извлекал её, и готов поклясться, что у неё стальной наконечник. Это означает индустриальное общество и возможную межзвёздную связь.

— В таком случае мы можем спросить у Чаки, где он их взял и отправиться туда. Должно быть какое-то правительство, мы с ним свяжемся, объясним ситуацию и добьёмся отправки на Кассилию. Пока мы не улетим, я не буду добиваться вашего ареста.

— Вы очень любезны, — сказал Язон, поднимая бровь. Михай совершенно невозможен и Язон прибег к другому средству в поисках слабого места. — Неужели вы по-прежнему хотите отвезти меня на смерть? В конце концов, мы товарищи по несчастью и я спас вам жизнь.

— Я огорчён Язон. Я вижу: хотя вы и олицетворяете зло, но не все в вас зло, если бы вы получили соответствующее воспитание, вы бы заняли в обществе подобающее место. Но мои личные чувства не должны влиять на долг, вы забыли, что совершили ряд преступлений и должны понести наказание.

Чака сыто рыгнул из глубины своего шлема-раковины и крикнул рабам:

— Эй, вы, свиньи, хватит жрать! Вы станете слишком жирными. Соберите мясо, ещё много времени до сумерек, мы сможем отыскать немало креноджей. Пошевеливайтесь!

Вновь образовалась линия и началось медленное продвижение по пустыне... Было найдено ещё много съедобных корней; однажды они ненадолго остановились, чтобы наполнить меха водой из ключа, бьющего среди песка. Солнце клонилось к горизонту; то небольшое тепло, которое шло от него, поглощалось грудой облаков. Язон оглянулся и задрожал от холода, потом заметил линию пятен у горизонта. Он слегка толкнул локтем Михая, хромавшего рядом.

— Взгляните, подходит какая-то компания и интересно, входит ли эта встреча в программу.

Занятый своей болью, Михай не обратил на это внимания. Так же, к удивлению Язона, поступили остальные рабы и сам Чака. Пятнышки увеличивались и превратились в ряд людей, занятых, очевидно, тем же самым делом. Они брели вперёд, осматривая песок и за ними шёл хозяин. Две линии медленно приближались друг к другу.

Возле дюны была навалена груда камней. Подойдя к ней, линия рабов остановилась; рабы с восклицаниями опустили на песок. Очевидно, это был межевой знак, обозначающий границу владений. Чака подошёл и поставил ногу на один из камней, ожидая пока приблизится другая линия. Она также остановилась у межевого знака; обе группы равнодушно, без интереса смотрели друг на друга и лишь хозяева проявили некоторое оживление. Второй хозяин остановился за добрых десять шагов от Чаки и поднял над головой каменный молоток.

— Ненавижу тебя, Чака! — проревел он.

— Ненавижу тебя, Фасимба! — был ответ.

Обмен проклятиями был столь же формальным, как и па-де-де в балете. Оба потрясли оружием и выкрикнули несколько угроз, потом сели и принялись спокойно разговаривать. Фасимба был одет в такой же отвратительный, наводящий ужас наряд, как и Чака. Различие было лишь в незначительных деталях. Кроме раковины, на голове у него был череп росмаро, усеянный несколькими дополнительными рядами клыков и рогов. Остальные различия были незначительными.

— Я убил сегодня росмаро, второй раз за десять дней, — сказал Чака.

— Хорошая добыча. А где два раба, которых ты мне должен?

— Я должен тебе двух рабов?

— Ты мне должен двух рабов, не прикидывайся дураком. Я принёс тебе железную стрелу от дзертаноджей, а второго раба ты должен взамен убитого.

— У меня есть два раба для тебя. Вчера я захватил двух рабов, приплывших из-за океана.

— Отличная добыча.

Чака пошёл вдоль линии рабов, пока не подошёл к оплошавшему рабу, который днём вызвал его гнев. Поставив его на ноги, он подтолкнул его ко второй толпе.

— Хороший раб, — сказал он, провожая это своё имущество сильным пинком.

— Слишком тощий.

— Нет, сплошные мускулы. Хорошо работает и ест немного.

— Ты лжец!

— Ненавижу тебя, Фасимба!

— Ненавижу тебя, Чака! А где же второй раб?

— Есть чужеземец из-за океана. Он сможет рассказать тебе многое весьма забавное и будет хорошо работать.

Язон вовремя увернулся, но пинок был всё же достаточно силён, чтобы свалить его. Прежде чем он смог встать, Чака поймал Михая за руку и перетащил через невидимую линию, разделяющую группу. Фасимба подошёл, осмотрел его, подталкивая носком ноги.

— Плохо выглядит, большая дыра в голове.

— Он хорошо работает, — сказал Чака, — а голова почти зажила. Он очень силён.

— Ты дашь мне другого, если он умрёт? — с сомнением спросил Фасимба.

— Дам, ненавижу тебя, Фасимба!

— Ненавижу тебя, Чака!

Стада рабов поднялись и побрели обратно, каждое в свою сторону. Язон крикнул Чаке:

— Подожди, не отдавай моего друга, мы вдвоём будем работать лучше, ты можешь избавиться от кого-нибудь другого...

Рабы вытащили глаза, а Чака повернувшись, поднял дубинку.

— Замолчи. Ты раб. Если ещё один раз скажешь мне, что я должен делать, я убью тебя.

Язон замолчал. Это было единственное, что ему оставалось делать. Он не сомневался в судьбе Михая: если он даже выживет после ранения, он не такой человек, чтобы смириться с жизнью раба. Однако, Язон не мог больше пытаться выручить его. Отныне он будет заботиться только о себе.

Они сделали короткий переход до темноты, пока вторая группа рабов не скрылась из вида, потом остановились на ночь. Язон забрался в убежище между камнями — там не так дул ветер — извлёк кусок припрятанного мяса. Оно было жёсткое, но намного лучше едва съедобных креноджей. Язон грыз кость, следя за подходящим к нему рабом.

— Дай мне немного мяса, — послышался жалобный голос, и только услышав его, Язон понял, что это девушка: все рабы были одинаково одеты, волосы у всех были одинаково нестрижены и спутаны. Он оторвал кусок мяса.

— Бери. Садись и ешь. Как тебя зовут?

В обмен на свою щедрость он рассчитывал получить кое-какую информацию.

— Айджейн. — Она крепко сжала мясо в кулаке, указательным пальцем свободной руки вычёсывая насекомых из грязных волос.

— Откуда ты? Ты всегда тут жила?

— Нет, не всегда. Сначала я была у Гульведжо, потом у Фасимбо, а теперь я принадлежу Чаке.

— Кто такой Гульведжо? Такой же хозяин, как Чака?

Она кивнула, грызя мясо.

— А эти дзертаноджи, у которых Фасимбо получил железную стрелу, кто они?

— Ты многого не знаешь, — ответила она, доедая мясо и облизывая жир с пальцев.

— Я знаю достаточно, чтобы иметь мясо, когда у тебя его нет, поэтому не злоупотребляй моим гостеприимством. Так кто же такие дзертаноджи?

— Все знают, кто они такие, — она недоуменно осмотрелась и пожала плечами, выискивая мягкое место в песке. — Они живут в пустыне. Ездят в кораджах. Они пахнут плохо. У них много интересных вещей. Один из них дал мне мою лучшую вещь. Если я покажу её тебе, ты не отберёшь?

— Нет, я даже не притронусь к ней. Но я хочу увидеть что-нибудь сделанное ими. Вот возьми ещё мяса. И покажи мне твою лучшую вещь.

Айджейн порылась в своей шкуре и вытащила что-то крепко зажатое в кулаке. Она гордо разжала кулак: было достаточно светло, чтобы Язон мог рассмотреть круглую красную бусинку.

— Красивая, правда? — спросила она.

— Очень, — согласился Язон и почувствовал печаль, глядя на жалкую безделушку. Предки этой девушки прилетели на планету в космических кораблях, обладая знаниями и техникой. Отрезанные от всех, их дети выродились и превратились в этих полумразумных рабов, которые ценят превыше всего подобный кусочек стекла...

— Ну, хорошо, — сказала Айджейн и начала разматывать с себя шкуры.

— Подожди, — сказал Язон. — Я дал тебе в подарок мясо. Ты ничего не должна мне за него.

— Я тебе не нужна? — удивлённо спросила девушка, набрасывая шкуру на свои голые плечи. — Я тебе не нравлюсь? Ты думаешь, что я слишком безобразна?

— Ты прекрасна, — ответил Язон. — Но я сильно устал.

Была ли девушка безобразна или красива? Он не мог бы этого сказать. Немытые грязные волосы закрывали половину лица, другая половина была покрыта грязью. Губы её

потрескались, а на щеке красовался синяк.

— Позволь мне остаться с тобой на ночь, даже если ты слишком стар и я тебе не нужна. Мзилькази преследует меня и причиняет мне боль. Посмотри, вот он.

Человек, на которого она показала, следил за ними с безопасного расстояния и скрылся, как только Язон взглянул на него.

— Не беспокойся насчёт Мзилькази, — сказал Язон, — мы выяснили наши отношения в первый же день... Видела шишку у него на голове?

— Ты мне нравишься. Ещё раз покажу тебе свою лучшую вещь.

— Ты мне тоже нравишься. Нет, не сейчас. Спокойной ночи.

Глава 5

Весь следующий день Айджейн находилась рядом с Язоном. Она шла рядом с ним, когда началась бесконечная охота за креноджами. Когда появлялась возможность, он рассматривал округу и расспрашивал её и ещё до полудня извлёк все имеющиеся скудные сведения о событиях происходящих за пределами равнины где они жили.

Океан для неё был чудом, производившим съедобных животных, рыбу и изредка человеческие трупы. Время от времени с берега можно было увидеть корабли, но о них они не знали ничего.

С противоположного края эта равнина ограничивалась пустыней, ещё более негостеприимной, чем та узкая полоска, где они влачили жалкое существование.

Из рассказов Айджейн трудно было решить, были ли эти кораджи животными или особыми механизмами. Океан, берег и пустыня — это был весь её мир, и она не могла представить себе, что есть что-то другое. Язон знал, что это другое должно существовать, и доказательством этому служил самострел. Язон твёрдо решил выяснить откуда он появился.

Вот с этой целью он и собирался при первой же возможности изменить своё положение раба. Он научился удачно избегать ударов тяжёлых башмаков Чаки, работа была не тяжёлой и пищи в общем было достаточно. Положение раба избавляло его от всякой ответственности, кроме необходимости повиноваться приказам и он надеялся, что у него будет достаточно возможностей узнать эту планету.

Позже, в этот день в отдалении появилась ещё одна колонна рабов, шедших навстречу. Язон ожидал повторения формальностей встречи второго дня. Но к его удивлению этого не было. Вид приближающихся рабов привёл Чаку в страшную ярость и его собственные рабы разбежались в испуге в разных направлениях.

Подпрыгивая, что-то гневно крича и колотя дубинкой по толстой коже своих доспехов, Чака довёл себя до крайнего исступления и побежал навстречу подходящим тяжёлой рысью. Язон последовал за ним, чрезвычайно заинтересованный этим новым поворотом событий. Линия приближающихся рабов расступилась, пропустив другую вооружённую фигуру. Они побежали друг к другу изо всех сил и Язон подумал, что сейчас раздастся треск столкновения. Однако, не доходя друг до друга, они замедлили бег и начали кружить, выкрикивая проклятия.

— Ненавижу тебя, Мшика!

— Ненавижу тебя, Чака!

Слова были те же самые, но выкрикивались они с яростью и неподдельной искренностью чувств.

— Я убью тебя, Мшика! Ты вновь пришёл на моё пространство со своими пожирателями падали!

— Ты лжёшь, Чака! Эта земля всегда была моей!

— Я убью тебя!

Выкрикнув эти слова, Чака подпрыгнул и нанёс страшный удар дубинкой, но Мшика ожидал этого и отступил, нанеся встречный удар Чаке. Последовали быстрые удары с обеих сторон. Схватка пошла серьёзная.

Они катались по земле, свирепо хватаясь за одежду друг друга и выкрикивая ругательства. Тяжёлые дубинки были отброшены, в ход пошли ножи и колени. Теперь Язон понял, зачем над коленными чашечками были нашиты длинные клыки. Это была беспощадная борьба и каждый старался убить своего противника... Было похоже, что дело идёт к ничьей, когда оба остановились передохнуть, но через некоторое время они снова ринулись в бой.

Равное положение нарушил Чака. Он воткнул свой кинжал в песок и при следующем кувырке ухватил его рукоятку в зубы. Мшика закричал и вырвался, кровь бежала у него по рукам и капала с кончиков пальцев. Чака прыгнул за ним, но раненый успел подобрать свою дубинку и побежал. Чака рванулся за ним, но недолго, выкрикивая похвалы своей силе и умению, и ругал своего противника за трусость.

Язон увидел короткий острый рог какого-то животного, лежавший в песке и быстро подобрал его, прежде чем Чака успел вернуться.

Как только его противник исчез из вида, Чака внимательно осмотрел поле битвы и собрал все, похожее на оружие. Хотя ещё оставалось несколько часов дневного света, он приказал остановиться и раздал вечернюю порцию креноджей. Язон сел и принялся жевать... Айджейн села рядом с ним, её плечи ритмично двигались — она вычёсывала насекомых. Воши были неизбежны. Они прятались в складках шкур и появлялись, почувствовав тепло человеческого тела.

Язон тоже получил свою порцию этих паразитов и тоже усиленно чесался. Этот припадок чесания довёл до предела гнев, который нарастал в нём, медленно и незаметно.

— Я достаточно послужил, — сказал он, вскакивая на ноги. — Мне надоела эта участь раба. Как лучше всего попасть в пустыню, где живут дзертаноджи?

— Нужно идти туда, путь займёт два дня. А как ты убьёшь Чаку?

— Я не собираюсь его убивать. Я просто уйду. Я испытал его гостеприимство и его башмаки, с меня достаточно.

— Но ты не сможешь уйти, — сказала она, — тебя убьют.

— Чака не сможет меня убить, если меня здесь не будет.

— Каждый сможет убить тебя. Таков закон. Беглых рабов всегда убивают.

Язон вновь сел, откусил другой кусок от своего креноджа и призадумался.

— Ты говоришь, что мне надо убить Чаку. Но я не хочу убивать его, хотя он украл мои башмаки. И вообще я не понимаю, чем мне поможет это убийство?

— Ты глуп. Если ты убьёшь Чаку, ты станешь новым Чакой. Тогда ты сможешь делать всё, что захочешь.

Конечно. Теперь, после этих слов, социальная структура общества была для него ясна. В действительности это был один класс с волчьим законом. Он должен был понять это, видя, как Чака тщательно следит, чтобы никто не подходил к нему на близкое расстояние, и как он каждую ночь исчезал в каком-нибудь укромном месте. Каждый был лишь за себя, все против одного. Положение определялось силой рук и быстротой реакции. Каждый, кто оставался в одиночестве, становился рабом этого общества и мог быть убит любым встречным.

Всё говорило о том, что он должен убить Чаку, если хочет освободиться.

Вечером он следил за Чакой, и когда хозяин ушёл, заметил направление. Конечно, хозяин будет петлять, но Язон решил, что сумеет отыскать его. И убьёт. У него не было особой любви к ночным убийствам, он считал, что убийство спящего — это подлость и трусость, но особые условия требуют особых решений. Он не пара тяжеловооружённому человеку в открытой схватке: поэтому нож убийцы был неизбежен. Или острый рог. Он молча выскользнул из-под покрывавших его шкур. Айджейн знала, что он уходит, он видел в звёздном свете её открытые глаза, но она не двинулась и не сказала ни слова.

Разыскать Чаку в темноте пустынной ночи было не легко, но Язон был настойчив. Он двигался по дугам, все более и более широким, постепенно удаляясь от спящих рабов. Местность была полна ущелий и оврагов, в одном из них следовало искать спящего Чаку, он мог проснуться при малейшем шуме. То, что Чака принял особые меры предосторожности,

стало ясно Язону, когда он услышал звон колокольчика. Язон мгновенно замер. Он проклинал свою глупость, только теперь он вспомнил звон, который слышал раньше со стороны ушедшего на ночь Чаки. Медленно и беззвучно отступил Язон в глубину ущелья. С топотом появился Чака, размахивая над головой дубинкой и направился прямо к Язону. Язон отчаянно увернулся от дубинки, которая вонзилась в землю рядом с ним. Он побежал с максимальной скоростью по оврагу. Он знал, что если упадёт, то будет мёртв, но ему ничего не оставалось делать и он продолжал бежать. Тяжеловооружённый Чака не мог догнать его, он гневно выкрикивал угрозы и проклятья, но отставал. Язон исчез в темноте, и сделав широкий круг, вернулся к спящим рабам. Когда он нырнул под свои шкуры, небо уже серело. Язон надеялся, что Чака не узнал его в темноте.

Когда над горизонтом поднялось красное солнце, появился Чака, весь трясшийся от гнева.

— Кто это был? — кричал он, все ближе подходя к тому месту, где лежал Язон. — Кто приходил ночью? — Он шёл среди них, бросая направо и налево свирепые взгляды.

Пятеро рабов указало на Язона, и Айджейн задрожала и отодвинулась от него.

Проклиная их предательство, Язон вскочил и побежал от свистящей дубинки. В его руке был заострённый нож, но он знал, что не выстоит в открытой схватке против Чаки.

Но другого пути не было. Он оглянулся, увидел преследующего врага и вовремя увернулся от подставленной ноги раба. Все были против него!

Он убежал от рабов и взобрался на вершину высокой дюны, поднимаясь по крутому склону и с усилием цепляясь за стебли жёсткой травы. Повернувшись, он бросил в лицо Чаке горсть песка, стараясь ослепить его, но рабовладелец уже извлекал свой самострел.

Язон устал, но он знал, что это лучшая возможность для контратаки. Рабы не были видны и теперь это будет схватка один на один. Опускаясь по скалистому склону, он внезапно повернулся к Чаке, тот не ожидал этого, его дубинка была поднята лишь наполовину, но он ударил ею. Язон нырнул под удар и использовал инерцию тела Чаки, чтобы бросить его на землю. Вооружённый человек перевалился лицом вниз через камень, и прежде чем он упал окончательно, Язон сидел уже у него на спине, схватив его за подбородок. Он поранил пальцы об усеянное клыками ожерелье, схватил бороду противника и дёрнул её. Голова Чаки откинулась и в этот же миг Язон всадил заострённый рог в приоткрывшееся горло. Чака странно задёргался под ним и умер.

Язон встал на ноги, испытывая полное изнеможение. Он был наедине со своей жертвой. Он вытер об песок свои окровавленные руки и начал раздевать труп.

Когда он развязал шкуры и отбросил шлем, то увидел, что Чака был уже пожилым человеком. В бороде его было мало седых волос, но редкие волосы на голове были совсем белые.

Потребовалось много времени, чтобы снять одежду и оружие, натянуть их на себя, но это было сделано. Среди вещей Чаки оказались башмаки Язона. Когда, наконец, он увидел их, грязные, но целые, он обрадовался и с удовольствием натянул их на себя. Наконец, Язон надел шлем, и Чака воскрес. Тело на песке принадлежало мёртвому рабу. Язон выкопал мелкую могилу, положил туда тело и засыпал его.

Потом, взяв оружие, сумки и самострел, держа в руке дубинку, он пошёл к ожидавшим его рабам. Как только он появился, они встали и образовали линию. Язон увидел, что Айджейн с тревогой смотрит на него, пытаясь угадать, кто же выиграл схватку.

— Один ноль в пользу команды гостей, — сказал он и она улыбнулась ему испуганной улыбкой. — Головы выше и пошли туда, откуда пришли. Новый день наступил для вас, рабы. Я знаю, вы не верите, но у вас в запасе большие возможности.

Насвистывая, он шёл за линией рабов и с удовольствием ел первый найденный рабами кренодж.

Глава 6

Этим вечером они разожгли костёр на берегу и Язон сел спиной к безопасному океану. Шлем он снял и держал в руке — эта штука причиняла головную боль. Он подозревал Айджейн.

— Я слышу, Чака и повинуюсь!

Она торопливо подбежала к нему, упала на песок и начала разматывать свои шкуры.

— Что за мнение у тебя о людях, — взорвался Язон. — Садись, я хочу поговорить с тобой. И зовут меня Язон, а не Чака.

— Да, Чака, — ответила она, бросая быстрый взгляд на его сердитое лицо и отворачиваясь.

Он поворчал и придвинул к ней корзину с креноджами.

— Не так-то просто изменить социальное устройство общества. Скажи мне, хотела бы ты или кто-нибудь из вас быть свободным?

— А что это значит — быть свободным?

— Что ж, твой вопрос и есть ответ. Свобода — это когда нет ни рабов, ни рабовладельцев, каждый может идти куда хочет и делать, что хочет.

— Мне это не нравится. — Она даже задрожала. — Кто позаботится обо мне? Как я смогу искать креноджи? Надо искать вместе, один умрёт с голоду.

— Если ты будешь свободна, ты уже можешь объединиться с другими свободными людьми для поисков креноджей.

— Это глупость. Кто найдёт кренодж, тот его и съест, никто не будет делить их.

Язон погладил свою отрастающую бороду.

— Всем вам нравится есть, но это же не значит, что все вы должны быть рабами. Но теперь я понимаю, что без решительного изменения обстановки, мне не удастся никого освободить, поэтому придётся мне как Чаке заняться предосторожностями, чтобы остаться в живых.

Он подобрал дубинку и пошёл в темноту, молчаливо обходя лагерь, пока не нашёл подходящий холм с ровными склонами. На ощупь он извлек из сумки маленькие колышки. Концы шнуров были прикреплены к ним, на них же были подвешены стальные колокольчики, которые звенели от малейшего прикосновения. Развесив их по кругу, он лёг в центре своей паутины и провёл бессонную ночь, всё время вскакивая и прислушиваясь к звукам.

Утром движение продолжалось, и вскоре они подошли к межевому знаку. Когда рабы остановились, Язон приказал им идти дальше. Они охотно повиновались, глядя вперёд и ожидая увидеть хорошую схватку за обладание чужой территорией. Их надежды начали оправдываться, когда позже на горизонте появился другой ряд рабов, от него отделился человек и побежал им навстречу.

— Ненавижу тебя, Чака! — кричал Фасимба, подбегая. — Ты пришёл на мою землю, я убью тебя.

— Не нужно, — отозвался Язон. — Да, ненавижу тебя, Фасимба, прошу прощения за то, что забыл формальности. Мне не нужна твоя земля. Я просто хотел поговорить с тобой.

Фасимба остановился, но поднял свой каменный топор и смотрел подозрительно.

— У тебя новый голос, Чака.

— Я новый Чака, старый Чака умер. Я хочу забрать у тебя обратно раба, тогда мы уйдём.

— Чака хорошо сражался. Ты, наверное, сражаешься лучше Чаки. — Он с гневом потряс топором. — Но не лучше меня, Чака!

— Ты лучше всех, Фасимба. Девять из десяти рабов хотели бы иметь тебя хозяином. Давай поговорим о деле. — Он посмотрел на ряд приближающихся рабов, стараясь разглядеть Михая. — Мне нужен раб с дырой в голове, и я отдам тебе за него двух рабов по твоему выбору. Что ты на это скажешь?

— Хорошая сделка, Чака. Бери любого из моих рабов, я заберу у тебя двоих. Но раба с дырой в голове нет. Я стёр ногу, пиная его. С радостью от него избавился.

— Ты убил его?

— Я не трачу рабов зря. Я продал его дзертаноджам. Взял за него две стрелы. Тебе нужны стрелы?

— Не сейчас, Фасимба, но благодарю за информацию. — Он порылся в корзине и извлёк кренодж. — Вот, поешь.

— Где ты взял отравленный кренодж? — спросил Фасимба с неподдельным интересом. — Я использую отравленный кренодж.

— Он не отравлен, он совершенно съедобен, как вообще все эти штуки.

Фасимба засмеялся.

— Ты отлично лжёшь, Чака, и я дам тебе за отравленный кренодж стрелу.

— Он твой, — ответил Язон, бросая плод на землю между ними. — Но говорю тебе, что он не отравлен.

— Это я скажу тому человеку, которого буду угощать. Я хорошо использую этот отравленный кренодж.

Он бросил на песок стрелу и схватил корень.

Когда Язон наклонился за стрелой, то он увидел, что она проржавела и почти разломалась пополам, но трещина тщательно замазана глиной.

— Хорошо, — сказал он вслед отступающему рабовладельцу. — Теперь только жди, пока твой друг съест этот кренодж.

Марш начался вновь, вначале к межевому знаку, до которого подозрительный Фасимба провожал их. Лишь когда Язон со своим отрядом пересёк границу, другие вернулись к своим обычным поискам пищи.

Затем началось долгое путешествие к границам внутренней пустыни. Поскольку они продолжали по пути поиски креноджей, потребовалось три дня, чтобы добраться до пункта назначения. Язон направил линию в нужном направлении, но как только они потеряли из виду море, он не знал, верно ли они идут, но он не показал своей неосведомлённости и рабы шли вперёд, как по хорошо знакомому маршруту. По пути они собрали большое количество плодов, отыскивали два источника воды, и однажды встретили стайку небольших животных у норы, но Язон, к невысказанному разочарованию рабов, умудрился промахнуться из самострела.

На утро третьего дня Язон увидел на плоской поверхности у горизонта разграничительную линию и ещё до обеда они пришли к морю волнистого голубовато-белого песка. По изменению цвета он понял, что начинается пустыня. Под ногами был жёлтый песок и гравий, среди которого росла трава и изредка попадались дававшие жизнь креноджи. Звери жили здесь, как люди, суровой жизнью, но всё же жили. Впереди, в обширном пространстве пустыни жизнь была невозможна и невидима, но не было сомнений, что дзертаноджи живут именно здесь. На горизонте была видна линия серых песков. Если это не облака, то может быть горы.

— Где мы найдём дзертаноджей? — спросил Язон у ближайшего раба.

Тот лишь нахмурился и отвёл взгляд. У Язона были сложности с дисциплиной. Рабы ничего не делали, если он не пинал их. Приказ, не сопровождаемый пинком, они не считали приказом, а его постоянное нежелание прибегать к физическому воздействию было воспринято ими как проявление слабости. Очевидно, составив себе мнение о нём, несколько наиболее сильных рабов незаметно съели найденные ими креноджи... Его попытки улучшить жизнь рабов самими рабами были обречены на неудачу. Со сдавленными проклятиями Язон замахнулся носком ноги.

— Они за той большой скалой, — последовал ответ.

На краю пустыни в указанном направлении видно было тёмное пятно. Когда они подошли поближе, Язон увидел, что это был скальный выход к которому была пристроена сложенная из кирпичей стена. За этой стеной могло скрываться большое количество людей, а Язон не собирался рисковать своими драгоценными рабами и ещё более драгоценной шкурой.

По его сигналу линия остановилась, рабы сели на песок, и он прошёл на несколько метров вперёд, держа в руке дубинку и подозрительно осматривая сооружение. То, что за ней скрывались невидимые наблюдатели, получило немедленное подтверждение: из-за угла стены появился человек, который медленно подошёл к Язону. Он был одет в свободную одежду и держал в одной руке корзину. Достигнув середины расстояния между Язоном и скалой, он остановился, поставил корзину и сел, скрестив ноги.

Язон внимательно осмотрел окрестности и решил, что позиция безопасна. Нигде не было видно возможности устроить засаду, а одного незнакомца он не боялся. Держа дубинку наготове, он пошёл вперёд и остановился в трёх шагах от незнакомца.

— Добро пожаловать, Чака, — сказал тот. — Я боялся, что не увижу тебя опять после небольшого недоразумения, которое произошло между нами. Говоря, он продолжал сидеть, поглаживая свою редкую бороду. Голова его была гладко выбрита и так же загорела, как и кожа лица. Наиболее выдающейся частью его лица был большой нос, оканчивающийся дрожащими ноздрями. Нос поддерживал пару самодельных защитных очков. Очки были изготовлены из кости и казались тщательно пригнанными к лицу: в их гладких, ровных передних частях были прорезаны узкие щели. Защита глаз — эти очки могли быть сделаны лишь для слабого зрения — и сеть морщин указывали, что собеседником Язона был старик, тем более не представляющий опасности для него.

— Я хочу чего-то, — сказал Язон, подражая резкой манере Чаки.

— Новый голос и новый Чака — добро пожаловать. Старик был собакой, я надеюсь, он умер в муках, когда ты убил его. Садись, друг Чака, выпей со мной. — Он осторожно извлёк из корзины кувшин и две чашки.

— Где ты взял отравленный напиток? — Поинтересовался Язон, вспомнив местные обычаи. Этот дзертанодж был проникательным человеком, если сразу сумел определить, что перед ним новый Чака. — Как тебя зовут?

— Эдилон. Не обижайся, — ответил старик и убрал кувшин и чашки в корзину. — Чего же ты хочешь? Нам всегда нужны рабы и мы согласны торговать с тобой.

— Мне нужен раб, которого вы купили. Я дам вам за него двух рабов.

Сидящий человек улыбнулся.

— Не нужно подражать неграмотной речи этих береговых варваров. Я и по акценту догадался, что передо мной образованный человек. Что за раб тебе нужен?

— Тот, которого вы получили от Фасимбы. Он принадлежит мне.

Язон отказался от своей лингвистической маскировки, поглядывая на окружающие пески. Он продолжал держаться настороже. Этот высохший старик намного умнее, чем он предполагал; и нужно сохранять осторожность.

— Это всё, что ты хочешь? — спросил его Эдилон.

— Это всё, о чём я могу говорить сейчас. Вы отдадите мне раба, тогда я поговорю о других делах.

— У меня на этот счёт другое мнение.

В смехе Эдилона послышались угроза и насмешка. Язон отпрыгнул, когда старик засунул два пальца в рот и резко свистнул. Послышался шорох сыплющегося песка и Язон увидел людей, выбирающихся из углублений, покрытых деревянными щитами и присыпанных песком. Их было шестеро, они были вооружены дубинками и щитами.

Язон проклинал себя за глупость, с которой он согласился на эту встречу в выбранном Эдилоном месте. Он хотел ударить старика дубинкой, но тот уже отбежал. Закричав от гнева, Язон подбежал к ближайшему человеку, который ещё не успел выбраться из укрытия. Но не успел, перед ним был уже другой противник, размахивающий своей дубинкой. Отступить было некуда, поэтому Язон побежал к нему, гремя нашитыми на одежду клыками и рогами. Человек отступил, Язон ударил его по щиту и хотел бежать дальше, но тут появился ещё один противник. Это была короткая и свирепая схватка. Двое нападающих лежали, третий держался за голову, но тяжесть остальных свалила Язона к земле.

Он позвал своих рабов на помощь, но они остались сидеть на месте, в то время, как его

руки были крепко связаны верёвкой, а оружие отобрано. Язона, рычащего от гнева, потащили к пустыне.

В стене, обращённой к пустыне, оказалось отверстие, и когда Язон увидел его, гнев его прошёл. Здесь стоял один из кораджей, о которых говорила ему Айджейн, в этом не было сомнений. Теперь он понял, почему невежественный человек не мог решить, что перед ним: животное или механизм?

Машина была добрых десяти метров в длину, по форме напоминала лодку, впереди у неё была большая и явно фальшивая звериная голова, покрытая шерстью и усеянная рядами зубов и сверкающих кристаллических глаз. Бока покрывала шкура, были также не слишком искусно сделанные лапы, не способные обмануть даже шестилетнего ребёнка. Такая маскировка могла ввести в заблуждение невежественного дикаря, но любой цивилизованный ребёнок сразу распознал бы машину, увидев шесть больших колёс. Двигателя не было видно, но Язон чуть не закричал от радости, уловив несомненный запах горючего. Это грубое приспособление должно было иметь искусственный двигатель — продукт местной промышленной революции или заимствованный у межзвёздных торговцев. Любая из этих возможностей означала шансы на спасение с этой безымянной планеты.

Дрожащих от ужаса рабов заставили по сходням войти внутрь кораджа. Четверо наиболее сильных противников Язона втащили его туда и бросили на палубу. Он лежал спокойно и осматривался, ища место, где спрятан двигатель. Впереди было что-то вроде руля и рукоятка, но места двигателя не было видно.

Тогда Язон повернулся так, что ему стала видна корма. Здесь была устроена кабина шириной с палубу, без окон и с единственной дверью, снабжённой множеством замков и запоров. Несомненно это было машинное отделение, о чём свидетельствовала и металлическая труба, проходящая через крышу кабины.

— Мы отправляемся, — пронзительно крикнул Эдилон и взмахнул в воздухе рукой. — Поднимите сходни. Нарсиси, сам встань спереди, чтобы указывать путь. А теперь всем молиться, пока я буду в священном помещении упрашивать божественную силу перенести нас в Путоко. — Он направился к кабине, но остановился возле одного из вооружённых дубинами людей. — Ты, Эребо, ленивая собака, ты не забыл наполнить баки богов водой? Они хотят пить.

— Я заполнил их, — пробормотал Эребо, жуя награбленные креноджи.

Эдилон подошёл к двери каюты и набросил на неё защитный занавес. Послышался звон и щёлканье замков и запоров, которые он открывал, скрываясь за занавесом. Через несколько минут из трубы вырвалось облачко бурого дыма и было унесено ветром.

Прошёл почти час, прежде чем священная сила была готова к действиям и доказала это шипением и испусканием струи пара. Четверо из рабов закричали от ужаса и упали в обморок, остальные выглядели так, что сочли бы смерть счастьем.

У Язона был некоторый опыт в обращении с примитивными машинами, поэтому действие парового котла не вызвало у него удивления. Он был подготовлен и к тому, что машина вдруг задрожала и начала медленно двигаться в сторону пустыни. По цвету дыма и качеству пара, вырывающегося с крыши, он заключил, что машина не очень эффективна, но даже такой примитивный корадж переносил своих пассажиров через пустыню с небольшой, но постоянной скоростью.

Послышались крики ужаса и несколько рабов попытались спрыгнуть за борт, но были отогнаны дубинами. Одетые в своеобразные балахоны дзертаноджи ходили между рабами и вливали им в глотку полные ковши какой-то тёмной жидкости. И первые же, проглотившие эту жидкость, упали без сознания или умерли, конечно же, больше шансов было за то, что они просто лишились чувств, так как их захватчикам не было никакого смысла убивать с таким трудом захваченных рабов. Язон понимал это, но испуганные рабы не понимали и боролись, думая, что борются за свою жизнь. Когда подошла очередь Язона, он не подчинился покорно и чуть не откусил несколько пальцев и ударил одного человека в живот, прежде чем они навалились на него, зажали нос и влили в рот обжигающую жидкость. Он

почувствовал головокружение и попытался выплюнуть её, но это было последнее, что он помнил.

Глава 7

— Выпейте ещё немного, — послышался голос и холодная вода выплеснулась Язону на лицо, немного её попало в горло и он закашлялся. Что-то твёрдое прижимало ему спину, запястья болели. Медленно восстанавливалась память: борьба, пленение и порция жидкости, насильно влитой в рот. Открыв глаза, он увидел над собой слабо мерцающую лампу, нависшую над головой на цепи. Знакомое лицо заслонило свет. Язон прикрыл глаза и застонал.

— Это вы, Михай, или продолжается сон?

— Нельзя спастись от правосудия, Язон. Это я и у меня к вам есть несколько серьёзных вопросов.

Язон снова застонал.

— Да, теперь я вижу, что это вы. Даже в кошмаре мне вряд ли предвиделась бы подобная последовательность. Но до ваших вопросов не обрисуете ли мне обстановку, вы же должны кое-что знать. Ведь вы раб дзертаноджей дольше, чем я...

Язон осознал, что железные наручники вызывают боль в запястьях. Через них проходила цепь, прикреплённая к толстому деревянному бруску, на который он опирался головой.

— Почему цепи, и вообще как выглядит местное гостеприимство?

Михай отклонил приглашение сообщить жизненно важную ситуационную информацию и вернулся к своей теме.

— Когда я видел вас в последний раз, вы были рабом Чаки. Вчера вечером вас доставили сюда с остальными рабами Чаки и приковали к этому бруску, пока вы были без сознания. Рядом со мной было пустое место и я сказал им, что буду ухаживать за вами. Они примостили вас рядом. Теперь я должен у вас кое-что узнать. Прежде чем они раздели вас, я видел, что у вас шлем и оружие Чаки. Где же он сам, что с ним случилось?

— Я — Чака, — проскрипел Язон и разразился кашлем из-за пересохшего горла. Он отхлебнул большой глоток из чашки. — Михай, старый мошенник, вы слишком склонны к обвинениям. Где теперь все эти последователи учения «Подставь другую щёку»? Не говорите мне, что вы любите человека, который ударил вас по голове, пробил череп и продал вас, как товар второго сорта. Если вы поразмыслите над законами справедливости, то должны быть довольны: злого Чаки больше нет. Он похоронен в бездорожной пустыне, и после того, как были тщательно рассмотрены все кандидатуры, я занял его место.

— Вы убили его?

— Да. И не думайте, что это было легко. У него были все преимущества, а я был вооружён лишь своей природной находчивостью. К счастью, этого хватило. То было трудное и продолжительное дело, потому что когда я хотел убить его ночью, во сне...

— Вы старались? — Михай Саймон даже зашипел.

— Подобраться к нему ночью? Не думаете же вы, что я сразу решил сразиться с этим чудовищем с глазу на глаз. Хотя этим и кончилось, так как он спал в центре паутины, которая предупреждала его обо всех ночных гостях. Короче говоря, мы сражались, я победил и стал Чакой, хотя моё царствование не было ни долгим, ни славным. Я шёл за вами и был пойман в ловушку хитрым стариком по имени Эдилон, который низверг меня в раба, захватив в плен и меня и всех моих рабов. Вот моя история. Теперь давайте вашу. Где мы находимся, что здесь происходит?..

— Убийца! Рабовладелец! — Михай отступил, насколько позволяла цепь и навёл указательный палец на Язона. — Ещё два преступления должны быть добавлены к вашему позорному списку. Я презираю себя, Язон, за то, что испытывал симпатию к вам и пытался вам помочь. Я по-прежнему буду вам помогать, но только для того, чтобы остаться живым и

иметь возможность доставить вас на Кассилию для суда и как следствие — наказания.

— Мне нравится этот пример веры, беспристрастности и справедливости, для суда и наказания. — Язон вновь закашлялся и отпил из чашки. — Вы когда-нибудь слышали о презумпции невиновности: пока вина не доказана, человек не считается виновным. Это краеугольный камень всей юриспруденции. И как можно судить меня на Кассилии, за преступления, совершенные на этой планете, если они здесь не считаются преступлениями? Это всё равно, что извлечь каннибала из его времени и наказать его за людоедство.

— Что же в этом невероятного? Поедание человеческого мяса — такое отвратительное преступление, что я содрогаюсь при мысли об этом. Конечно, человек, совершивший его, должен быть наказан.

— Если он прокрадётся через чёрный ход, съест кого-нибудь из ваших родственников, конечно, у вас будут основания для действий. Но не тогда, когда он вместе со своими веселящимися родственниками обедает своим врагом. Разве вы не понимаете, человеческое поведение нужно судить только с учётом окружающей среды. Нормы поведения относительно. Каннибал в своём обществе так же нравственен, как посетитель церкви — в вашем.

— Богохульник! Преступление всегда и везде преступление! Существуют моральные законы, обязательные для любого человека, человеческого общества.

— Таких законов нет, в этом пункте ваше мировоззрение осталось средневековым. Все законы и идеалы историчны и относительно, а не абсолютны. Они связаны со временем и местом, и вырванные из этого контекста, теряют всякий смысл. В этом примитивном и грязном обществе я действовал наиболее прямым и честным образом. Я пытался убить своего хозяина — это единственная возможность для честолюбивого парня выдвинуться и, несомненно этим путём занял своё место и сам Чака. Убийства не получилось, зато я победил в схватке, а результат был тем же самым. Захватив власть, я попытался позаботиться о своих рабах, но они этого не оценили: они не заслуживают заботы. Они лишь хотели занять моё место, таков закон этой планеты. Единственное в чём я действительно виновен: так это в том, что не последовал примеру других рабовладельцев, гоняющих своих рабов взад и вперёд вдоль берега. Наоборот, я отправился разыскивать вас, попал в ловушку, и сам был обращён в рабство.

Дверь со скрипом отворилась и резкий солнечный свет проник в лишённое окон помещение.

Хор стонов и криков прервался, люди начали вставать. Теперь Язон видел, что он был одним из двадцати рабов, прикованных к длинному бревну, очевидно, стволу какого-то большого дерева. Человек, прикованный в дальнем конце бревна, был кем-то вроде старшего. Он с криком и проклятиями подогнал остальных. Когда все встали, он грубым голосом принялся выкрикивать:

— Вперёд, вперёд, вам дадут поесть. И не забудьте свои чашки, возьмите их с собой; если у вас нет чашки, вы не будете есть и пить целый день. И мы должны работать весь день изо всех сил. Это касается всех, особенно новичков. Работайте на них день и они покормят вас...

— Ох, прекрати! — выкрикнул кто-то.

— ...и вы не можете пожаловаться на такой порядок, — продолжал скулить невозмутимо старший. — Теперь все вместе... раз, наклонитесь и возьмитесь за бревно... и... два... поднимем его, вот так... и... три все встали и пошли.

Они подошли к солнечному свету и холодный утренний ветер проник сквозь пиррянскую одежду и остаток шкур Чаки. Дзертаноджи сорвали с Язона усеянные клыками кожаные доспехи, но нижние шкуры не тронули и поэтому не обнаружили его ботинок. Это было единственное светлое место в темноте и мрачной перспективе будущего рабства. Язон постарался быть благодарным и за это, но лишь ещё больше задрожал от холода.

Как можно скорее, нужно изменить положение. Он считал, что уже достаточно пробыл рабом на этой планете в захолустье и заслуживает лучшей участи.

Рабы уложили бревно против стены, в двери, и сели на него. Протягивая свои чашки, как кающиеся грешники, они получили по черпаку тепловатого супа. Суп разливал из большой бочки на колёсах другой раб и он был прикован к бочке. Когда Язон попробовал похлёбку, он сразу потерял аппетит. Это был суп из креноджей, и будучи сваренными, эти корни стали ещё более невкусными, хотя Язон считал это невозможным. Но выжить было важнее, чем привередничать, и он проглотил невкусное варево.

Позавтракав, они через ворота прошли в другое огороженное место, и любопытство заставило Язона забыть все огорчения.

В центре двора находился большой кабестан, в который первая группа рабов укрепляла конец своего бревна. Группа Язона и ещё две заняли место и также прикрепили бревно к кабестану, образовав четыре ступицы огромного колеса. Надсмотрщик крикнул; рабы со стоном налегли своим весом на брёвна, те заскрипели и начали медленно поворачиваться. Вместе с ними повернулось и огромное колесо.

Работа началась и Язон переключил внимание на грубый механизм, который они приводили в действие. Вертикальный столб, что был укреплен на кабестане, заставлял вращаться колесо, что в свою очередь было связано с системой приводных ремней. Некоторые из ремней исчезали в окнах большого каменного здания, а самый толстый ремень приводил в движение рычаг чего-то толстого, похожего на насос.

Все вместе было похоже на малоэффективную систему перекачивания воды. Острый резкий запах заполняющий двор, был удивительно знаком и Язон уже пришёл к выводу, что целью их работы не может быть перекачивание воды, когда из напорной трубы донёсся хриплый звук и хлынула струя чёрной жидкости.

— Нефть, конечно! — Пришёл в восторг Язон, но тут же пришёл в себя; надсмотрщик сердито взглянул на него и угрожающе взмахнул хлыстом.

Так вот в чём секрет дзертаноджей и источник их власти. Повсюду за стенами вокруг были горы. Похитители привозили рабов сюда так, что никто не знал, в каком направлении находится это таинственное место и как долго длится путь сюда. Здесь, в этой охраняемой долине, они качали нефть, которая приводила в движение большие неуклюжие машины их хозяев. Но действительно ли они использовали сырую нефть?

Нефть образовывала поток, исчезающий в отверстии того же здания, куда вели и приводные ремни. Что за варварская чертовщина происходила там. Толстая дымовая труба венчала здание и выпускала клубы чёрного дыма, а из многочисленных отверстий в стене доносился ужасный запах.

В тот миг, когда он догадался, что происходит в здании, открылась ведущая туда дверь, которая охранялась, и вышел Эдилон, высмаркивая свой выдающийся нос в обрывок тряпки. Скрипящее колесо продолжало вращаться, и когда Язон оказался рядом с ним, он крикнул:

— Эй, Эдилон, иди сюда, мне нужно поговорить с тобой. Я бывший Чака, если ты не узнаешь меня без вооружения.

Эдилон взглянул на него и отвернулся, вытирая нос. Было очевидно, что раб, кем бы он ни был раньше, не представлял для него интереса. Подбежал надсмотрщик с кнутом, подняв хлыст, а вращение колеса уводило Язона прочь. Он крикнул через плечо:

— Послушай, я много знаю и могу помочь вам. — Никакого ответа, а хлыст свистнул рядом. Наступило время решительных действий. — Лучше послушайте меня, потому что я знаю то, что выходит первым лучше. — Ай! — Последнее вырвалось невольно, так как наконец, его настиг злоеший хлыст. Слова Язона были лишены смысла, как для рабов, так и для надсмотрщика, но действие их на Эдилона было таким же драматичным, как если бы он наступил на горячие угли... Вздвогнув, он остановился и повернул обратно и даже на таком расстоянии Язон увидел, что болезненная серость покрыла краской его коричневой от загара лицо.

— Остановите колесо! — крикнул он. Неожданная команда привлекла всеобщее внимание, надсмотрщик разинул рот, опустил хлыст. Рабы остановились, со скрипом остановилось и колесо.

В наступившем молчании глухо прозвучали шаги Эдилона. Он подбежал к Язону, вытянув руку. У него было такое выражение лица, будто он хотел укусить Язона.

— Что ты сказал? — торопливо произнёс он, извлекая из-за пояса нож.

Язон улыбнулся, стараясь выглядеть спокойней, чем он был на самом деле. Его замечание достигло цели, но в ответ он мог получить удар ножом в живот — это было наиболее уязвимое место.

— Ты слышал, что я сказал. Не думаю, чтобы ты хотел услышать это вновь в присутствии всех этих посторонних. Я знаю, что тут происходит, я могу помочь тебе. Я могу показать, как извлекать больше этого, лучше, и как заставить ваши кораджи двигаться быстрее. Только отвяжи меня от этого бревна и покажи, где мы можем поговорить.

Мысли Язона были ясны и ему было понятно о чём думал Эдилон. Тот жевал губы и смотрел на Язона возбуждённо, играя рукояткой ножа. Язон рассчитывал на интеллектуальность старика, на то, что любопытство победит желание немедленно заставить замолчать раба, который знает слишком много. Язон надеялся, что Эдилон остановит рассуждение: в конце концов раба всегда можно убить, и не будет никакого вреда, если ему зададут несколько вопросов. Любопытство победило. Нож скользнул обратно в ножны, и Язон облегчённо вздохнул.

— Освободите его от бревна и приведите ко мне, — приказал Эдилон и ушёл. Остальные рабы с широко раскрытыми глазами следили за пришедшим кузнецом. Наконец, после множества криков, цепь Язона была снята.

— Что вы делаете? — спросил Михай, но один из надсмотрщиков тут же бросил его на землю. Наконец, Язон добился своего, поэтому он лишь улыбнулся, прижав палец к губам.

Его цепь отсоединили, а его самого увели. Теперь можно убедить Эдилона, что он пригоден для чего-нибудь более сложного, чем выкачивание нефти.

Комната, в которую его ввели, содержала первые увиденные им на планете следы украшений и благоустройства. Мебель была хорошо украшена резьбой, а на кровати лежал тканый ковёр. Эдилон стоял у стола, нервно барабанил пальцами по нему.

— Пристегните его, — приказал он охранникам и цепь замков Язона языком замка прикрепила к толстому кольцу, вделанному в стену. Как только охранники вышли, Эдилон остановился перед Язоном и вытащил нож. — Говори, что знаешь, или я убью тебя на месте!

— Моё прошлое — открытая книга для тебя, Эдилон. Я пришёл из земли, где люди раскрыли все секреты природы...

— Как называется эта земля? Ты шпион Аппсалы?

— Не могу быть шпионом, так как никогда не слышал о таком месте. — Язон лихорадочно размышлял, насколько разумен Эдилон и насколько откровенным можно быть ему самому. Сейчас не время сочинять замысловатые сказки о планетной географии, лучше попытаться преподнести правду, хотя бы в малых дозах.

— Если я скажу, что прилетел с другого мира в небе среди звёзд, ты согласишься мне?

— Возможно. Существует много легенд о том, что наши предки спустились с неба, но я всегда считал это религиозными выдумками, пригодными лишь для женщин.

— В этом случае женщины правы. Ваша планета была когда-то заселена людьми, которые в своих кораблях пересекли пространство, как вы пересекаете пустыню на кораджах. Ваши люди все забыли, забыли науку и знания, которыми обладали когда-то, но на других мирах эти знания сохранились!

— Глупости!

— Вовсе нет. Я докажу свою правоту. Ты знаешь, что я никогда не был внутри этого прекрасного здания и ниоткуда и ни от кого не мог узнать ваши секреты. Но могу поклясться, что подробно опишу, что там происходит — не потому что видел, а потому что знаю, что нужно делать с нефтью, чтобы получить из неё нужные продукты. Хочешь послушать?

— Продолжай, — ответил Эдилон, садясь на угол стола и поигрывая ножом.

— Не знаю, как вы называете его, это устройство, но мы называем его перегонным

кубом и используем для разделения жидкостей. Сырая нефть поступает в какой-нибудь резервуар, откуда перекачивается в реторту, особый большой сосуд, который можно герметически закрыть и лишить доступа воздуха. Когда сосуд закрыт, вы разжигаете под ним огонь и доводите нагрев до нужной температуры. Из нефти поднимается газ и вы пропускаете его через систему изогнутых охлаждаемых труб. Потом вы подставляете под открытый конец трубы ведро и туда капает бензин, который и заставляет двигаться ваши кораджи.

По мере того, как Язон говорил, глаза Эдилона раскрывались все шире и шире, пока не стали похожи на варёные яйца.

— Дьявол! — закричал он и подступил к Язону с ножом. — Ты не мог это увидеть через каменные стены. Только моя семья знает это, готов поклясться!

— Спокойнее, Эдилон, я же тебе говорил, что мы производим это вещество у меня на родине многие годы. — Он балансировал на одной ноге, приготовившись ударить второй, если нервы старика не выдержат. — Я не крал ваших секретов, в нашей семье это пустяки, каждый фермер располагает такой установкой. Клянусь, что могу даже не глядя предложить некоторые усовершенствования. Как вы измеряете температуру нефти? У вас есть термометры?

— Что такое термометры? — спросил Эдилон, забыв на мгновение о ноже, в начавшемся техническом разговоре.

— Так я и думал. Я смогу сделать так, что ваш бензин будет намного лучше по качеству, если можно будет изготовить нехитрое приспособление. Пока вы не контролируете температуру на выходе, у вас получается смесь различных веществ. А то, что вы используете для своих машин — это наиболее летучая фракция, жидкость, которая конденсируется первой — газолин и бензин. Затем нужно повысить температуру и собрать керосин, он пригоден для освещения и других целей. В конце концов вы получаете густую массу гудрона, которым можно покрывать дороги. Как тебе это нравится?

Эдилон заставил себя успокоиться, хотя дёргающийся мускул щеки выдавал его напряжение.

— Ты сказал правду, хотя и ошибся в некоторых деталях. Но мне не интересны ваши термометры и другие усовершенствования — то, что было хорошо для многих поколений нашей семьи, хорошо и для меня.

— Твоё решение не очень оригинально.

— ...но если ты сделаешь кое-что другое для меня, получишь большую награду. Мы можем быть щедрыми, когда это необходимо. Ты видел наши кораджи и ехал в одном из них, видел, как я заходил в священное место, чтобы убедить святые силы двигать нас. Можешь ли ты сказать, какая сила движет кораджи?

— Надеюсь, это последний экзамен, Эдилон, экстраполяция отняла у меня много сил, могу сказать, что ты прошёл в машинное отделение и занялся работой, для которой меньше всего нужны молитвы. Есть несколько способов привести в движение эту машину, но будем думать о простейших. Принцип двигателя внутреннего сгорания забыт, сомневаюсь, чтобы вы сумели его восстановить, да и времени подготовка заняла бы меньше часа. Звуки, которые доносились оттуда, похоже были на свист пара из клапанов. Да, я совсем забыл об этих клапанах! Итак, пар. Ты вошёл, конечно, закрыв дверь, затем открыл несколько клапанов, пока горючее не попало в топку, потом поджёг его. Получив пар, ты пропустил его в цилиндры, заставив эту штуку двигаться, а после этого ты лишь следил, чтобы в котле было достаточно воды, чтобы давление пара поддерживалось в норме, чтобы огня было достаточно, чтобы все механизмы были смазаны и наконец...

Язон в изумлении глядел, как Эдилон забегал по комнате в возбуждении подобрав свой балахон над костлявыми коленями. Дрожа от волнения, он вонзил свой нож в стол и, подбежав к Язону, схватил его за плечи и потряс так, что зазвенели цепи.

— Ты знаешь, что ты сказал? — так сказал он. — Ты знаешь, что ты сделал?

— Хорошо знаю. Означает ли это, что я сдал экзамен и ты выслушаешь меня? Я был

прав?

— Я не знаю прав ли ты или нет, я никогда не заглядывал внутрь этих дьявольских ящиков. — Он вновь заплясал по комнате. — Ты знаешь об этих — как ты называешь? Да, о машинах — больше, чем я. Я прожил свою жизнь, лишь ухаживая за ними и проклиная людей из Аппсалы, которые утаили от нас свои секреты. Но ты откроешь для нас эти секреты. Мы построим свои собственные машины, а если они захотят их у нас купить, то дорого заплатят.

— Можешь ли ты высказаться несколько яснее? — спросил Язон. — Я никогда не слышал ничего более запутанного.

— Я покажу тебе их, человек из далёкого мира и ты откроешь нам аппсаланские секреты. Я вижу, рассвет нового дня встаёт над Путлко.

Он открыл дверь и позвал охранника и своего сына Нарсиси. Нарсиси пришёл, когда охранник снимал с кольца цепь. Язон узнал в нём заспанного дзертаноджа, который помогал Эдилону вести машину.

— Бери эту цепь, сын мой, и держи дубинку наготове. Если этот раб попытается бежать, убей его. Но остальные не должны причинять ему вреда: он очень ценен. Пошли.

Он потянул за цепь, однако Язон не двинулся. Все удивлённо посмотрели на него.

— Прежде, чем мы пойдём, договоримся кое о чём. Человек, который принесёт в Путлко новый мир, не раб. Это всем должно быть понятно, прежде чем мы начнём действовать. Я согласен работать под охраной, но рабство окончено.

— Но ты не один из нас, следовательно, ты раб.

— Я ввожу третью категорию в ваше социальное устройство — служащие, рабочие по найму. Хотя и без особого желания, я нанимаюсь к вам на работу и хочу, чтобы со мной обращались соответствующим образом. Убейте раба — что вы потеряете? Очень немного: в загоне множество рабов, любой займёт место убитого. Но убейте меня, что вы будете иметь? Мозги на дубинке, но они вам уже не пригодятся.

— Отец, он говорит, что я не могу его убить, — удивлённо спросил Нарсиси.

— Нет, он имеет в виду не это. Он говорит, что если мы его убьём, то никто другой не выполнит для нас эту работу. Существуют только рабы и рабовладельцы, остальное противоречит установленному порядку. Он поставил нас между сатаной и песчаной бурей, поэтому мы должны предоставить ему некоторую свободу. Отведите этого раба, я хотел сказать служащего, и мы посмотрим, сумеет ли он выполнить то, что обещает. Если не выполнит, я сам с удовольствием убью его: мне не нравятся революционные идеи.

Они выстроились цепочкой и пошли в закрытое и охраняемое, с большой дверью, помещение. В здании стояло семь кораджей.

— Взгляни на них, — сказал Эдилон, прочищая нос. — Это прекрасные повозки, они наводят ужас на наших рабов и врагов, быстро несут нас по песку, перевозят большие грузы, но только три из этих проклятых ящиков могут теперь двигаться.

— Какая-то неисправность, — небрежно бросил Язон.

Эдилон, ругаясь и пыхтя, подошёл к четырём огромным черным ящикам, разукрашенным мёртвыми головами, колотыми костями, потоками крови и кабалистическими символами устрашающего вида.

— Эти свиньи в Аппсале берут нашу водяную силу и не дают нам ничего взамен. О, да, они дают нам использовать эти машины, но проехдив несколько месяцев, эти проклятые штуки перестают работать. Тогда мы вынуждены возвращать их в город, менять на новые и платить, опять платить.

— Отличный грабёж, — сказал Язон, рассматривая запечатанные корпуса машин. — Почему вы не разберёте их и не попробуете сами починить, они не должны быть особенно сложными.

— Это смерть! — Выкрикнул Эдилон и оба дзертаноджа отпрянули при этих словах. — Мы пытались во времена моих отцов, ибо у нас нет суеверий, как у этих рабов. Мы знаем, что это создано людьми, а не богом. Однако, эти хитрые змеи из Аппсалы запрятали свои

секреты с коварством. При попытке взломать корпус, оттуда вырывается ужасная смерть и заполняет воздух. Люди, вдохнувшие этот воздух, умирают, даже те, которых слегка затронет этот воздух, покрываются язвами и умирают в страшных мучениях. Люди из Аппсалы смеялись, когда слышали об этом и ещё выше подняли цены.

Язон обошёл один из ящиков, с интересом рассматривая его. Нарсиси шёл за ним, держа в руке конец цепи. Ящик был высок, выше человеческого роста и вдвое больше в длину. Толстый столб выходил через отверстия с обеих сторон. Очевидно, это была ось, приводящая в движение колеса. Через отверстие в боках он мог разглядеть стрелки и два небольших цветных диска, над всем были три воронкообразные отверстия, которым была придана форма ртов. Встав на цыпочки, Язон заглянул на крышу, но там было лишь закопчённое отверстие с загнутыми краями, очевидно выход дымовой трубы. Кроме того, было ещё маленькое отверстие сзади и на ярком контейнере не было ни одного прибора.

— Я начинаю представлять картину, но вы должны рассказать мне, как вы управляете этой машиной.

— Раньше ты умрёшь, — кричал Нарсиси. — Только моя семья...

— Заткнись, — крикнул на него Язон, — запомнил? Больше никаких запугиваний. Для меня в этом нет никаких секретов. Я, вероятно, и сам знаю все, лишь взглянув на эту машину. Масло, вода и горючее подаются в эти три отверстия, куда-то вы подносите огонь, вероятно в это маленькое закопчённое отверстие, открывая один из этих вентилях. Другой служит для увеличения или уменьшения скорости, а третий показывает уровень воды. Диски, это какие-то указатели. — Нарсиси побледнел и отступил. — Поэтому помолчи, пока я говорю с твоим отцом.

— Ты верно сказал, — подтвердил Эдилон. — Рты всегда должны быть полны, и горе постигнет нас, если они окажутся пустыми во время движения. Огонь подносят именно туда, куда ты сказал и когда зелёная стрелка начнёт двигаться, нужно повернуть эту рукоятку и корадж двинется. Следующая для большей или меньшей скорости. Если стрелка дойдёт до красной черты, нужно повернуть рукоятку немного назад и держать до тех пор, пока стрелка не отступит назад. Белое дыхание выходит из отверстия сзади. Это все.

— Так я и ожидал, — пробормотал Язон и продолжал осматривать ящик, постукивая по нему пальцами. — Они дали вам минимум приборов для управления этой штукой, чтобы вы ничего не узнали о принципе её действия. Без теории вы никогда не узнали бы ничего. Зелёная стрелка начинает двигаться, когда повышается давление, а красная черта означает, что в котле нет воды. Довольно ловко. И, кроме того, здесь есть ещё кое-что вроде мины-ловушки на случай, если вы захотите посмотреть, что делается там внутри. Звук такой, будто оболочка у него двойная, а по вашему рассказу я заключаю, что между оболочками находится какое-то отравляющее вещество нарывного действия, типа горчичного газа. Оно там в жидком состоянии. Каждый, кто попытается эту оболочку вскрыть, тут же будет умерщвлён, получив порцию этого газа. Но должен всё же существовать доступ внутрь для ремонта и обслуживания машины: они не стали бы выбрасывать их через несколько месяцев эксплуатации... И, учитывая уровень технологии, демонстрируемый этим чудовищем, я думаю, что смогу проникнуть внутрь, обойдя все существующие ловушки. Я берусь за эту работу.

— Хорошо, начинай.

— Минутку, хозяин. Прежде, чем нанимать работника, вы должны кое-что уяснить себе. Всегда существуют определённые соглашения и условия, и я буду счастлив перечислить их вам.

Глава 8

— Я не понимаю, зачем тебе другой раб, — говорил Нарсиси. — Требовать женщину вполне естественно, точно так же, как отдельное помещение, и отец дал на это разрешение. Но он хотел, чтобы тебе помогали мои братья и я — секреты машин не должны достаться

посторонним.

— Тогда быстрее отправляйся к нему и пусть он даст разрешение, чтобы в работе мне помогал раб Михай. Объясни отцу, что Михай из той же страны, что и я, и ваши секреты для него всё равно, что детские игрушки. Если отец потребует ещё и объяснений, скажи ему, что мне нужен искусный помощник который умеет обращаться с инструментами и который будет точно выполнять мои распоряжения. Ты и твои братья слишком уверены в том, что знаете, что нужно делать, кроме того, вы склонны упускать детали, а если вещь вас не слушает, готовы скорее ударить её молотком, чем подумать.

Нарсиси вышел, кипя от злости и что-то бормоча, а Язон присел у печки, планируя новый шаг. Потребовалась большая половина дня, чтобы подложить под запечатанный ящик бревна и на них, как на катках, перетащить машину в песчаную долину, подальше от людей.

Открытое пространство было необходимо в экспериментах, где любая ошибка могла вызвать облако отравляющего газа. Даже Эдилон в конце концов понял разумность этого, хотя все его стремления сводились к тому, чтобы проводить эксперименты в глубокой секретности за закрытыми дверями. Он дал неохотное согласие, но вокруг машины были воздвигнуты стены из шкур, а вся местность усиленно охранялась. К счастью, завесы от шкур служили отличным заслоном от ветра.

После долгих споров с Язона сняли цепи, а тяжёлые ручные кандалы были заменены на лёгкие ножные. Он прихрамывал при ходьбе, зато руки были совершенно свободны и это было большим преимуществом, хотя рядом постоянно находился один из братьев с заряженным самострелом. Теперь Язону были необходимы кое-какие инструменты и сведения о технических познаниях этих людей, а это было связано с ещё одной утомительной битвой за их драгоценные секреты.

— Пойдём, — сказал он охраннику. — Надо найти Эдилона.

После первой вспышки энтузиазма вождь дзертаноджей проявил мало удовольствия от этих новых требований.

— Ты получил помещение, — проворчал он, — и рабыню, которая будет делать для тебя пищу, я только что дал разрешение, чтобы тебе помогал другой раб. Теперь ещё новые требования — ты хочешь выпустить всю мою кровь из жил?

— Не нужно драматизировать положение. Я просто хочу иметь кое-какие инструменты для своей работы. Мне нужно знать, прежде чем я приступлю к работе, как ваши люди решают технические проблемы. Поэтому, я хочу бросить беглый взгляд на ваш инструментальный склад, или на то место, где вы производите всяческие механические работы.

— Вход воспрещён...

— Запреты на сегодня стали препятствием, поэтому их нужно время от времени менять. Ты сам покажешь мне дорогу?

Охранник неохотно открыл дверь здания, где перерабатывалась нефть, потребовалось открыть множество замков и затворов. Вновь закованный в цепи и охраняемый как убийца, Язон был введён в тёмное помещение.

— Какой хлам! — Фыркнул он, пнув ящик с неуклюжими, изготовленными ручной ковкой инструментами. Работа была крайне грубой, что-то вроде неолитического машинного века. Сварные стыки были дырявыми. Инструменты в основном представляли собой кузнечные клещи и молотки для обработки металла на наковальне.

Единственными вещами, поразившими сердце Язона, были массивная дрель и токарный станок, работающий от приводных ремней, которые приводились в движение рабами.

Могло быть и хуже. Язон отобрал самые маленькие и удобные инструменты и отложил их в сторону, чтобы использовать на следующее утро. Стемнело, и работать в этот день было уже невозможно.

Вооружённая процессия вышла тем же порядком, что и вошла, и два брата отвели Язона в крохотную каморку. Тяжёлый затвор щёлкнул за ним, и он закашлялся от тяжёлого

запаха полусгоревшего керосина, которым была заправлена тускло горевшая лампа. Айджейн согнулась у небольшой печки, что-то варя в глиняном котле. Она взглянула на Язона и опасливо улыбнулась. Язон подошёл, понюхал и содрогнулся.

— Какой удар! Суп из креноджей и вероятно, закуска из сырого креноджа и салат из них же. Завтра я постараюсь разнообразить наше меню.

— Великий Чака! — Прошептала Айджейн, не глядя на него. — Могучий Чака!

— Меня зовут Язон. Я оставил Чаку вместе с его одеждой.

— ...Язон могуч, он может околдовать дзертаноджей и заставить их выполнять его волю. Рабыня благодарит его.

Он поднял её голову за подбородок и выражение бессловесной покорности в её глазах заставило его вздрогнуть.

— Ты можешь хоть ненадолго забыть о своём рабстве? Мы вместе сюда попали и вместе выберемся.

— Мы спасёмся. Я знаю это, ты убьёшь всех дзертаноджей, освободишь своих рабов и отведёшь нас домой, там мы снова будем бродить по берегу и есть найденные креноджи вдалеке от этого ужасного места.

— Как легко угождать некоторым девушкам. Именно это я имел в виду, за исключением того, что, вырвавшись отсюда, я пойду совсем в другую сторону, как можно дальше от твоих любимых креноджей.

Айджейн внимательно слушала, одной рукой мешая суп, а другой почёсывая под шкурой. Язон обнаружил, что и он чешется, а по болезненным расчёсам на коже было видно, что он посвящал этому занятию много времени с момента своего прибытия на эту планету.

— Хватит! — выкрикнул он и забарабанил в дверь. — Здесь очень далеко до цивилизации, как я её понимаю, но почему бы мне и не попытаться сделать условия более комфортабельными?

Загремели цепи и замки и за приоткрытой дверью показалось лицо Нарсиси.

— Почему ты кричишь? Что-нибудь случилось?

— Мне нужна вода, много воды...

— Но у тебя есть вода, — удивлённо сказал Нарсиси, указывая на каменный кувшин в углу. — Этого хватит на много дней.

— По вашим стандартам, старшина Нарс, а не по моим. Мне нужно в десять раз больше воды и немедленно. И мыло, если оно водится в этом варварском месте.

Начался долгий спор, но Язон в конце концов добился своего, заявив, что вода нужна для религиозных обрядов, иначе он не ручается за успех завтрашней работы.

Через некоторое время принесли множество разнообразных сосудов с водой и среди них мелкую чашку, полную чудесного жидкого мыла.

— Вот это другое дело! — воскликнул Язон и добавил: — Раздевайся, Айджейн, у меня для тебя есть сюрприз.

— Да, Язон, — сказала Айджейн, счастливо улыбаясь и ложась на спину.

— Нет, ты будешь мыться. Ты знаешь, что это такое?

— Нет, — ответила она, вздрогнув, — это звучит неплохо.

— Становись сюда, — приказал он, указывая на дыру. — Это будет стоком. Одежду в сторону.

Вода была нагрета на печке, но Айджейн все ещё жалась к стене и дрожала. Она задрожала ещё больше, когда Язон вылил на неё воду. Когда он начал тереть её волосы мылом, она завопила. Ему пришлось зажать её рот, чтобы она не привлекла внимание стражи.

Он натёр мылом и свою голову и испытал восхитительное покалывание, когда мыло дошло до основания волос. Мыло набилось ему в уши, поэтому лишь услышав хриплый крик Михая, он понял, что дверь открыта. Михай стоял в двери, указывая на него пальцем, а за его спиной виден был и Нарсиси, заглядывающий через его плечо и поражающийся такому диковинному религиозному обряду.

— Выродок! — загремел Михай. — Вы заставили это бедное создание подчиниться своей воле, вы унизили её, сняли с неё одежду и глядите на неё, хотя и не состоите с ней в священном браке! — Он прикрыл глаза рукой. — Вы зло, Язон, вы демон зла, и я вас обязан предать суду и...

— Вон, — рявкнул Язон, повернувшись и выпихивая Михая за дверь, усвоенными от Чаки приёмами. — Единственное зло — в вашем грязном мозгу, вы, назойливый фанатик. Девушка моется впервые в своей жизни. Я должен был бы получить медаль за распространение санитарии среди дикарей. — Он вытолкнул обоих за дверь и крикнул Нарсиси: — Мне нужен этот раб, но не сейчас, не сейчас! Заприте его до утра и утром приводите ко мне.

Он захлопнул дверь и решил, что будет запирать её изнутри.

Айджейн дрожала, поэтому Язон смыл с неё мыльную пену тёплой водой, прополоскал её волосы и дал ей чистый кусок шкуры, чтобы она вытерлась. Её тело девушки, лишённое шкур и слоя грязи, было молодым и сильным, у неё были крепкие груди и сильные бедра.

Язон вспомнил обвинения Михая и сердито бурча себе под нос, отвернулся. Он разделся, вымылся и использовал остатки воды, чтобы постирать свою одежду. Невыразимое чувство чистоты улучшило его настроение, напевая что-то, он задул лампу и окончательно вытерся в темноте.

Он лёг, укрылся чем-то вроде одеяла из меха и начал обдумывать план завтрашнего дня. Тёплое тело Айджейн прижалось к нему, немедленно заставив забыть все технические проблемы.

— Это я, — сказала она без особой необходимости.

— Да, — ответил он и закашлялся. Почему-то трудно стало говорить. — Но я вовсе не это имел в виду, устраивая купание...

— Ты не старый, что же тебе мешает?

Она казалась раздражённой.

— Ты должна понять, что я не хочу пользоваться своим преимуществом. — Он был смущён.

— Что это значит? Неужели ты из тех, кто не любит девушек? — Она начала плакать и он почувствовал, как дрожит её тело.

— Когда-то в Риме... — вздохнул он и похлопал её по спине.

На завтрак опять были креноджи, но Язон чувствовал себя физически очень хорошо. Он отмылся до розового цвета, зуд прошёл даже в отрастающей бороде. Металлическая пиррянская ткань высохла к утру, поэтому он смог одеть чистую одежду.

Айджейн все ещё не оправилась от травматического эффекта купания, но со своей чистой кожей, промытыми и немного причёсанными волосами, выглядела очень привлекательно. Пришлось отыскать для неё одежду, так как он не хотел разрушать результаты своей деятельности, позволив ей надеть грязные шкуры.

В хорошем настроении он крикнул, чтобы открыли дверь и пошёл по холодному утреннему воздуху к месту своей работы. Михай был уже там, он выглядел очень грязным и сердитым, и гремел цепями. Язон дружески улыбнулся ему, подсыпав соли на его душевные раны.

— Снимите с него цепи, — приказал Язон, — и побыстрее. Сегодня нам предстоит большая работа.

Он повернулся к запечатанной машине, потирая руки в ожидании. Защитный экран был сделан из тонкого металла и, казалось, не мог скрывать каких-либо секретов. Язон тщательно и осторожно соскрёб в нескольких местах краску, обнаружив гофрированный и запаянный стык, где соединялись стороны.

Целый час он простукивал корпус и, наконец, убедился в справедливости своего предположения: корпус был двойным, а промежуток между стенками был заполнен жидкостью. Пробейте стенку и вы умрёте. Очевидно, назначение этого устройства было

охрана секретов. Однако, где-то должен быть доступ к машине. Где же? Конструкция была кубической, кожух же закрывал лишь пять сторон. А что с шестой?

— Теперь стоит подумать, Язон, — сказал он сам себе и наклонился, чтобы разглядеть днище. Это была широкая пластина, видимо металлическая. Она защищала все дно и удерживалась четырьмя большими болтами. Итак, ответ заключён в шестой стороне.

— Сюда, Михай, — позвал он и тот неохотно оторвался от горячей печки. — Подойдите поближе и делайте вид, что осматриваете этот средневековый автомат, пока мы обговорим наши дела. Вы будете работать со мной?

— Я не хочу этого, Язон. Я боюсь, что вы запачкаете меня своими прикосновениями, как вы делали с другими.

— Но сейчас вы не так чисты, чтобы...

— Я не имею в виду физическую чистоту.

— А я имею в виду её. Вы тоже можете выкупаться. Я не беспокоюсь о вашей душе, вы о ней сами позаботитесь. Если вы будете работать со мной, я найду возможность извлечь вас отсюда и доставить в город, где были сделаны эти машины. Если только есть возможность выбраться с этой планеты, то только в том городе...

— Я знаю все это и всё же не решаюсь.

— Маленькое святотатство теперь для великой цели в будущем. Разве главной целью для вас не является желание доставить меня в суд и наказать?

Проведя остаток жизни здесь в качестве раба, вы этой цели не достигните.

— Вы адвокат дьявола, вы вселяете в меня сомнения, — и всё же вы правы. Я буду помогать вам здесь, чтобы вы не могли спастись.

— Отлично, теперь за работу. Отправляйтесь с Нарсиси и доставьте три бревна... таких, к каким были прикованы у насоса. Захватите и несколько лопат.

Рабы донесли бревна лишь до ширмы из шкур, так как Эдилон запретил им входить внутрь. Пришлось Язону и Михаю тащить их к машине.

Язон вырыл канавки под машиной и протолкнул туда бревна. Когда это было сделано, Язон, по очереди с Михаем, выбросили из под машины песок, пока она не оказалась над ямой, поддерживаемая только брёвнами. Язон лёг в яму и ещё раз осмотрел дно машины. Оно было ровным и лишённым всяких выступов. С большой осторожностью он поскрёб днище у края. Здесь обнаружился припой и Язон скрёб его до тех пор, пока не обнаружил полосу металла, припаянного по краям к днищу.

— Эти аппсаланцы очень хитры, — пробормотал он и атаковал припой лезвием ножа. Когда края были очищены, он осторожно потянул полоску металла, предварительно отвинтив четыре винта и убедившись, что её ничто не удерживает и что нигде нет ловушки. Она отделилась неожиданно легко и упала на дно ямы.

Обнажилась ровная металлическая поверхность и тоже без всяких выступов.

— На сегодня довольно, — сказал Язон, выбираясь со дна и вытирая руки. Было уже темно. — Мы кое-чего добились, а теперь я хочу подумать, прежде чем идти дальше. Пока нам везёт, но я думаю, что дальше всё не будет таким же лёгким. Надеюсь, вы захватили с собой чемодан, Михай: вы будете ночевать со мной!

— Никогда! Притон греха, порочности...

Язон холодно посмотрел ему в глаза и заговорил, при каждом слове толкая его пальцем в грудь:

— Вы пойдёте со мной, потому что так лучше для наших планов. И если вы прекратите указывать на мои моральные слабости, я не буду ссылаться на ваши. Идёмте.

Жить с Михаем было очень тяжело, но всё же возможно. Он заставил Язона и Айджейн отойти к стене, отвернуться и обещать не смотреть, пока он будет мыться за ширмой из шкур. Язон использовал возможность для маленькой мести: он развлекал Айджейн, они весело смеялись, и Михаю должно было казаться, что смеются над ним. После купания ширма осталась, Михай даже укрепил её и за нею лёг спать. Их пища по-прежнему состояла из креноджей, и Язон вздрагивал, чувствуя, что привыкает к ней.

На следующее утро под испуганными взглядами стражников, Язон энергично взялся за плиту днища. Добрую часть ночи он размышлял над этим и теперь решил проверить свои теоретические выкладки на практике... Сильно нажимая на нож, он проделал в металле канавку. Металл был не такой мягкий, как припой, но казался сплавом с большим содержанием свинца.

Что бы это значило? Осторожно прижимая лезвие ножа, он пробовал днище в разных местах. Глубина металла повсюду была одинаковой, за исключением двух мест: оба эти места находились в середине прямоугольного дна на равном расстоянии от концов и сторон. Скребя и царапая, он обвёл два круга, каждый размером с голову.

— Михай, идите сюда и взгляните на эти штуки. Что вы о них думаете?

Михай почесал бороду и потрогал круги руками.

— Они покрыты металлом и я не уверен...

— Я не спрашиваю вас, уверены вы или нет, что вы о них думаете?

— Конечно большие гайки. Навинченные на концы болтов. Но они так велики...

— Они и должны быть велики, ведь на них держится вся эта машина. Я думаю, что теперь мы очень близко подобрались к секрету, как открыть машину. Сейчас нужно быть особенно осторожным. Я всё ещё не верю, что секрет открывается так легко. Сейчас я изготовлю деревянный шаблон, по которому мы сделаем гаечный ключ. Пока меня не будет, вы оставайтесь здесь и постарайтесь удалить весь металл, закрывающий эти гайки. Может это займёт много времени, но рано или поздно мы сможем попытаться отвернуть эти гайки. Но всё же так трудно забыть о горчичном газе!

Изготовление гаечного ключа потребовало напряжения местной технологии и все старики, заслужившие звание мастеров стали, собрались для консультации. Один из них был неплохим кузнецом, и после ритуального жертвоприношения и множества молитв, он сунул брусок железа в печь, а Язон раздувал меха, пока железо не раскалилось добела. Затем молотками ему придали форму гаечного ключа. Язон по рисунку удостоверился, что ключ по размерам подходит к гайке. Теперь у Язона был необходимый инструмент. Эдилону, очевидно, сообщили о ходе работ, потому что вернувшись с гаечным ключом, Язон застал его у машины.

— Я заглядывал снизу и видел гайки, которые эти дьявольские аппсаланцы залили сплошным металлом, — сказал Эдилон. — Кто мог догадаться об этом? Мне все ещё кажется невероятным, чтобы один металл можно было спрятать под другим. Как они это сделали?

— Очень просто. Основание собранной машины опустили в форму, куда залили расплавленный металл. У этого металла температура плавления намного меньше, чем у стали, из которой изготовлена машина, поэтому никакого вреда это машине не причинило. Просто в городе лучше знают технологию металлов.

— Невежество! Ты оскорбляешь...

— Беру обратно. Я хотел только сказать, что они думали провести всех своей хитростью. Но так как это им не удалось, они глупцы. Ты удовлетворён?

— Что ты будешь делать дальше?

— Я отвинчу гайки. После этого кожух с отравляющей жидкостью освободится и его можно будет снять.

— Для тебя это слишком опасно, эти дьяволы могли подготовить и другие ловушки. Я прикажу сильному рабу отвернуть гайки, а мы будем ждать в отдалении, его смерть не причинит большого ущерба.

— Я тронут твоей заботой о моём здоровье, но принять предложение не могу. Работу должен выполнять я сам. Секрет слишком прост и это кажется мне подозрительным. Я сам буду отвинчивать гайки и всё время следить за сюрпризами — кроме меня никто не сможет этого сделать. Теперь все отойдите в безопасное место.

Никто не заставил себя ждать, послышались быстрые шаги по песку и Язон остался один. Стены из шкур вздрагивали на ветру, больше не было слышно ни одного звука. Язон сплюнул на ладони, унял слабую внутреннюю дрожь и скользнул в яму. Ключ точно охватил

гайку. Язон ухватился обеими руками за рукоять, упёрся ногами в край ямы и начал поворачивать. И остановился. Гайка. Гайка, освобождённая усилиями Михая, выступила наружу, видны были и три оборота винта. Что-то в этой нарезке было неправильным, но что именно, он не знал. Однако, уже одного подозрения было достаточно.

— Михай! — крикнул он. Однако ему пришлось громко звать ещё дважды, прежде, чем его помощник осторожно просунул голову в яму. — Сбегайте к нефтяным работам и принесите один из их болтов с гайкой. Размер не имеет значения.

Язон грел руки у печи, пока не вернулся Михай с болтом. Язон отправил Михая на безопасное расстояние, сам спустился обратно в яму, поднёс винт к тому, что выступал из днища и засмеялся. Нарезка на аппсаланском винте была сделана под другим углом и шла слева направо.

Хотя на планетах Галактики существовало множество культурных и технических различий, но один из общих принципов, унаследованных от общих предков — это направление нарезки. Язон никогда не думал об этом раньше, но сейчас мысленно восстанавливая своё пребывание на многочисленных планетах, он понял, что везде было одно и то же. Сверла вращались и болты вворачивались в гнезда всегда по часовой стрелке. В его руке был грубый винт дзертаноджей и на нём была такая же нарезка. Но винт машины был нарезан в противоположном направлении.

Отбросив винт и гайку, он вновь надел гаечный ключ и начал поворачивать его в обратном направлении, как будто ему нужно было завернуть гайку, а не ослабить. Она поддавалась неохотно, вначале на четверть, потом на полоборота. Шаг за шагом исчезала нарезка, гайка все отвинчивалась с болта, ещё минута и она упала на землю. Язон отшвырнул ключ и выскочил из ямы. Стоя у машины, он принюхивался, готовый бежать при малейшем запахе газа. Но ничего не было.

Вторая гайка отвинтилась также мягко, как и первая, и с тем же отсутствием последствий.

Из входа в огороженное пространство он прокричал тем, что стояли в отдалении:

— Идите сюда, работа окончена.

Все по очереди спускались в яму и рассматривали днище машины.

— По-прежнему нужна осторожность, — сказал Язон. — Я уверен, что для тех, кто пытается отвинтить гайки, лишь закреплял их, приготовлен очередной сюрприз. Пока мы не выяснили, в чём он заключается, будем осторожны. У вас здесь можно достать достаточно большие куски льда, Эдилон? Ведь сейчас зима.

— Лёд? Зима? — Эдилон был сбит с толку сменой темы, он поскрёб кончик своего выдающегося носа. — Конечно, сейчас зима. Лёд... на озёрах высоко в горах много льда, они всегда замерзают в это время года. Но зачем тебе лёд?

— Доставь лёд и я покажу тебе. Пусть его нарубят плоскими брусками, чтобы их можно было складывать. Я не буду поднимать этот чехол — лучше опустить машину из-под него.

Пока рабы доставляли с озера лёд, Язон соорудил крепкую деревянную раму вокруг машины, загнал под чехол крепкие металлические клинья и прикрепил их к раме. Теперь, если машина опустится в яму, чехол останется на месте, удерживаемый клиньями. Для этого нужен лёд.

Язон построил ледяное основание под машиной, затем вытащил поддерживающие её бревна. Теперь, по мере медленного таяния льда, машина будет опускаться в яму.

Погода оставалась холодной и лёд не таял, пока Язон не окружил яму кольцом угольных печей. В яме скапливалась вода, и Михай начал вычерпывать её. Щель между чехлом и плитой основания становилась все шире и шире. Таяние льда длилось весь день и всю ночь. Истощённые, с покрасневшими глазами, Язон и Михай, наблюдали за таянием, и когда на рассвете вернулись дзертаноджи, машина стояла в луже грязи и на дне ямы, кожух был снят.

— Хитры дьяволы из Аппсалы, но Язон дин-Альт тоже не вчера родился, —

воскликнул Язон. — Посмотрите на этот кувшин наверху машины. — Он указал на сосуд из толстого стекла, величиной с небольшой бочоночек, наполненный маслянистой зеленоватой жидкостью. — Это сюрприз. Гайки, которые я отвинтил, были связаны с чехлом не прямо, а посредством планки, проходящей над этим сосудом. Если гайки затягивали, а не ослабляли, то планка разбивала сосуд. Теперь вы понимаете, что произошло бы дальше?

— Отравленная жидкость?

— Вот именно. И чехол с двойными стенками наполнен ею же. Не думаю, чтобы здесь были ещё сюрпризы, но всё равно я буду осторожен.

— Ты можешь починить её? Ты понял, что в ней неисправно? — Голос Эдилона дрожал от радости.

— Ещё нет, я лишь бегло осмотрел эту штуку. Но и этого мне достаточно. Работа будет такой же лёгкой, как похищение креноджа у слепого. Машина также несовершенна по конструкции, как и ваша нефтяная установка. Если бы вы тратили хоть одну десятую часть своей энергии на исследования и улучшение производства, вместо того, чтобы прятать свои секреты, вы бы теперь летали на реактивных самолётах.

— Я прощаю тебе это оскорбление, ибо ты сослужил нам хорошую службу. Теперь ты починишь эту машину для нас! А также и все остальные. Начинается новый день!

— А для меня начнётся ночь, — Язон зевнул. — Я буду спать целый день. Заставьте своих сыновей убрать воду, пока машина не заржавела. Вернувшись, я посмотрю, что нужно делать дальше.

Глава 9

Эдилон продолжал находиться в хорошем настроении, и Язон использовал это, чтобы добиться как можно больше уступок. Намекнув, что в машине могут скрываться и другие ловушки, он получил разрешение все дальнейшие работы вести на той же охраняемой площадке. От непогоды его теперь защищал навес. Был сооружён специальный испытательный стенд, который поддерживал машину, пока Язон под ней работал. Это было уникальное сооружение, сделанное по точным расчётам Язона, и так как никто, в том числе и Михай, не видел раньше испытательного стенда, Язон воспользовался этим для своих целей.

У первой машины оказался сорванным подшипник. Когда он отвернул крышку большого цилиндра, то даже свистнул от удовольствия, увидев огромные зазоры между стенками цилиндра и поршнем. Надев на поршень уплотнительные кольца, Язон удвоил давление и мощность двигателя.

Когда Эдилон увидел, насколько увеличилась скорость отремонтированной машины, он прижал Язона к груди и пообещал ему щедрую награду. Эта награда оказалась небольшим куском мяса, добавленным ежедневно к меню из креноджей, и удвоенной охраной. Эдилон хотел быть уверенным, что его ценная собственность не убежит.

У Язона был свой план, и он постепенно подготовил несколько приспособлений и инструментов, не имеющих ничего общего с ремонтом машин. Когда всё было готово, он решил поискать помощников.

— Что бы ты сделал, если бы я дал тебе дубинку? — Спросил он у высокого сильного раба, которому помогал подтаскивать бревно к мастерской. Нарсиси и один из его братьев бездельничали у входа в ограду, утомлённые своими обязанностями охранников.

— Я, что бы сделал с дубиной? — Прохрипел раб, сморщив лоб и раскрыв рот от усиленной работы мысли.

— Да, я об этом спрашиваю. И продолжай тащить эту штуку, я не хочу, чтобы охранники что-нибудь заметили.

— Если у меня будет дубинка, я буду убивать! — Возбуждённо сказал раб, сжимая пальцами воображаемое оружие.

— А меня ты убил бы?

— Если бы у меня была дубина, я убил бы тебя — не особенно ты сильный.

— Но если я дам тебе дубинку, разве я не твой друг? Почему тебе тогда не убивать кого-нибудь другого?

Новизна этой мысли заставила раба замереть и он принялся задумчиво чесать голову, пока Нарсиси не заставил его вновь приняться за работу. Язон вздохнул и принялся подыскивать других рабов для своей воспитательной программы.

Потребовалось некоторое время, но его идеи постепенно проникали в ряды рабов. Всё, что рабы ожидали от дзертаноджей, была тяжёлая работа и ранняя смерть. Язон предлагал им другое: оружие, возможность убить своих хозяев и ещё большее количество убийств, когда они пойдут на Аппсалу. Им трудно было освоиться с мыслью, что придётся действовать вместе, когда они получают оружие. Это был рискованный план и многое могло помешать ему, но восстание могло освободить их от цепей, даже если они после этого разбегутся.

На этой нефтяной скважине было не более пятидесяти дзертаноджей. Было не очень сложно перебить или разогнать их, и задолго до того, как они смогут вызвать подкрепление, Язон и беглые рабы исчезнут. Был только один пункт, мешавший осуществлению плана, но новое пополнение рабов разрешило и это затруднение.

— Счастливый день, — засмеялся Язон, распахивая дверь в свою комнату и потирая руки от удовольствия. Охранник пропустил Михая и закрыл за ними дверь.

— Сегодня прибыли новые рабы, — сказал он, отводя в дальний угол Михая и Айджейн, — и среди них один из Аппсалы, наёмник, которого они захватили в стычке. Он знает, что ему тут недолго жить и благодарен за любое предложение побега.

— Это мужской разговор и я его не понимаю, — сказала Айджейн и повернулась к печке.

— Ты поймёшь, — сказал Язон, удерживая её за плечи. — Солдат знает, где находится Аппсала и может провести нас туда. Пришло время подумать об уходе отсюда.

Теперь Айджейн внимательно слушала его, да и Михай тоже.

— Как это? — спросила она.

— Я готовился заранее. У меня достаточно напильников и отмычек, чтобы проникнуть здесь в любое помещение; есть немного оружия и ключ от кладовой, все сильные рабы на моей стороне.

— Что вы хотите сделать? — спросил Михай.

— Организовать революцию рабов в лучшем стиле. Рабы перебьют дзертаноджей и мы убежим.

— Вы говорите, революция! — Заревел Михай.

Язон прыгнул на него и бросил на пол. Айджейн держала его за ноги, а Язон сел на грудь и зажал ему рот.

— Что с вами? Хотите провести остаток жизни, чиня краденные машины? Они слишком хорошо нас охраняют, самим нам отсюда не выбраться, поэтому нам нужны союзники. Я и нашёл их, подготовил всех рабов.

— Рёв... люц... — бормотал Михай сквозь зажимавшие ему рот пальцы.

— Конечно это революция. Это единственный способ и шанс выжить для этих бедных дьяволов. Сейчас они человеческий скот. Их убьют и убивают. Вы не можете сочувствовать их хозяевам — каждый из них десятикратный убийца. Вы видели, как они убивают, забивая рабов до смерти? Вы считаете, что они не должны пострадать от революции?

— Конечно, они отвратительны, — забормотал Михай. — Я не чувствую милосердия к ним, их следует спрятать и стереть совсем с лица земли. Но этого нельзя делать с помощью революции; революция — это зло, прирождённое зло.

Язон застонал.

— Попробуйте сказать это двум третям существующих сейчас правительств: большинство из них возникло в результате революции. Как иначе вы можете избавиться от рабства, если у вас нет возможности заново голосовать против него? Если вы не можете их забаллотировать — стреляйте в них!

— Кровавая революция! Нет, это невозможно!

— Ладно, пусть не революция, — сказал Язон, сдаваясь и раздражённо махнув рукой. — Изменим название. Как вы насчитаете разоружения тюрем? Нет, это вам тоже не нравится. Нашёл! Освобождение! Мы сорвём цепи с этих бедных людей и вернём их в родные земли, откуда их украли. Итак, вы присоединяетесь к нашему освободительному движению?

— Это по-прежнему революция.

— Это будет тем, как я его назову! — разозлился Язон. — Вы пойдёте со мной, или останетесь тут. Я все сказал.

Он встал и налил себе немного супа, ожидая пока гнев его остынет.

— Я не могу... я не могу этого сделать, не могу... — бормотал Михай, глядя в свой суп, как в магическое стекло, ища там указаний.

Язон с отвращением отвернулся.

— Смотрите, чтобы вы не кончили так, — предупредил он Айджейн, указывая ложкой через её плечо. — Хотя, конечно, на это мало шансов: ваше общество крепко стоит на земле. А этот длиннолицый клоун может мыслить только абстракциями, и чем более они нереальны, тем лучше для него. Готов поклясться, что его беспокоит, сколько ангелов может поместиться на острие булавки.

— Об этом я не думал, — вмешался Михай, услышав это замечание. — Но я подумаю об этом в своё время. Это проблема, которая не может быть легко разрешена.

— Видишь...

Айджейн кивнула.

— Если он не в порядке и я тоже — значит, только ты из всех нас прав, — она кивнула, удовлетворённая этим соображением.

— Очень приятно, что ты так думаешь, — улыбнулся Язон. — И это правда. Я непогрешим, но, будь я проклят, если не сумею увидеть лучше, чем любой из вас разницу между абстракциями и живой жизнью, кроме того, я искусней вас претворю теорию в практику, в действительность. Собрание клуба болельщиков Язона дин-Альта временно откладывается.

Он завёл руку назад и похлопал себе по спине.

— Чудовище высокомерия! — выкрикнул Михай.

— Ох, замолчи!

— Гордыня предшествует падению! Вы проклятый идолопоклонник...

— Очень хорошо.

— ...и я сожалею, что хотя бы в течение секунды помогал вам или оставался рядом с вами — воплощением греха. Боясь своей душевной слабости, я не мог противиться искушению. Это печалит меня, но теперь я выполню свой долг. — Он забарабанил кулаком в дверь. — Стража! Стража!

Язон выронил чашку и попытался встать, но поскользнулся на пролитом супе. Когда он встал вновь, уже загремели замки и дверь открылась. Если бы он схватил этого идиота прежде, чем он раскроет рот, он мог бы заставить его замолчать.

Но было уже поздно. Нарсиси просунул голову в дверь и глядел со своим обычным заспанным видом. Михай встал в драматическую позу и указал на Язона:

— Схватите и арестуйте этого человека. Я обвиняю его в подготовке революции, в планировании грязных убийств!

Язон резко свернул на полпути, к мешку со своими личными вещами, лежавшему у стены. Он порылся в нём, перебирая содержимое и в конце концов извлёк молоток с тяжёлой свинцовой головкой.

— Предатель! — Крикнул Язон Михаю, подбегая к Нарсиси, который туповато следил за происходящим. Но, хотя он и казался медлительным, реакция у него была превосходной — щит принял удар на себя, а искусный же взмах дубины пришёлся по руке Язона: его онемевшие пальцы разжались, молоток упал на пол.

— Я думаю, что вам двоим нужно пойти со мной, отец во всём разберётся, — сказал он и вытолкнул Язона и Михая из комнаты. Нарсиси закрыл дверь и, подозвав одного из своих братьев, велел ему встать на стражу, а сам повёл пленников по коридору. Они брели в кандалах: Михай — гордо, как мученик, а Язон — кипит от гнева и скрежеща зубами.

Эдилон был далеко не глуп, он понял ситуацию раньше, чем Нарсиси закончил свой рассказ.

— Я не удивлён, так как ожидал этого. — Его глаза сверкнули, когда он на мгновение задержал свой взгляд на Язоне. — Да, я знал, что придёт время, когда ты попытаешься перехитрить меня. Именно поэтому я позаботился и позволил, чтобы тебе помогал другой раб и перенимал твоё искусство. Как я и ожидал, он предал тебя, чтобы занять твоё место, и я вознаграждаю его этим местом.

— Предал? Я не преследовал личную выгоду, — запротестовал Михай.

— Только из бескорыстных мотивов! — Холодно засмеялся Язон. — Не верь ни одному слову этого благочестивого обманщика, Эдилон. Я не готовил восстания. Он сказал это, чтобы занять моё место.

— Вы клевете на меня, Язон! Я никогда не лгу — вы готовили восстание. Вы говорили мне...

— Молчите вы оба, или я прикажу забить вас насмерть. Вот моё решение. Раб Михай предал раба Язона, причём абсолютно неважно, готовил раб Язон или не готовил восстание. Его помощник не предавал его, пока не был уверен, что сможет хорошо выполнять работу и это для меня единственно важный факт. Твои идеи о рабочем классе обеспокоили меня, Язон. Я был бы рад убить их и тебя. Прикуйте его среди других рабов. Я награждаю тебя Михай комнатой Язона и его женщиной, и пока ты будешь хорошо выполнять работу, я не убью тебя. Работай долго и будешь жить долго.

— Только из бескорыстных мотивов, не правда ли, Михай? — кричал, оборачиваясь, Михая Язон, когда его выводили из комнаты.

Падение с вершины власти было стремительным. Через полчаса на запястьях Язона были новые кандалы и он был прикован в тёмном помещении, набитом рабами.

Он загремел цепями и принялся внимательно рассматривать их в тусклом свете единственной лампы, как только захлопнулась дверь.

— Как идёт подготовка к восстанию? — шёпотом спросил прикованный раб.

— Очень хорошо, ха-ха! — ответил Язон, потом придвинулся ближе, чтобы лучше рассмотреть своего соседа. — Мы незнакомы, это ты новый раб, с которым я разговаривал сегодня?

— Это я, Снарби, опытный солдат, копьеносец, искусный в обращении с дубинкой и кинжалом, на моём счету семь убитых. Сам можешь проверить в нашей ратуше.

— Я все помню, Снарби. Помню и то, что ты знаешь дорогу в Аппсалу.

— Я знаю все вокруг.

— Тогда восстание продолжается и оно начнётся прямо сейчас, только я несколько сожалею, но я сократил его размеры. Вместо того, чтобы освободить всех этих рабов, как ты относишься к возможности убежать нам вдвоём?

— Это лучшая мысль с того дня, как были выдуманы пытки. Нам не нужны эти глупцы, они только помешают. «Действовать надо малыми силами» — так я всегда говорил.

— Я тоже всегда так считал, — согласился Язон, роясь в своих башмаках кончиками пальцев. Он умудрился припрятать там напильник и отмычку, когда Михай предал его. Нападение на Нарсиси с молотком было лишь прикрытием. Язон сам изготовил этот напильник из закалённой стали после нескольких неудачных попыток. Он отлепил глину, скрывавшую надрез в ножных кандалах, который он сделал и энергично принялся за мягкое железо. Через три минуты кандалы лежали на полу.

— Ты колдун! — прошептал Снарби, отшатываясь.

— Механик. Впрочем, на этой планете, это одно и то же. — Он осмотрелся, но утомлённые рабы спали и ничего не слышали. Обернув инструмент в кусок кожи, чтобы

приглушить звон, он начал пилить звено цепи, которое крепилось к его наручникам.

— Снарби, — спросил он, — мы на одной цепи?

— Да, цепь проходит через наручники и держит целый ряд рабов, второй конец цепи исчезает в отверстии стены.

— Лучше и быть не может. Я перепилю звено и мы оба будем свободны. Ты постарайся пропустить цепь через отверстие в твоих наручниках и уложить её вниз бесшумно, чтобы соседние рабы ничего не услышали. Наручники придётся унести с собой, сейчас некогда ими заниматься. Ходят ли сюда ночью стражники?

— Этого не случалось с тех пор, как я здесь. Они будят нас по утрам, дёргая за цепь.

— Будем надеяться, что и сегодня ночью они не придут. Нам понадобится некоторое время — вот... напильник перерезал цепь. Посмотрим, когда я натяну свой конец, сможешь ли ты вытянуть цепь. Надо разогнуть это звено. Они молча трудились, пока звено не распрямилось и не выскользнула цепь. Молча они положили её на пол и бесшумно скользнули к двери.

— Есть ли охрана снаружи? — спросил Язон.

— Кажется нет. У них не слишком много людей, чтобы охранять рабов. Дверь не пошевелилась, когда они надавили на неё. В помещении было достаточно света, чтобы разглядеть большое замочное отверстие. Язон легонько пошевелил отмычкой и презрительно скривил губы.

— Эти идиоты оставили ключ в замке.

Он выбрал самый крепкий прут и прочный кусок шкуры, расправил его и просунул под дверь, оставив достаточный конец, чтобы втянуть его обратно. Затем осторожно толкнул ключ через скважину и тот упал. Дверь бесшумно отворилась и они выскользнули наружу, напряжённо вглядываясь в темноту.

— Пошли! Бежим отсюда, — сказал Снарби, но Язон схватил его за горло и потянул назад.

— Есть ли хоть капли разума на этой планете? Как мы доберёмся до Аппсалы без пищи и воды, а если мы найдём продукты, то как мы унесём их с собой? Если ты хочешь остаться в живых, выполняй мои приказы. Я сейчас закрою дверь, чтобы никто случайно не обнаружил нашего бегства раньше времени. Затем мы постараемся раздобыть транспорт и уберёмся с шиком. Согласен?

Ответом был лишь приглушённый хрип. Тогда Язон несколько разжал пальцы и позволил воздуху проникнуть в лёгкие. Тихий стон означал, очевидно, согласие, так как Снарби последовал за ним, когда Язон двинулся по тёмным переулкам мимо зданий.

Выйдя за пределы городка, что было нетрудно, так как немногочисленные часовые ожидали противника только снаружи, Язон и Снарби с той же лёгкостью добрались до мастерской с тыла и скользнули сквозь отверстие в шкурах, которое Язон заранее приготовил и зашил тонкой бечёвкой.

— Сиди тут и ничего не трогай, если не хочешь лишиться жизни, — приказал он дрожащему Снарби, затем скользнул к выходу из мастерской, сжимая в руке маленький молоток. Он был доволен, увидев, что вход охраняет один из сыновей Эдилона.

Язон свободной рукой вежливо приподнял его кожаный шлем и ударил молотком: охранник молча упал.

— Теперь за работу, — сказал Язон, вернувшись внутрь и поднеся огонёк к фитилю лампы.

— Что ты делаешь? Нас увидят, убьют...

— Держись за меня, Снарби и будешь атаманом. Часовые не могут увидеть свет: я это проверял, когда работал тут. И нам нужно кое-что сделать, прежде, чем мы уйдём. Мы должны построить корабль.

Конечно, им не нужно было строить машину с самого начала, но утверждение Язона было достаточно правдиво. Недавно починенная и наиболее мощная машина всё ещё была привинчена к испытательному стенду, и этот факт полностью оправдывал их ночной риск.

Три колеса кораджа лежали в стороне. Язон вставил на место винты и с помощью Снарби затянул их. На другом конце стенда был крепкий поворачивающийся ствол, который поддерживал инструменты на стенде. Когда они сбросили инструменты, осталось лишь бревно. Язон использовал его для того, чтобы прикрепить ещё одно колесо.

Когда это было выполнено, испытательный стенд превратился в трёхосную повозку с паровым двигателем. Так и должно было получиться, так как Язон всегда думал о необходимости внезапного бегства и готовился к нему.

Снарби притащил глиняные кувшины с маслом, водой и горючим, а Язон заполнил баки. Он зажёл огонь под котлом и погрузил инструменты и небольшой запас креноджей, который сумел приготовить заранее.

Вскоре наступал рассвет и к этому времени они должны уже быть в пути. Больше Язон не мог избегать мыслей, которые были запрятаны в глубине его мозга приготовлениями к бегству.

Он не мог оставить здесь Айджейн, но если он возьмёт её с собой, он будет вынужден взять с собой и Михая... Михай спас его жизнь и неважно, что потом он совершил несколько идиотских поступков. Он считал себя в долгу перед человеком, предавшим его существование, но не знал, выплатил ли он уже свой долг. В отношении Михая он чувствовал, что, пожалуй, заплатил. Ну ещё один, последний раз...

— Следи за машиной, я скоро вернусь, — сказал он, спрыгивая на землю.

— Ты хочешь, чтобы я следил за этой машиной? Я не могу. Эта дьяволыщина взорвётся и убьёт меня...

— Веди себя разумно, Снарби. Этот утиль на колёсах сделан людьми и улучшен мной. Демоны тут ни причём. Она сжигает горючее, чтобы производить пар, пар проходит по этой трубе и двигает этот стержень, а стержень вращает колесо. Поэтому мы и движемся. Может быть ты потом поймёшь лучше, но для этого нужно убраться отсюда. Поэтому ты останешься здесь и будешь делать всё, что я тебе скажу. Иначе я разобью тебе голову. Ясно?

Снарби ошеломлённо кивнул.

— Отлично, всё, что тебе нужно делать, это сидеть и смотреть на этот маленький зелёный кружочек. Видишь? Если он перестанет светиться до моего прихода, поверни эту ручку в этом направлении. Все понял? В этом случае предохранительный клапан не будет выпускать пар и не разбудит всю округу. Язон прошёл мимо ещё не пришедшего в себя часового и направился обратно к очистительной установке. Вместо дубинки и кинжала он был вооружён палахом из хорошо закалённой стали. Охранники тщательно проверяли все, когда он работал, но не обращали внимания на то, что он делал в машине. Это было выше их понимания.

Такой первобытный уровень умственного развития был особенно кстати для Язона, и он изготовил, а теперь и захватил с собой мешок зажигательных снарядов — простого оружия нападения.

Небольшой сосуд из глины был наполнен бензином. От запаха бензина у него закружилась голова. Он надеялся, что эти снаряды оправдают его надежды, когда придёт время.

Возвращение прошло также гладко, как и путь в мастерские. Подсознательно он надеялся, что будут какие-нибудь поиски и ему придётся вернуться. Очевидно, его подсознание было мало заинтересовано в спасении девушки — рабыни и его Немезиды, в особенности, если для этого приходилось рисковать шкурой.

Его подсознание было разочаровано. Он оказался в здании, где находилась его бывшая комната, и заглянул за угол, чтобы определить, стоит ли у двери охранник. Охранник был там. Казалось он дремал, но что-то привлекло его внимание. Он ничего не услышал, но начал усиленно принюхиваться: сильный запах бензина, которым Язон наполнил свои снаряды, насторожил его и он увидел Язона прежде, чем тот отскочил.

— Кто там? — Закричал охранник и тяжело побежал вперёд.

Выхода не было, поэтому Язон с ответным криком сделал выпад вперёд. Лезвие

взметнулось перед охранником — тот никогда раньше не видел меча, и кончик его перерезал охраннику горло. Он с хриплым стоном упал на землю замертво, но ему уже ответили голоса из глубины здания. Язон перепрыгнул через тело, извлёк один из своих снарядов и начал открывать замок. Послышался приближающийся топот, но он уже открыл замок и распахнул дверь.

— Быстрее выходите! Мы бежим! — Уверенно крикнул он и толкнул изумлённую Айджейн к выходу. С огромным удовольствием он пнул Михая так, что тот буквально перелетел через порог и тут встретился с Эдилоном, который подбегал размахивая дубинкой. Язон прыгнул, ударил Эдилона в ухо рукояткой меча и поставил Михая на ноги.

— Быстро к мастерской, — приказал он, все ещё не опомнившемуся компаньону, — там стоит корадж и мы можем бежать.

Он ещё раз прикрикнул на них и они наконец-то бросились бежать. Сзади слышались крики и появилась толпа вооружённых дзертаноджей. Язон сорвал со стены лампу и поднёс открытое пламя к одному из снарядов. Оболочка загорелась и он бросил его в ряд приближающихся охранников до того, как огонь обжёг руку. Снаряд ударился об стену и разбился, бензин брызнул во всех направлениях, а огонь погас.

Язон выругался и схватил второй снаряд. Если и этот не сработает; он погиб. Дзертаноджи на мгновение остановились в нерешительности перед лужей бензина и в этот момент он швырнул вторую бомбу. Она разорвалась, пламя загло бензин из первого снаряда и коридор заискрился огненным занавесом. Придерживая рукой лампу так, чтобы в ней не погас огонь, Язон побежал за остальными.

За пределами здания тревоги ещё не было и Язон запер дверь снаружи. Когда её сумеют открыть и выбегут наружу, они будут уже далеко от здания. Надобности в лампе больше не было и она мешала бежать. Он отбросил её прочь, и как бы в ответ из пустыни донёсся пронзительный свист.

— Он не сделал этого, — простонал Язон. Предохранительный клапан выпускал пар.

Он догнал Айджейн и Михая, которые потеряли в темноте направление, толкнул Михая в нужном направлении и повёл их к мастерской.

Они благополучно миновали большую часть пути, хотя повсюду поднялась суматоха. Дзертаноджи, очевидно, никогда не испытывали ночного нападения. Они решили, что на них напал враг и бегали, суеились и кричали. Смятение не улеглось, когда здание охватило пламя, и из него вынесли бесчувственного Эдилона.

В суматохе никто не заметил беглых рабов, и Язон провёл их мимо постов почти к самой мастерской. Их заметили только тогда, когда они пересекали открытое пространство перед мастерской и после некоторого колебания охранники побежали за ними следом.

Язон вёл погоню прямо к своей драгоценной паровой тележке, так как у него не было другого выхода. Он перескочил через все ещё неподвижного охранника у входа и побежал к машине.

Снарби притаился за одним из колёс, но у Язона не было времени, чтобы обращать на него внимание. Когда он прыгнул на платформу, предохранительный клапан закрылся и внезапно наступила пугающая тишина. Пар весь вышел.

Язон быстро закрутил вентиль и бросил взгляд на индикатор: давления не хватило бы даже на то, чтобы передвинуться на метр. Булькала вода, свистел котёл, снаружи доносились крики преследователей — они добежали до входа и обнаружили тело оглушённого охранника.

Гневные крики сменились воплями испуга, когда повернувшись, Язон швырнул снаряд и языки пламени появились на пути преследователей. Они в беспорядке отступили. Язон проследил за ними. Они, казалось, убежали до самой нефтеперегонной установки, но он не был уверен, что в потёмках не скрываются отдельные охранники.

Язон торопливо вернулся к кораджу, постучал по все ещё неподвижному указателю давления в котле и широко раскрыл клапан подачи топлива. Дзертаноджи несомненно вернутся и будут атаковать мастерскую. Если к этому времени давление немного

поднимется, они спасутся. Если же нет...

— Михай и ты, трусливый слюняй Снарби, становитесь за этой штукой и толкайте, — сказал Язон.

— Что происходит? — Спросил Михай. — Вы начали революцию? В таком случае я не могу помочь...

— Мы бежим. Если это вас не устраивает, оставайтесь. Мы уйдём с Айджейн и этим проводником.

— Я присоединяюсь к вам. В бегстве от таких варваров нет ничего преступного.

— Очень рад за вас. Теперь толкайте. Я хочу поставить её в центр, подальше от стен и направить в пустыню. Вниз по дороге, верно, Снарби?

— Вниз по долине, верно.

— Все. Хватит. Отодвиньте это бревно, чтобы мы за него не зацепились, когда начнём двигаться. Все на борт. — Язон оглядел мастерскую, чтобы удостовериться, что ничего не забыто, и неохотно взобрался на борт. Он погасил лампу и они сидели в темноте. Их лица освещались отблесками пламени от печи. Заняться им было нечем, от этого каждая секунда длилась вечность. Стены скрывали от них всё, что делалось снаружи, и через несколько минут воображение наделило ночь молчаливыми ордами, крадущимися за ними, направляющимися к тонким стенам из шкур и готовым сокрушить их.

— Бежим отсюда, — выпалил Снарби и попытался спрыгнуть с машины. — Здесь мы в ловушке... мы никогда не убежим...

Язон поймал его и бросил на платформу, затем прижал его голову к доскам пола и держал так, пока тот не успокоился.

— Я разделяю чувства этого бедного человека, — сказал Михай, — вы зверь Язон, вы попираете его естественные чувства. Прекратите ваши садистские занятия и присоединяйтесь к моей молитве.

— Если бы этот человек, выполнил бы свои обязанности и присмотрел за котлом, мы уже давно были бы в безопасности. А если у вас достаточно дыхания для молитв, используйте его для раздувания огня в печи. Наше спасение зависит не от молитвы, а только от давления пара...

Раздался воинственный крик и отряд дзертаноджей появился у входа. В тот же момент упала задняя стена мастерской и там появились вооружённые люди.

Язон выругался и зажёл четыре снаряда, швырнул их по два в противоположные стены. Прежде, чем они упали, он прыгнул к клапану котла и открыл его.

Со свистом корадж задрожал и двинулся. На какое-то время атакующие были задержаны стенами из пламени и закричали ещё громче, когда машина двинулась. В воздухе засвистели стрелы, но большинство из них было плохо нацелено и только две воткнулись в платформу. С каждым оборотом колёс их скорость увеличивалась и когда машина столкнулась со стеной, шкуры с треском разлетелись.

Огонь сзади становился тусклее, крики заглохли, а они неслись по долине с убийственной скоростью; свистя, гремя и звякая. Язон подобрался к рукоятке; ему нужно было уменьшить скорость. Михай понял его, потому что он пополз вперёд, цепляясь за каждый выступ, пока не оказался рядом с Язоном.

— Хватайтесь за ручку и держите её прямо! Следите, чтобы мы ни на что не наткнулись!

Передав руль, Язон пробрался обратно к машине. Они постепенно замедлили движение и наконец остановились. Айджейн стонала, а Язон чувствовал себя так, будто по каждому дюйму его тела били молотком. Преследователей не было слышно: прошёл уже почти час, как они покинули мастерскую, и никто не мог состязаться с ними в скорости.

— Вставай, Снарби, — приказал он. — Я избавил всех вас от рабства, теперь твоя очередь: ты должен вести нас, как ты мне говорил. Иди впереди с этой лампой и выбирай ровную дорогу в нужном направлении.

Снарби спустился и пошёл вперёд. Язон слегка приоткрыл клапан и они двинулись по

следу Снарби, а Михай поворачивал рукоятку управления. Айджейн прижалась к Язону, дрожа от холода и страха. Он похлопал её по плечу и сказал:

— Успокойся. Теперь нам предстоит приятная прогулка.

Глава 10

Они были уже в шести днях пути от Путлко и запасы у них истощились. Страна, по которой они проезжали, становилась всё более плодородной, а волнистые травы с большим количеством ручьёв и животных говорили о том, что с голоду они не умрут.

Проблема заключалась в топливе и после полудня Язон открыл последний кувшин. Они остановились за несколько часов до темноты, так как у них кончилось свежее мясо.

Снарби, взяв самострел, отправился на поиски добычи. Так как он — единственный из всех был достаточно искушён с этим оружием и знал местных животных, эта обязанность была возложена на него. От длительного контакта его страх перед кораджем уменьшился, а самоуверенность росла по мере признания его охотничьих способностей.

Он высокомерно удалился в высокую, по колено, траву, забросив самострел на плечо. Язон смотрел ему вслед и чувствовал растущее беспокойство.

— Я не верю этому наёмнику ни на секунду, — пробормотал он.

— Вы говорите мне? — Спросил Михай.

— Не хотелось бы, но придётся. Вы заметили в местности что-нибудь интересное... какое-то отличие?

— Ничего. Сплошная дикость, не тронутая рукой человека.

— Тогда вы, вероятно ослепли, я заметил кое-что за последние два дня, а я не лучше вас знаю природу.

— Айджейн, — окликнул Язон. Она взглянула на него с места у котла, где грелась и жевала кусок их последнего креноджа. — Оставь это. Как его не приготовишь, вкус все так же плох. Если Снарби повезёт, у нас будет мясо. И скажи, не видела ли ты каких-нибудь отличий в местности за последние дни?

— Ничего особенного, только следы людей. Дважды мы проезжали места, где трава была примята и ветви обломаны, как будто два-три дня назад пробежал корадж. А один раз видела след костра, но он очень старый.

— Ничего не видно, Михай? — Спросил Язон. — Смотрите, как охота за креноджами развивает наблюдательность.

— Я не дикарь. Вы не можете ожидать от меня, что я обращаю внимание на такие мелочи.

— Я и не ожидал, я научился ничего не ожидать от вас, кроме беспокойства, конечно. Но теперь мне нужна ваша помощь. Это последняя ночь свободы для Снарби, знает он об этом или нет, я не хочу, чтобы он стоял на страже ночью. Мы с вами разделим ночь на два дежурства.

Михай был удивлён.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, говоря, что эта ночь — последняя его свободная ночь.

— Это должно быть очевидным даже для вас, после того, как вы познакомились с социально-этическими нормами этой планеты. Как вы думаете, что нас ожидает в Аппсале, если мы придём туда вслед за Снарби, как овцы на бойню. Я не знаю, что он замышляет, но он что-то задумал, это несомненно. Когда я спрашиваю его о городе, он отвечает общими словами. Конечно, он наёмник и не может знать многих подробностей, но он всё же должен знать гораздо больше, чем говорит. Он утверждает, что мы в четырёх днях от города, но я думаю, что осталось не больше одного-двух дней. Я сохранил цепи, мы используем их для Снарби, утром я хочу связать его, перебраться за эти холмы и спрятаться там. Он не должен будет сбежать, пока я не произведу разведку города...

— Вы хотите заковать этого бедного человека, превратить его в раба без всякой

причины?

— Я не хочу превращать его в раба, просто закую, чтобы он не завёл нас в какую-нибудь ловушку. Этот усовершенствованный корадж — сильное искушение для любого туземца, а если он сумеет продать меня, как механика, в рабство, его будущее обеспечено.

— Я не желаю этого слушать! — Разбушевался Михай. — Вы обвиняете человека лишь на основании своих беспочвенных подозрений. Судите, чтобы не быть судимым самому. Вы лицемер; я помню, что вы мне говорили, что человек не виновен, пока его вина не доказана.

— Что ж, этот человек, если вы хотите идти этим путём, виноват в том, что является членом этого дикого общества и, следовательно, действует определённым образом. Вы разве ещё не изучили этих людей? Айджейн! — Она взглянула на него, жуя кренодж, очевидно, не слыша спора. — Каково твоё мнение? Вскоре мы придём в место, где у Снарби много друзей или людей, которые могут помочь ему. Как ты думаешь, что он будет делать?

— Поздоровается с этими людьми. Может быть они дадут ему кренодж. — Она улыбнулась, удовлетворённая своим ответом.

— Это совсем не то, что я имел в виду, — терпеливо сказал Язон. — Что если мы все трое придём вместе с ним к этим людям, и эти люди увидят нас и корадж?

Она выпрямилась, встревоженная.

— Вы не должны идти с ним! Если у него здесь есть друзья, они захватят вас, сделают рабами и отберут корадж. Ты должен убить Снарби.

— Кровожадные язычники... — Михай встал в свою излюбленную обвинительную позу, но сразу замолчал, как только Язон поднял тяжёлый молоток.

— Вы поняли наконец? — Спросил Язон. — Связывая Снарби, я только следую местному этическому кодексу, как например отдача чести в армии или невозможность есть пальцами в приличном обществе. На самом деле я проявил небрежность, так как по местным обычаям, я должен был бы убить его прежде, чем он смог бы причинить нам беспокойство.

— Этого не может быть, я не могу поверить в это. Вы не можете осудить человека и приговорить его на основании таких беспочвенных обвинений.

— Я не приговариваю его, — сказал Язон с растущим раздражением. — Я только хочу быть уверенным, что он не причинит нам никакого вреда. Если не хотите мне помочь, то хоть не мешайте. И разделите со мной ночное дежурство. То, что я сделаю утром, будет целиком на моей совести. Вас это не касается.

— Он возвращается, — прошептала Айджейн и немного погодя из высокой травы появился Снарби.

— Добыл церво, — гордо объявил он и бросил животное перед ними на землю. — Освежите его, разрежьте на куски и поджарьте. У нас есть еда.

Он выглядел совершенно невинным и бесхитростным, и единственное, что было можно вменить ему — мимолётный хитрый взгляд, сверкнувший из-под опущенных ресниц. Язон на секунду усомнился в своих рассуждениях, но потом вспомнил, где он находится и отбросил свои сомнения. Снарби никто не обвинит в преступлении, если он захочет убить их или продать в рабство — он будет действовать так, как действовал бы любой нормальный член рабовладельческого общества. Язон принялся разыскивать инструмент, которым можно будет заковать Снарби.

У них был обильный обед, затянувшийся до сумерек, и вскоре они уснули. Язон, уставший от забот и путешествия, потяжелевший от еды, заставил себя не спать, ожидая беспокойства извне и изнутри. Когда он начинал дремать, он вставал и начинал ходить вокруг лагеря, пока холод не заставил его вернуться к тёплому паровому котлу.

Когда наступила полночь, он разбудил Михая.

— Ваша очередь, держите глаза и уши открытыми и не забудьте об этом, — он ткнул пальцем в спящего Снарби. — Если будет что-нибудь подозрительное, разбудите меня.

Язон немедленно уснул и крепко спал, пока первые лучи рассвета не тронули неба. Когда он открыл глаза, на восточной стороне горизонта были видны лишь самые яркие

звезды и от травы поднимался густой туман. Рядом с ним лежало двое спящих и в одном из них он узнал Михая.

Сон мгновенно пропал, Язон выбрался наружу из-под шкур, которыми укрывался и потряс Михая за плечо.

— Почему вы спите? — Гневно спросил он. — Вы должны были быть на страже!

Михай открыл глаза и замигал.

— Я был на страже, но перед рассветом проснулся Снарби и предложил заменить меня. Я не мог отказать ему.

— Не могли отказать? Но ведь я говорил вам...

— Я не могу осудить невинного человека и тем самым присоединиться к вашим несправедливым действиям. Поэтому я и оставил его на страже.

— Не могли осудить? — С гневом повторил Язон и забрал в руку волосы своей вновь отросшей бороды. — Тогда где же он? Вы видите кого-нибудь на страже?

Михай огляделся и увидел лишь Язона и проснувшуюся Айджейн.

— Кажется он ушёл. Он доказал свою ненадёжность и в будущем мы не разрешим ему быть на страже.

В гневе Язон хотел избить его, но понял, что не может тратить на это время и бросился к машине. Зажигание сработало с первого раза, и он зажёг огонь под котлом. Но когда Язон взглянул на индикатор, то обнаружил, что топлива почти совсем нет. В последнем кувшине оставалось достаточно горючего, чтобы перенести их в безопасное место, но этот последний кувшин исчез.

— Это меняет наши планы, — смирившись с этим, сказал Язон, после лихорадочных поисков в корабле и на окружающей равнине.

Горючее исчезло вместе со Снарби, который хоть и боялся паровой машины, но понял, что она не может двигаться без этой жидкости. Опустошающее чувство смирения успокоило гнев Язона: он должен был знать, что ни в чём нельзя доверять Михая. Он смотрел на Михая, который невозмутимо ел кусок холодного жаренного мяса и восхищался его спокойствием.

— Вас не беспокоит, что вы вновь обрекли нас всех на рабство?

— Я поступил правильно, у меня не было выбора. Мы должны жить как высокоморальные существа, или снизойти до уровня животных.

— Но если вы живёте среди людей, которые ведут себя как животные, как же вы выживете?

— Вы живёте как и они, Язон, — сказал Михай спокойно. — Извиваетесь, дрожите от страха и не можете избежать своей судьбы. А я живу, как подобает человеку с убеждениями, я знаю в чём правда и не позволю отвлечь себя ничтожными нуждами сегодняшнего дня. Тот, кто живёт так, может спокойно умереть.

— Так умрите спокойно! — Воскликнул Язон и выхватил свой меч, но тут же отступил с угрюмой усмешкой. — Конечно, следовало бы вас проучить, но я думаю, вы не смиритесь с очевидностью и перед смертью.

— Впервые мы с вами единомышленны, Язон. Я пытался открыть вам глаза, дать вам увидеть свет правды, но вы отворачиваетесь и не видите. Вы игнорируете вечный закон ради подробностей дня и именно поэтому вы погибли.

Указатель в котле свистнул, но стрелка индикатора горючего стояла на нуле.

— Захвати немного еды, Айджейн, — сказал Язон, — и отойди подальше от машины. Горючее кончилось.

— Я сейчас сделаю узлы и мы убежим с запасами.

— Не нужно. Снарби знает эту страну и все равно отыщет нас. Чтобы не ждало нас, оно уже в пути и мы не можем избежать его. Поэтому побережём энергию. Но они не получают усовершенствованную машину! — Добавил он с внезапной страстью, хватая самострел. — Отойдите подальше. Они вновь превратят меня в раба из-за моих способностей, но изделие им не достанется. Если они захотят его, пусть платят за это.

Язон тщательно прицелился, но лишь третья стрела пробила стену у котла. Тот с грохотом взорвался и мелкие осколки металла усеяли все вокруг. В отдалении слышались крики людей и лай собак. Поднявшись, Язон увидел цепочку людей, приближающихся к ним в высокой траве. Когда они подошли ближе, стали видны собаки, рвавшиеся с привязи. Хотя люди шли уже несколько часов, приближались они быстрой рысью, как опытные бегуны.

Все были в тонкой кожаной одежде, каждый держал лук и имел полный колчан стрел. Они рассыпались полукругом и остановились, когда трое чужеземцев очутились в пределах досягаемости самострелов. Но Язон, Михай и Айджейн отложили самострелы и терпеливо ждали у дымящихся обломков кораджа, пока не подбежал Снарби.

— Вы принадлежите... Хертугу Перссону... вы его рабы. Что случилось с кораджем? — Последнее слово он выкрикнул, заметив дымящиеся обломки и упал с распростёртыми руками. Очевидно, ценность рабов падала с утратой машины. Он прополз к обломкам, и так как никто из солдат не хотел помогать ему, собрал всё, что мог найти из инструментов и приспособлений Язона. Когда он связал их и солдаты, обернувшись, убедились, что с ним ничего не случилось, они неохотно согласились нести связки. Один из солдат, одетый так же, как и остальные, очевидно, был старшим, и когда он приказал возвращаться, все сомкнулись вокруг пленников и концами луков заставили их встать.

— Иду, иду, — сказал Язон, догрызая свою кость. — Но сначала я позавтракаю. Я вижу бесконечную вереницу креноджей. Поэтому, прежде чем стать рабом, вдоволь поем.

Стоявший рядом солдат выглядел растерянным и повернулся к командиру.

— Кто это? — Спросил тот Снарби, указывая на все ещё сидящего Язона.

— Можно убить его?

— Нет! — Выкрикнул Снарби и протянул испачканный кусок чего-то белого. — Он построил эту дьявольскую машину и знает все её секреты. Хертуг Перссон пыткой заставит его снова построить такую.

Язон вытер руки об траву и неохотно поднялся.

— Ну, ладно, джентльмены, я иду. И пока мы идём, может быть кто-нибудь расскажет мне, кто такой Хертуг Перссон и что ещё нас ожидает?

— Я расскажу, — согласился Снарби, когда они выступили. — Он Хертуг Перссон. Я сражался за Перссонов, они знают меня в Аппсале и верят мне. Перссоны очень влиятельны в Аппсале и знают множество секретов, но они не так сильны как Троззелинги, которые владеют секретами кораджей и джетило. Я знаю, что могу просить любую награду у перссонов, если доставлю им секрет кораджей... И я сделаю это. — Он придвинул своё лицо со свирепой гримасой к Язону. — Ты расскажешь им секрет. Я сам буду пытать тебя, пока ты не расскажешь.

Язон подставил ногу и предатель растянулся на траве. Никто из солдат не обратил на это никакого внимания. Когда они прошли, Снарби с проклятиями двинулся следом. Язону было о чём подумать.

Глава 11

С окружающих холмов, Аппсала выглядела, как сгоревший город, который медленно моют в море. Только, когда они подошли ближе, стало ясно, что дым и копоть происходит от многочисленных дымовых труб, больших и малых, усеивающих все здания, и что город начинается на берегу и покрывает множество островов, между которыми находятся мелкие лагуны. Большие морские корабли стояли у прилегающего к морю края города, а ближе к берегу, по многочисленным каналам плавали маленькие судёнышки.

Язон с беспокойством выискивал признаки космопорта или любые другие признаки межзвёздной культуры, но ничего не увидел.

Парусный корабль, который был пришвартован к краю каменного причала, очевидно, ожидал их.

Пленникам связали руки, ноги и бросили на палубу. Язон вертелся на месте, пока ему

не удалось прижаться к щели в борту между плохо пригнанными досками, и начал описывать путешествие, чтобы ободрить товарищей.

— Наше путешествие близится к концу и перед нами открывается древний романтический город Аппсала, известный отвратительными обычаями, жестокими туземцами и полным отсутствием санитарии. Об этом свидетельствует канал, по которому плывёт наш корабль — это скорее сточная канава. По обе стороны расположены острова, меньшие из них покрыты лачугами, такими дряхлыми и грязными, что звериная нора кажется по сравнению с ними дворцом. В городе не может быть большого количества креноджей. Я считаю, что каждая из лачуг представляет собой укреплённое здание одного из племён, групп или кланов, о которых нам говорил наш друг Иуда. Взгляните на эти памятники крайнего эгоизма и страха: это конечный пункт системы, что начинается с рабовладельческого типа прежнего Чаки, с его толпой собирателей креноджей, достигает зенита прочности за этими стенами. По-прежнему всюду абсолютная власть одного над другими, каждый в войне со всем миром и единственная дорога наверх — по трупам соотечественников. Все технические открытия и изобретения считаются секретными и используются в личных целях. Никогда я не видел человеческой жадности и эгоизма такого размера и восхищён способностью хомо сапиенс придерживаться идеи, как бы порочна и жестока она не была.

В этот момент корабль резко повернулся и Язон скатился в вонючую трюмную воду.

— Падение человека... — пробормотал он, вновь выкарабкиваясь наверх. Борт корабля ударился о сваи, со множеством проклятий, криков и приказаний их корабль остановился. Люк над палубой открылся и троих пленников выволокли наверх.

Корабль находился в закрытом доке, окружённом зданиями и высокими стенами. За ними закрывались широкие ворота, через которые корабль проник в этот дом. Больше они ничего не успели разглядеть, так как их втолкнули в дверь одного из зданий и через множество залов и коридоров, мимо многочисленных охранников, провели в большой центральный зал.

Зал, за исключением помоста в дальнем углу, был лишён мебели. На помосте стоял большой, ржавый трон. Человек на троне, несомненно Хертуг Перссон, обладал великолепной белой бородой и волосами до плеч, у него был большой нос округлой формы, а глаза маленькие и красные.

— Скажите, — вдруг закричал Хертуг Перссон, — почему вы до сих пор ещё не убиты?

— Мы твои рабы, Хертуг, мы твои рабы, — хором ответили все находившиеся в зале, размахивая руками в воздухе. Первый раз Язон пропустил, но во второй раз присоединился к хору. Только Михай промолчал, а когда выражение вассальной зависимости кончилось, прозвучал его одинокий голос:

— Я не раб человека.

Командир солдат взмахнул руками, толстый конец его лука описал дугу, закончившуюся на голове Михая, тот упал, оглушённый.

— У тебя новые рабы, о Хертуг, — сказал командир.

— Кто из них знает секреты кораджа? — Спросил Хертуг, и Снарби указал на Язона.

— Вот он, о могучий. Он может сделать корадж, который будет двигаться. Я знаю это, потому что видел его работу. Он также делает огненные шары, которые сожгли дзертаноджей. Я привёл его к тебе, чтобы он стал твоим рабом и строил кораджи для перссонов. Вот обломки кораджа, на котором мы ехали. Тот корадж, съев всю свою силу, сжёг сам себя. — И Снарби положил на пол перед Хертугом инструменты и обгоревшие обломки. Хертуг презрительно скривил губы.

— Разве это доказательство? — Спросил он и повернулся к Язону. — Эти вещи ничего не значат. Как ты докажешь мне, раб, что ты умеешь делать то, о чём он говорит?

Язон хотел отказаться от своих знаний: это послужило бы хорошим наказанием для Снарби, но тут же отбросил эту мысль. Главным образом, из-за последствий, к которым мог привести его отказ. Язон ничего не знал о местных пытках и не хотел ничего узнавать.

— Доказать легко, Хертуг всех перссонов. Я знаю обо всём. Я могу собрать машины, которые ходят, бегают, говорят, летают, плавают.

— Ты построишь для меня корадж?

— Это легко сделать, если найдутся подходящие инструменты. Но вначале, я должен узнать специальность вашего клана, если ты понимаешь, о чём я говорю. Троззелинги делают кораджи, а дзертаноджи качают нефть. Что делает твой клан, твои люди?

— Если ты знаешь то, о чём говоришь, то не можешь не знать славы перссонов.

— Я прибыл из далёкой страны, а новости доходят медленно.

— Но не о Перссонах, — гордо сказал Хертуг и ткнул себя пальцем в грудь. — Мы можем говорить со всей страной и всегда знаем, где наши враги. Мы можем послать по проводам колдовство, которое убивает, зажигает стеклянные шары, выбивает меч из рук и вселяет ужас в сердце.

— Похоже, что ваша компания владеет монополией на электричество. Если у вас есть какие-нибудь кузнечные приспособления...

— Замолчи, — приказал Хертуг. — Все вон, кроме скулоджей. Новый раб тоже останется, — крикнул он, когда солдаты схватили Язона.

Комната опустела, в ней осталось лишь несколько человек. Все они были стары и носили на груди бронзовые украшения в виде солнца. Несомненно, это были посвящённые в тайны электричества. В гневе потрясая оружием, они окружили Язона. Хертуг приказал им подождать:

— Ты использовал священное слово. Кто рассказал тебе об этом? Говори быстро или будешь убит.

— Разве я не говорил вам, что знаю все? Я могу построить корадж, если мне дадут немного времени, усовершенствую ваши электрические работы, если и ваша технология стоит на том же уровне, что и на всей планете.

— Ты знаешь, что находится за этим запрещённым входом? — Спросил Хертуг, указывая на закрытую и охраняемую дверь в противоположном конце комнаты. — Этого ты не мог видеть. Если ты расскажешь, что там находится, я поверю, что ты действительно колдун, как ты утверждаешь.

— У меня такое странное чувство, как будто я все уже испытал, — вздохнул Язон. — Ну, ладно, там вы производите электричество, возможно химическим путём, хотя этот путь маловероятен, так как таким способом не получить достаточной силы тока. Следовательно, у вас там генератор. Это большой магнит — кусок особого железа, которое может притягивать другое железо. Вы опутываете его проводами и другими механизмами и установкой, но их не может быть очень много. Ты говоришь, что вы умеете разговаривать со всей страной. Готов поручиться, что вы не разговариваете, а лишь посылаете щёлканья. И я прав, не так ли?

Топот ног и возбуждённый гул голосов свидетельствовали о том, что он близок к истине.

— У меня есть одна мысль — я устрою вам телефон. Вместо прежних щелчков, как вам понравится настоящий разговор с любым уголком страны? Говорите в микрофон здесь, а ваш голос выходит из дальнего конца провода там.

Маленькие свинячьи глаза Хертуга жадно сверкнули.

— Говорят, что в прежние времена и это умели делать. Мы пытались, но у нас ничего не вышло. Ты можешь это сделать?

— Могу, если мы придём к определённом соглашению. И прежде чем давать обещания, я хотел бы осмотреть ваше оборудование.

Это вызвало крики о секретности, но в конце концов, жадность победила табу и дверь в святая святых раскрылась перед Язоном, а два скулоджа с обнажёнными кинжалами наготове стояли у него по бокам. Хертуг шёл впереди, за ним Язон со своими семидесятилетними телохранителями, а следом шли остальные скулоджи. Каждый из них кланялся и бормотал молитвы у священного порога, и Язон с трудом сдерживался от презрительного смеха.

Вращающийся стержень проходил в эту комнату сквозь дальнюю стену. Его несомненно, приводили в движение рабы. Он был связан системой ремней и шкивов с грубой и уродливой машиной, которая скрипела и дребезжала, заставляя дрожать пол под ногами.

Первый взгляд на машину поставил Язона в тупик, но потом он рассмотрел и понял, что это такое.

— Чего же можно было ожидать? — Простонал он про себя. — Если есть две возможности сделать что-нибудь, эти люди обязательно выберут худшую из них.

Последний шкив, переходя на колесо, как будто снятое с телеги, прикрепленное к большому деревянному стволу, вращал его с поразительной скоростью. Скорость замедлялась, когда один из ремней соскакивал со своего места и происходило это постоянно. Так случилось и тогда, когда Язон осматривал установку, и он успел разглядеть железные кольца, усеянные меньшими W-образными кусками железа, укрепленными вдоль всего ствола. Над стволом была укреплена клетка из множества перепутанных проводов. Всё это выглядело как иллюстрация к книжке «Первые шаги электричества».

— Разве твоя душа не трепещет в страхе перед этими чудесами? — Спросил Хертуг, заметив отвисшую челюсть и остекленевшие глаза Язона.

— Да, она трепещет, — ответил Язон, — но лишь от боли при виде этой коллекции механических глупостей и несообразностей.

— Святотатство! — Воскликнул Хертуг. — Убейте его!

— Минутку! — Сказал Язон, крепко хватая за руки, державшие кинжалы, двух ближних скулуджей и защищаясь их телами от клинков остальных. — Довольно недоразумений. Это великий генератор — просто чудо света — самое удивительное в нём то, что он всё ещё производит электричество. Грандиозное изобретение, опередившее своё время. Но с некоторыми усовершенствованиями оно сможет производить гораздо больше электричества при гораздо меньших затратах труда. Вы, вероятно, знаете, что электричество и ток возникают в проводах, когда сквозь них движется поле?

— Я не намерен обсуждать технологические проблемы с неверующими, холодно ответил Хертуг.

— Технология или наука, называйте как хотите, ответ будет один и тот же.

Язон слегка напряг свои прошедшие пиррянскую подготовку мускулы, старики вскрикнули и кинжалы выпали из их рук. Остальные же скулуджи, казалось, не слишком стремились продолжать нападение.

— Но, как же вы не додумались, что гораздо легче получать электрический ток, перемещая в магнитном поле провода? На производство тока той же силы затратится в десять раз меньше работы.

— Мы всегда поступали так. То, что было хорошо для наших предков...

— Да, да, я знаю, не нужно цитировать до конца, я уже слышал нечто подобное на этой планете.

Вооружённые скулуджи снова начали приближаться к нему.

— Послушай, Хертуг, ты действительно хочешь, чтобы меня убили? Пусть твои парни знают.

— Не нужно его убивать, — сказал Хертуг после короткого размышления. — То, что он говорит, может оказаться правдой. Он может помочь нам в управлении священными машинами.

Угроза миновала и Язон принялся осматривать большое и неуклюжее устройство, находившееся в дальнем конце помещения, на этот раз удерживаясь от оценки.

— Я думаю, что это святое чудо — ваш телеграф.

— Правильно, — благоговейно ответил Хертуг. Язон вздрогнул.

Медные провода свисали с потолка и оканчивались неуклюже обмотанным электромагнитом, рядом с которым располагался железный стержень рукоятки. Когда ток проходил через электромагнит, он притягивал стержень. Когда ток отключали, маятник возвращался в прежнее положение.

Острое металлическое перо было прикреплено к концу маятника. Кончик пера касался покрытой воском длинной медной полосы.

Пока Язон наблюдал, скрипучий механизм ожил. Электромагнит зажужжал, маятник качнулся, играя пробежал по восковому покрытию; верёвка, привязанная к середине медной полосы, потянула её вперёд. Дежурный скулодж стоял наготове с другой, покрытой воском полосой и ждал, пока закончится первая.

Рядом, полосы, содержащие послания, окунали в красную краску. Она сбегала с восковой поверхности, но задерживалась на царапинах. Извилистая линия появилась по всей длине полосы с g-образными отклонениями там, где кодированное сообщение скопировали на грифельную доску. Все вместе, это было медленным, громоздким, неуклюжим способом передачи информации. Язон потёр руки.

— О, Хертуг всех перссонов! — Заявил он. — Я осмотрел все ваши священные чудеса и переполнился ужасом. Конечно, простой смертный не в силах улучшить то, что сделали боги, во всяком случае сейчас, но в моих силах раскрыть вам некоторые другие секреты электричества, которые вручили мне боги.

— Какие? — Спросил Хертуг и глаза его сузились.

— Ну, например, — как это сказать на эсперанто? — Такие, как аккумуляторы. Ты знаешь, что это такое?

— Это слово упоминается в одной из самых старых священных книг, но мы не знаем, что оно означает.

— Тогда готовьтесь добавить к этой книге новую страницу: я собираюсь изготовить лейденскую банку и сообщить вам все инструкции по её изготовлению. Это способ запастись электричеством в бутылке, как будто это вода. Позже мы сможем изготовить более сложные батареи.

— Если ты сможешь сделать все эти вещи, ты будешь вознаграждён. Если же нет, ты...

— Не нужно угрозы, Хертуг, они ничего не изменят. И не нужно пока никаких наград, я просто представлю тебе образец своего искусства. Ну разве, что некоторый комфорт, пока я буду работать, отсутствие кандалов и запас креноджей и воды, и тому подобное. Потом, если тебе понравится то, что я для тебя сделаю, и ты захочешь большего, мы заключим договор. Согласен?

— Я обдумываю твои условия, — сказал Хертуг.

— Скажи просто — «да». Ведь в этом случае ты ничего не теряешь.

— Твои товарищи останутся заложниками, и если ты ошибаешься, они умрут.

— Отличная мысль. И если вы найдёте подходящую тяжёлую работу для раба по имени Михай, будет ещё лучше... Но мне нужны некоторые особые материалы которых я здесь не видел. Стеклянная банка с широким горлышком и запас олова.

— Олово? Я не знаю, что это такое.

— Знаешь. Белый металл, который вы смешиваете с медью, выплавляя бронзу.

— Странно. У нас его очень много.

— Пусть принесут сюда и я начну работу.

Творчески, лейденскую банку соорудить очень просто, если под рукой имеются все необходимые материалы. Это и стало первой задачей Язона. Перссоны сами не выдували стекло, а покупали готовые изделия у Витристов — изготовление стекла было их секретом, секретом их клана. Эти стеклодувы производили бутылки нескольких видов, стеклянные пуговицы, стаканы для питья, тарелки и с полдюжины других вещей. Ни одна из их бутылок не годилась, а предложение Язона изготовить сосуд по его указанию, привело их в ужас. Однако их испуг прошёл, когда им предложили щедрую плату, и получив глиняную модель, сделанную Язоном, они неохотно согласились изготовить такую банку.

Хертуг угрюмо хмурился, но в конце концов принёс требуемое количество золотых монет, нанизанных на проволоку.

— Твоя смерть будет ужасной, — сказал он Язону, — если аккумуляторы не будут действовать.

— Будь спокоен, — уверил его Язон, и вернулся к наблюдению за рабочими, которые молотами расплющивали олово в тонкие листы.

Язон не видел ни Михая, ни Айджейн с того момента, как их ввели в крепость перссонов, но он не беспокоился за них; Айджейн привыкла к рабской жизни и не будет испытывать никакого беспокойства, пока Хертуг проверяет его познания, Михай, напротив, не привык быть рабом, и Язон лелеял надежду, что это обстоятельство вызовет много осложнений в жизни его компаньона. После недавних событий, его резервуар доброй воли по отношению к Михая окончательно иссяк.

— Принесли банку, — объявил Хертуг. Он и все скулоджи собрались вокруг, подозрительно переглядываясь, пока разматывали упаковку банки.

— Не так плохо, — сказал Язон, поднося её к свету, чтобы проверить толщину стенок. — Если не считать того, что она в четыре раза больше модели.

— За большую цену — большая банка, — сказал Хертуг. — Это справедливо. Чем же ты недоволен, ты боишься, что она не будет работать?

— Я ничего не боюсь, просто можно было ограничиться и размером модели. Лейденская банка такого размера может быть опасной.

Не обращая внимания на зрителей, Язон покрыл банку изнутри и снаружи шероховатым листом, доведя покрытие до двух третей высоты от дна. Затем он вырезал пробку из гума, резиноподобного материала с хорошими изолирующими свойствами, и просверлил в ней отверстие. Перссоны с удивлением следили за тем, как он просунул в отверстие железный стержень и прикрепил к его длинному концу короткую железную цепочку, а к короткому — железный шар.

— Готово! — Объявил он.

— Но будет ли оно действовать? — Спросил заинтересованный Хертуг.

— Показываю, — сказал Язон и закрыл широкое отверстие банки пробкой так, что цепочка оказалась ниже оловянного покрытия. Он указал на шар на вершине стержня:

— Это мы присоединим к отрицательному полюсу вашего генератора, электричество по стержню и цепочке пойдёт вниз и соберётся в оловянной оболочке. Генератор будет работать, пока банка не наполнится, а затем мы его используем, чтобы зажечь лампу. Понятно?

— Глупость! — Прокричал один из старейших скулоджей и подтвердил свою мысль, покрутив пальцем у виска.

— Подожди и увидишь, — сказал Язон со спокойствием, которого не испытывал на самом деле. Он построил лейденскую банку, руководствуясь смутными воспоминаниями об иллюстрации в учебнике, который изучал в юности. Никаких гарантий, что она будет действовать, не было.

Он заземлил положительный полюс генератора, затем проделал тоже самое с внешним покрытием банки, проведя от неё провод в щель среди покрывавших пол плит и воткнув его во влажную землю.

— Пусть вертят генератор! — Крикнул он и отступил, сложив руки на груди.

Генератор со скрипом завертелся, ничего видимого не произошло. Так продолжалось минут пять, поскольку Язон понятия не имел, когда банка зарядится. Когда недовольные возгласы скулоджей стали громкими, он ступил вперёд и отсоединил банку лёгким ударом палки.

— Остановите генератор, работа сделана. Аккумулятор заполнен до краёв священной силой электричества. — Он пододвинул демонстрационный прибор, который сам подготовил: ряд грубых ламп накаливания, соединённых параллельно. В лейденской банке должно было хватить электричества, чтобы преодолеть сопротивление в угольных нитях и раскалить их. Он поднялся.

— Святотатство! — Проскрипел тот самый скулодж, выступая вперёд. — В священном писании сказано, что святая сила течёт лишь тогда, когда есть соединение, а если соединения нет, то святая сила не может действовать. Однако этот чужестранец осмеливается говорить

нам, что святая сила заключена в этом сосуде, хотя он не соединён проводом. Ложь и святотатство!

— Не нужно этого делать... — Сказал Язон старику, который указывал теперь на шар на вершине стержня.

— Здесь нет никакой силы, тут не может быть силы... — Его голос внезапно оборвался, когда его палец был в дюйме от шара. Толстая голубая искра ударила его в кончик пальца, скулодж хрипло вскрикнул и упал на пол. Один из стоящих рядом наклонился, осмотрел упавшего и испуганно взглянул на банку.

— Он мёртв, — выговорил он.

— Он не может жаловаться, что я его не предупреждал, — сказал Язон и решил усилить впечатление, так как ему везло. — Он же святотатствовал! — Крикнул Язон и старики испуганно отпрянули. — Святая сила собралась в банке, он усомнился в этом и святая сила убила его. Не сомневайтесь же больше или вы все разделите его судьбу. Наша задача, как скулоджей, — добавил он, решив заявить, что больше не считает себя рабом, — использовать силу электричества для славы Хертуга. Пусть этот будет последним сомневающимся, забудем о нём.

Они испуганно смотрели на распростёртое тело и воспринимали его мысли очень чётко.

— Святая сила может убивать, — сказал Хертуг, улыбаясь при виде трупа и потирая руки. — Это удивительная новость. Я всегда знал, что она может ударить и обжечь, но о такой возможности я не думал. Наши враги будут трепетать перед нами.

— Без сомнения, — сказал Язон, решив ковать железо, пока оно горячо, и отодвинул демонстрационный прибор с лампами. — А ведь можно сделать ещё многое. Электрический мотор, поднимающий и опускающий грузы, свет, превращающий ночь в день, и способ покрывать предметы металлической оболочкой. Ты можешь все это иметь, Хертуг.

— Начинай немедленно делать.

— Немедленно, как только мы заключим договор.

— Мне не нравится, как это звучит.

— Тебе понравится ещё меньше, когда ты узнаешь в подробностях. — Он наклонился и прошептал Хертугу на ухо. — Как тебе понравится машина, способная разрушать стены крепостей твоих врагов? Ты сможешь победить их и овладеть их секретами.

— Очистить комнату, — приказал Хертуг, и когда они остались вдвоём, разглядывал загоревшимися глазами Язона. — А что это за договор, о котором ты упомянул?

— Свобода для меня и пост твоего личного советника, рабы, драгоценности, женщины, хорошая пища и вообще всё, что в таких случаях полагается. В обмен я построю тебе все то, о чём я говорил, и ещё многое. Нет ничего, чтобы я не смог сделать. И всё будет твоим.

— Я уничтожу их всех, я буду править Аппсалай!

— Что-то вроде этого я и имел в виду. И чем лучше будет тебе, тем лучше будет и мне. Я прошу лишь удобства и возможности работать над изобретениями. Я буду счастлив в своей лаборатории, а ты будешь править миром!

— Ты просишь многого!

— А даю ещё больше. Вот что, дай мне день или два, и я создам механизм, который окончательно убедит тебя!

Язон помнил искру, убившую старика, и это давало надежду. Должен существовать способ выбраться с этой планеты.

Глава 12

— Когда это будет закончено? — Спросил Хертуг, указывая на части, разбросанные на столе перед Язоном.

— Завтра утром, хотя я работаю всю ночь, о, Хертуг! Но ещё до того, как я закончу это, хотел передать тебе свой дар — усовершенствование вашей телеграфной системы.

— Она не нуждается в усовершенствовании. Она такая же, как в дни наших предков...

— Я ничего не изменяю, предки знали лучше, я согласен. Всего лишь несколько улучшений в передаче сигналов. Посмотри сюда, — он взял одну из металлических полос с процарапанным восковым покрытием. — Ты сможешь прочесть, что тут написано?

— Конечно, но это потребует усиленной работы мысли: ведь это дивное чудо.

— Не такое дивное, если я с одного лишь взгляда понял его ужасную простоту.

— Ты святотатствуешь!

— Вовсе нет. Смотри, это «В», не правда ли? Два колебания магнитного маятника?

Хертуг посчитал по пальцам.

— Верно, это "В". Как ты узнал?

Язон скрыл своё презрение.

— Конечно, было трудно догадаться, но для меня все тайны — открытая книга. "В" — вторая буква алфавита и она обозначается двумя чертами. "С" — третья, это все ещё легко, но когда доходит до "Н", требуется 26 колебаний маятника и ударов передающего ключа, а это бессмысленная трата времени. Всё, что нужно сделать, это слегка изменить систему сигналов и пользоваться двумя различными сигналами — будем оригинальными и назовём один из них точкой, а другой — тире. Теперь, используя эти два сигнала, мы можем написать все буквы алфавита, используя максимум четыре импульса. Понятно?

— В голове шумит, мне трудно следить.

— Тогда выспись. К утру моё изобретение будет окончено и я одновременно продемонстрирую новый код.

Хертуг ушёл, что-то бормоча про себя, а Язон намотал последнюю обмотку на новый генератор.

— Как ты это называешь? — Спросил Хертуг Язона, рассматривая стоящий на столе богато украшенный ящик.

— Это — «Создатель славы Хертуга». Его нужно поставить в церкви или в местном эквиваленте её и все прихожане будут платить за право возгласить тебе хвалу. Наблюдай. Я — послушный прихожанин, входящий в храм. Я плачу деньги жрецам и поворачиваю ручку, торчащую здесь, сбоку. — Он начал быстро вертеть ручку, и ящик наполнился шумом и усиливающимся воем. — Следи за машиной.

На верхушке ящика были прикреплены два металлических рычага, заканчивающихся медными шарами, разделёнными воздушным пространством. Хертуг от изумления раскрыл рот и отпрянул, когда между шарами проскочила голубая искра.

— Это произведёт впечатление на верующих, — сказал Язон. — Теперь следи за искрами, заметить их последовательность нетрудно. Вначале — три короткие искры, затем три длинные, потом снова три короткие. — Он перестал крутить рукоятку и протянул Хертугу исписанный лист пергамента — с несколько искажённой версией обычного межзвёздного кода. — Смотри. Три точки означают "Н", а три тире "А". Поэтому, пока ручка вертится, машина посылает сигнал «НАН» — да здравствует Хертуг. Жрецы всё время будут заняты благодаря этому замечательному изобретению и забудут свои интриги, для твоих верных подданных это просто будет развлечение. И в тоже время машина электрическим голосом посылает тебе хвалу, снова и снова, днём и ночью.

Хертуг повертел ручку и загоревшимися глазами посмотрел на искры.

— Это будет установлено в церкви завтра же. Но прежде на нём нужно изобразить священный герб... Из золота...

— И драгоценных камней... чем богаче, тем лучше. Люди не захотят платить, если этот ручной орган не будет выглядеть впечатляюще.

Язон радостно слушал треск искр. Они могли означать «НАН», но для любого космического корабля это был сигнал SOS. Любой космический корабль с приличным приёмником при входе в атмосферу планеты немедленно уловил бы посылаемые в широчайшем диапазоне искровые сигналы. Если бы у него был приёмник; он бы, может

быть, уже услышал их вопросы, но дело не в этом. Через несколько мгновений он услышит рёв их посадочных двигателей и они приземлятся в Аппсале...

Ничего не случилось. Язон неохотно отказался от мечты о немедленном освобождении, так как первый сигнал «СОС» он послал двенадцать часов тому назад. Теперь, лучшее, что он мог сделать — это устроиться комфортабельно и ждать прилёта корабля.

Он не позволял себе думать о том, что возможно, ни один корабль не завернёт на эту захолустную планету при его жизни.

— Я обдумал твои просьбы, — сказал Хертуг, неохотно отодвигаясь от искрового передатчика. — Ты получишь личные помещения, возможно: одного-двух рабов, достаточно пищи, по святым дням — вино и пиво.

— И ничего крепче?

— Ты не можешь желать ничего крепкого: вина Перссонов с полей на склонах горы Мальвигло известны своей крепостью.

— Они станут ещё крепче и известнее, когда я их перегоню через перегонный куб. Я вижу множество мелких усовершенствований, которые нужно будет сделать, пока я здесь. Я даже собираюсь изобрести ватерклозет, пока не заработал ревматизм из-за дыр в ваших примитивных уборных. Многого нужно сделать, но прежде всего нужно сделать список усовершенствований, а на самом верху листа — станок для изготовления денег. Кое-какие из тех изобретений, которые я собираюсь осуществить для твоей славы, несколько дороговаты. Поэтому лучше запастись деньгами. Я надеюсь, у тебя нет никаких религиозных запретов против богатства?

— Нет, — с готовностью ответил Хертуг.

— На этом пока закончим. С разрешения твоего могущества, я пойду на свою новую квартиру и посплю, после чего подготовлю список проектов.

— Это меня устраивает. И не забудь эту штуку, которая делает деньги.

— В начале списка.

Хотя Язон был раскован и у него была священная мастерская, его сопровождало четверо телохранителей; они всё время были с ним рядом и сопровождали его всюду по пятам, когда бы и куда бы он не пошёл; дыша в затылок ему запахом креноджей.

— Ты знаешь, где моя новая квартира? — Спросил Язон у командира охранников, угрюмого грубияна по имени Бенит.

— Хм, — сказал Бенит и углубился в коридор крепости перссонов, вверх по извилистой каменной лестнице, которая вела на верхние этажи, затем вниз в тёмный зал к единственной двери, где стоял ещё один охранник. Бенит отпер дверь в тёмный зал тяжёлым ключом, сняв его с пояса.

— Вот, — сказал Бенит, ткнув пальцем с черным ногтем.

— Полно рабов, — сказал Язон, заглядывая внутрь и видя Михая и Айджейн, прикованных к стене. — От этих двоих будет мало пользы, если они используются в качестве украшений. Есть у тебя ключ?

С той же грацией Бенит вытащил из кармана меньший ключ и протянул его Язону, затем закрыл за собой дверь.

— Я знала: ты сделаешь так, что они не причинят тебе вреда, — сказала Айджейн, когда Язон снимал с неё тяжёлый ошейник. — Я только немного боялась.

Михай сохранял каменное молчание, пока Язон вместе с Айджейн не начали осмотр помещения.

— Вы забыли освободить меня от цепи.

— Я рад, что вы заметили это, — сказал Язон. — Значит не нужно обращать мне на это ваше внимание. Можете ли вы указать лучший способ избавления от беспокойства?

— Вы меня оскорбляете!

— Я говорю правду. Из-за вас я потерял постоянную работу у дзертаноджей и вновь стал рабом. Убежав, я захватил вас с собой, а вы отплатили за моё великодушие, позволив

Снарби предать нас моему нынешнему нанимателю — и это место я занял без вашего указания.

— Я поступил так, как считал справедливым.

— Вы ошибались.

— Вы мстительный и мелочный человек, Язон дин-Альт!

— Вы совершенно правы. И поэтому останетесь прикованным к стене.

Язон взял Айджейн за руку и повёл продолжать осмотр помещения.

— По последней моде вход ведёт в главную комнату, обставленную грубо сколоченной мебелью; стены покрыты многочисленными разновидностями прекрасной плесени. Очень хорошее место для изготовления сыра, но для человека не пригодна. — Он открыл внутреннюю дверь. — Это мне нравится больше, выходит на юг, виден только канал, достаточно света. Окна, забранные лучшим разбитым рогом, пропускающим и свет и свежий воздух. Придётся вводить оконное стекло. А вот и наш очаг, где мы можем развести огонь.

— Креноджи! — Воскликнула Айджейн, подбежав торопливо к корзине, стоящей в стенной нише. Язон содрогнулся. Она принялась перебирать корни. — Не слишком старые — десять, может быть пятнадцать дней... хороши для супа.

— Именно по нему томится мой старый живот, — без энтузиазма сказал Язон.

Михай взревел в соседней комнате. Язон разжёл огонь, а потом пошёл посмотреть, чего тот хочет.

— Это преступление! — Заявил Михай, гремя цепями.

— Я — преступник! — Язон повернулся к дверям.

— Подождите! Вы не можете меня так оставить. Мы ведь цивилизованные люди. Освободите меня и я дам слово, что не причиню больше никаких беспокойств.

— Это очень похвально с вашей стороны, Михай, старина, но всё дело в том, что моя прежняя доверчивая душа утратила всякое доверие к вам. Я приспособился к местному этосу и верю теперь лишь до тех пор, пока я вас вижу. Для вас и этого уж слишком много. Сейчас вы сможете найти другое место для своего рёва.

Язон отцепил цепь, соединяющую железный ошейник Михая со стеной и отвернулся.

— Вы забыли ошейник, — сказал Михай.

— Неужели? — Ответил Язон и его улыбка была скорее жёсткой, нежели юмористической. — Я не забыл, как вы предали меня Эдилону и не забыл про ошейник. Пока вы останетесь рабом, вы не сможете вновь предать меня. Поэтому вы останетесь рабом.

В голосе Михая прозвучала холодная ярость:

— Следовало этого ожидать от вас. Вы собака, а не цивилизованный человек. Я не дам вам слово и не буду ни в чём помогать вам: я стыжусь своей слабости и того, что предлагал вам. Вы зло, а моя жизнь посвящена борьбе со злом, поэтому я буду бороться с вами.

Язон поднял руку для удара, потом опустил её и засмеялся:

— Вы никогда не перестанете удивлять меня, Михай. Кажется невозможным, чтобы человек был настолько нечувствительным к логике, фактам, реальности и тому, что называется здравым смыслом. Я рад, что вы признали, что будете бороться со мной и это позволит мне лучше защищать свою спину. А чтобы вы не забыли свои слова, я буду обращаться с вами, как с рабом. Берите этот каменный кувшин, стучите в дверь и отправляйтесь за водой, как это делают рабы.

Он повернулся и вышел из комнаты, все ещё кипя гневом и постарался с энтузиазмом отнестись к еде, которую приготовила Айджейн.

С полным животом, Язон удобно расположился у камина, грея ноги. Айджейн сидела рядом с ним, неуклюже и медленно сшивая большой железной иглой шкуры, а из другой комнаты доносился гневный звон.

Было поздно, Язон устал, но он обещал Хертугу сделать список всевозможных чудес и хотел закончить его до сна.

Он удивлённо посмотрел на дверь, когда звякнули замки. Она со скрипом отворилась и появился Бенит в сопровождении одного из солдат, нёсшего факел.

— Идём, — сказал Бенит и указал на дверь.

— Куда и зачем? — Спросил Язон, неохотно вставая на ноги. Он отбросил шкуру, в которую кутался и прошёл к выходу мимо скорчившегося Михая. Охранника у двери не было, а в стороне, едва заметное в свете факела, виднелось какое-то тёмное пятно. Где же охранник?

Язон хотел повернуться, но дверь за ним захлопнулась, а острие меча Бенита проткнуло одежду и коснулось кожи в районе почек.

— Если пошевелишься или заговоришь, умрёшь, — прозвучал в его ушах голос Бенита.

Язон обдумал эти слова и решил не двигаться. Не то, чтобы эта угроза беспокоила его, он был уверен, что сумеет обезоружить Бенита и добраться до второго солдата прежде, чем тот извлечёт меч. Нет, Язона заинтересовало; что же это происходит? У него возникло подозрение, что происходящее неизвестно Хертугу, и он решил выяснить, к чему всё это приведёт.

Он немедленно пожалел о принятом решении. Вонючий кляп был всунут ему в рот и завязан верёвками вокруг шеи. Руки его были связаны и одновременно острие лезвия было прижато к его боку. Сопротивление стало невозможным без серьёзного риска, поэтому он покорно последовал за похитителями по лестнице на плоскую крышу здания. Солдат погасил факел и они исчезли в темноте ночи.

Холодный мокрый снег осыпал их. Они скользили по черепице крыши.

Парапет был невидим в темноте. Язон споткнулся об него и едва не свалился с крыши. Его поддержал солдат. Работая быстро и молча, Бенит и солдат обвязали его верёвкой под мышками и спустили с крыши. Язон слал проклятия из-под кляпа: его спускали, ударяя о грубый внешний фасад здания и он очутился по колено в ледяной воде.

Эта сторона крепости перссонов обрывалась в канал и Язон висел над ним, погрузившись по пояс в воду. В темноте вырисовывались едва заметные очертания лодки. Грубые руки подхватили его и втащили в лодку, затем похитители тоже спустились и верёвку перерезали. Скрипнули уключины и они двинулись. Не было никакой тревоги.

Люди в лодке не обращали на Язона никакого внимания, они наступали на него, пока он не откатился в сторону. Ему почти ничего не было видно. Потом появились факелы и он увидел, что они проплывают через ворота, такие же, как и вход в крепость перссонов. Ему не доставила особого облегчения мысль, что он похищен соперничающим кланом. Когда лодка остановилась, его выбросили из неё и протащили по влажным каменным плитам, пока он не увидел перед собой высокий ржавый железный портал. Бенит исчез, очевидно, отправился за свежими тридцатью сребрениками, а новые охранники были молчаливы, как могилы.

Они развязали его, вытащили изо рта кляп, провели через железную дверь и бесшумно закрыли её за собой. Он оказался лицом к лицу с ужасами комнаты, которые должны были оледенить его кровь.

Язон холодно засмеялся и огляделся в поисках стула. Ничего подходящего он не увидел, поэтому снял со стола коптящую лампу — она была сделана в форме змеи с пламенем вместо жала — и поставил её на пол. Потом сел на стол и принялся презрительно осматривать стоящие перед ним ужасы.

— Встань, смертный! Сидеть перед мастрегулами — означает смерть! — Сказала центральная фигура.

Их было семь, сидящих на высоком помосте, одетых в балахоны, вооружённых широкими мечами метровой длины. На всех были страшные маски. Лампы странной формы горели и чадили перед ними, а воздух был полон сернистых газов. — Я сижу, — ответил Язон, усаживаясь ещё удобнее. — Вы бы не похитили меня с простой целью — убить, и чем скорее вы поймёте, что эти опереточные ужасы меня не беспокоят, тем быстрее перейдём к делу.

— Молчи! Смерть перед тобой!

— Екскременсо! — Закричал Язон. — И ваши маски и ваши угрозы того же качества,

что и у пустынных рабовладельцев. Перейдём к делу. До вас дошли слухи обо мне, они вас заинтересовали, вы слышали об усовершенствовании кораджа, а шпионы донесли вам об экзотическом устройстве в церкви, а может ещё что-нибудь. Это звучало заманчиво и вы захотели захватить меня. Для этого вы пустились на маленькую аппсаланскую хитрость, заплатив кое-кому. И вот я здесь.

— Ты знаешь, с кем разговариваешь? — Загремела маскированная фигура справа, довольно дрожащим старческим голосом. Язон внимательно осмотрел говорящего.

— Мастрегулы? Я слышал о вас. Вы считаетесь колдунами и волшебниками этого города, вы поджигаете воду, а дым при этом обжигает лёгкие, а вода прожигает мясо и так далее. Я думаю, вы местный эквивалент химиков, и хотя вас немного, вы держите в страхе остальные кланы.

— Ты знаешь, что здесь находится? — Спросил сидящий в стороне человек, держа стеклянный шар с какой-то желтоватой жидкостью.

— Не знаю и не желаю знать.

— Здесь находится обжигающая вода, она прожжёт тебя насквозь, если ты к ней прикоснёшься.

— Кончайте, здесь всего лишь обычная кислота, скорее всего серная, потому что все остальные кислоты изготавливаются из серной, да к тому же всю эту комнату заполняет запах тухлых яиц.

Его слова, казалось, взорвали дом. Семь фигур вскочило и забормотало друг с другом о чём-то. Поскольку они отвлеклись, он встал и приблизился к ним. Ему надоела вся эта игра в волшебные науки, он плохо себя чувствовал после похищения, да и после того, как его связывали, спускали на верёвке, окунали в воду.

Эти мастрегулы держали остальные кланы в страхе, но они не были достаточно многочисленны для того, что задумал Язон. Он по многим причинам хотел вернуться к Перссонам.

Когда-то он читал в газетах о знаменитых побегах, и кое-что у него от них засело в голове. Он интересовался побегами, так как его профессиональные интересы и интересы полиции часто не совпадали. Заключение, сделанное на основе многих побегов, гласило; чем скорее после заключения вы попытаетесь бежать, тем больше шансов у вас на успех. Так было и сейчас. Мастрегулы сделали ошибку, приведя его одного без стражи. Они так привыкли запугивать и приводить в ужас, что не позаботились об охране. А они были стариками. По их голосам и поведению он понял, что ни одного молодого человека среди них не было, а тот что стоял справа, был глубоким стариком. Его голос выдал его, а теперь, оказавшись близко, Язон видел, как дрожали руки, которыми этот человек держал перед собой большой меч.

— Кто выдал секрет и священное название жидкости? — Спросила центральная фигура. — Говори, шпион, или мы вырвем твой язык, пустим огонь тебе в кишки...

— Не делайте этого, — умолял Язон, наклоняясь и молитвенно протягивая вперёд руки. — Всё что угодно, но только не это. Я буду говорить! — Он все больше приближался к длинному мечу и державшему его человеку, стоявшему на правом краю помоста. — Правда в том, и что я не могу больше скрывать её, что среди вас есть человек, который выдал мне священные секреты.

Он указал на старика справа и в этот момент его рука приблизилась к мечу вплотную. Язон прыгнул и вырвал из рук старика меч, потом швырнул старика на его соседа — оба с шумом упали.

— Смерть неверующим! — Закричал он и дёрнул чёрный занавес с изображением черепов и чертей, закрывавший заднюю стену. Он бросил сорванный занавес на сидевших — они только начали вставать со своих мест, и заметил маленькую дверь, скрытую за занавесом. Рывком открыв её, он прыгнул в освещённый лампами коридор, чуть ли не в руки двух охранников. Преимущество Язона, внезапность была на его стороне. Первый охранник упал, когда Язон ударил его плашмя мечом по голове. Второму Язон перебил мечом руку.

Пиррянская тренировка сослужила свою службу, он действовал быстрее и был сильнее.

Это подтвердилось, когда он забежал за угол, направляясь к выходу и наткнулся на Бенита, своего прежнего охранника.

— Спасибо за то, что ты привёл меня сюда, путешествие было приятным, — сказал Язон, отбивая удар меча Бенита. — Я знаю, что предательство — обычное занятие в Аппсале, а вот то, что ты убил одного из своих людей, нехорошо. — Его меч сверкнул, перерезав горло Бениту, почти отделив туловище от головы. Язон побежал дальше и напал на охранников у входа.

Он двигался как можно быстрее. Объединившись, стражники легко его схватят или убьют, но была уже поздняя ночь и охрана никак не ожидала такого яростного нападения с тыла. Один упал, другой отполз прочь, держась за раненую руку и Язон всем телом повис на массивном бруске, закрывавшем дверь. Углом глаза он заметил появившегося мастрегула в маске и страшном одеянии.

— Умри! — Вскричал тот и швырнул стеклянный шар в голову Язона.

— Спасибо, — ответил Язон, легко перехватив шар в воздухе свободной рукой и пряча его под одеждой. Он раскрыл тяжёлую дверь. Преследование только началось, когда он сбежал по скользким ступеням и прыгнул в ближайшую лодку. Она была слишком велика, чтобы он мог легко грести, но она позволяла вести лодку, отталкиваясь вёслами.

На пристани появились фигуры, были слышны крики, засверкали факелы, затем все скрыл мокрый снег. Язон грёб в темноте, угрюмо улыбаясь.

Глава 13

Он грёб до тех пор, пока не согрелся, потом предоставил длинной лодке плыть по течению. Она ударилась о невидимое в темноте препятствие, потом повернула, входя в новый канал.

Когда он окончательно уверился, что след его утеряли, он направился к ближайшему берегу и начал искать место для причала. Лодка пропахала песок на берегу, он выпрыгнул, глубоко погрузившись в сырой песок, и оттащил лодку так далеко, как только мог. Когда он не смог тащить её дальше, он взобрался в неё, положил стеклянный шар подальше от себя на дно, чтобы случайно не разбить его, и стал ожидать наступления рассвета. Он замёрз, продрог и в довершение ко всему, перед рассветом вновь пошёл мокрый снег. Туманные очертания медленно выступали в полумраке — это были лодки, вытасченные на берег и привязанные цепями к столбам, дальше были видны маленькие квадратные домики.

Из одного дома вышел человек, но как только он увидел Язона и его лодку, он в испуге вскрикнул и исчез. Послышалась какая-то возня, голоса. Язон выпрыгнул на берег и сделал несколько выпадов, чтобы размяться.

Около десяти человек неуверенно приближалось к нему по берегу, размахивая дубинками и вёслами, и дрожа от страха.

— Уходи, оставь нас в мире, — сказал предводитель, скрестив указательный палец и мизинец, чтобы отвести дурной глаз. — И возьми свою зловещую лодку, мастрегул, и оставь наш берег. Мы всего лишь бедные рыбаки...

— Я не больше вас люблю мастрегулов, — ответил Язон, опираясь на меч.

— Но твоя лодка... Вот знак.

Предводитель указал на резьбу на носу.

— Я украл её у них.

Рыбаки застонали и отпрянули, некоторые убежали, другие опустились на колени для молитвы. Один замахнулся дубинкой, но Язон легко отразил удар мечом.

— Мы пропали! — Воскликнул предводитель. — Мастрегулы придут сюда, увидят лодку, обвинят нас и убьют. Забирай лодку и уходи.

— Что-то в твоих словах есть, — согласился Язон.

Лодка могла выдать его. Он с трудом мог управлять ею в одиночку, и она была

слишком заметна, чтобы он передвигался невооружённым. Внимательно следя за рыбаками, Язон достал стеклянный шар, нажал на нос и столкнул лодку в воду. Течение подхватило её и она вскоре исчезла из вида.

— Эта проблема решена, — сказал Язон. — Теперь мне нужно вернуться в крепость перссонов. Кто из вас доставит меня туда? — Рыбаки начали отступать, но Язон преградил дорогу предводителю. — Ну, как насчёт этого?

— Я не смогу найти дорогу, — сказал рыбак бледнея. — Туман, мокрый снег, я никогда не плавал туда...

— Но тебе хорошо заплатят, как только мы прибудем туда. Назови свою цену.

Человек засмеялся и попытался ускользнуть.

— Ага, понимаю, — сказал Язон, преграждая ему дорогу мечом. — Кредит не в обычаях этого мира. — Он задумчиво посмотрел на меч и в первый раз заметил, что его богато украшенная рукоятка усеяна драгоценными камнями.

— Если ты найдёшь нож, то сможешь выковырнуть плату. Вот этот красный камень, по-видимому, рубин, и ты получишь его сразу, а тот зелёный, когда мы прибудем на место.

После недолгого спора, Язон прибавил ещё один красный камень, выгода победила страх и рыбак пригнал маленькую, плохо склеенную лодку.

Он грёб, а Язон вычерпывал воду, и так они начали тайное путешествие по лабиринту каналов. Они незамеченными добрались до расколотых каменных ступеней, ведущих к закрытым воротам. Рыбак клялся, что это вход в крепость перссонов. Язон, привыкший к местным обычаям, оставался в лодке до тех пор, пока не появился охранник с характерным гербом перссонов на рукаве изображением восходящего солнца. Рыбак был очень удивлён, получив обещанную плату, он начал быстро грести обратно, что-то бормоча. Вызвали начальника охраны, меч у Язона отобрали, и он был быстро доставлен в приёмный зал Хертуга.

— Предатель! — Закричал Хертуг, покончив со всеми формальностями. — Ты тайно убил моих людей и бежал, но теперь ты вновь в моих руках...

— Перестань, — раздражённо сказал Язон и отодвинул стражников. — Я вернулся добровольно, а это кое-что значит, даже в Аппсале. Меня похитили мастрегулы с помощью предателя из твоей охраны.

— Как его зовут?

— Бенит, но он умер, я сам видел это. Твой верный офицер продал тебя конкурентам. Они хотели, чтобы я работал на них, но я не согласился. Я не слишком высокого мнения об их оборудовании, к тому же я от них ушёл раньше, чем что-либо успел разглядеть. Я принёс с собой доказательство. Язон вынул стеклянный шар с кислотой и стражники отскочили от него, а сам Хертуг побледнел.

— Горячая вода, — воскликнул он.

— Вот именно. И поскольку у меня теперь есть кислота, я смогу изготовить батареи, необходимые для дальнейших исследований. Я разозлён, Хертуг. Мне не нравится, когда меня похищают. Все в Аппсале меня раздражает и у меня есть кое-какие планы на будущее. Теперь отправь этих парней, мне нужно поговорить с тобой.

Хертуг нервно пожевал губы и взглянул на стражу.

— Ты вернулся назад, — сказал он, — но почему?

— Потому что я нуждаюсь в тебе не меньше, чем ты нуждаешься во мне. У тебя много людей, власть и деньги. У меня большие планы. Отправь стражу, я расскажу тебе, в чём они заключаются.

На столе стояла чаша с кренджами. Язон порылся в ней, выбрал один посвежее и откусил. Хертуг размышлял.

— Ты пришёл назад, — сказал он. Этот факт казался ему удивительным. — Давай поговорим.

— Наедине.

— Очистить помещение, — приказал Хертуг, но позаботился о предосторожности,

положив перед собой заряженный самострел.

Язон не обратил на это никакого внимания — иного он и не ожидал. Он подошёл к плохо застеклённому окну и взглянул на островной город.

— Как тебе нравится владеть всем этим, Хертуг? — Спросил Язон.

— Говори...

Крошечные глазки Хертуга сверкали.

— Я уже упоминал об этом, а сейчас говорю серьёзно. Я открою тебе секреты всех остальных кланов на этой проклятой планете. Я покажу тебе, как дзертаноджи перегоняют нефть, как мастрегулы получают серную кислоту, как троззелинги строят машины. Затем, я усовершенствую ваше оружие и введу новое, сколько смогу. Я сделаю войну такой ужасной, что она станет невозможной. Конечно, войны будут продолжаться, но твои войска станут всегда побеждать... Ты станешь повелителем города, потом и всей планеты. Богатейшие земли станут твоими. Ты будешь наслаждаться, посылая ужасную смерть врагам повсюду. Что скажешь?

— Супер ля Перссоне! — закричал Хертуг, вскакивая.

— Я так и думал, что ты скажешь мне это, видимо, придётся задержаться тут на некоторое время, я хочу хорошенько встряхнуть вашу систему. Она очень неудачна, по-моему, пришло время её изменить.

Глава 14

Дни становились длиннее, мокрый снег сменился дождём, и, наконец, окончательно превратился в дождь. Последние тучи исчезли с неба, и солнце осветило Аппсалу. Почки на деревьях раскрылись, распустились цветы, от тёплой воды каналов поднимались другие ароматы. Однако, ему некогда было замечать эти перемены: Язон долгие часы проводил в работе над своими изобретениями и их производством, и это было очень утомительное занятие. Сырьё и производство были очень дороги и когда счета поднимались слишком высоко, Хертуг бормотал о старых добрых временах. Язону же, приходилось срочно изготавливать одно-два чуда.

Первым из них была электрическая дуга, вторым электрическая печь, которую хорошо использовать для пыток, и Хертуг испытал её на пленном троззелинге. Тот не выдержал пытки и рассказал им всё, что знал.

Когда эта новость поблекла, Язон создал гальванопластику, чем пополнил сокровищницу Хертуга, изготавливая для продажи, как настоящие, так и поддельные драгоценности.

Раскрыв с большими предосторожностями стеклянный шар мастрегулов, Язон с удовлетворением убедился, что там была серная кислота, и соорудил громоздкую, но мощную аккумуляторную батарею.

Все ещё сердясь из-за своего похищения, он возглавил нападение на баржу мастрегулов и захватил большой запас серной кислоты и других химикатов. Он хотел создать несколько разновидностей оружия, но от большинства проектов отказался. Больше он преуспел в изготовлении кораджа и паровой машины, во многом благодаря предшествующему опыту. Кроме того, он построил лёгкий, но мощный пароход.

В свободные минуты он разрабатывал книгопечатание, шрифт, телефон и громкоговоритель, которые вдобавок к фонографическим записям, занимали все его время.

Для собственного удовольствия он смастерил в своей комнате самогонный аппарат, при помощи которого производил низкосортный, но крепкий бренди.

— В основном дела идут не так уж плохо, — говорил он, откинувшись в своём обитом шкурами кресле и прихлёбывая бренди.

Был тёплый день и хотя он был заполнен зловонными испарениями, поднимавшимися из канала, вечерний морской бриз принёс с собой прохладу и свежесть, вошедшие в раскрытые окна. Перед ним лежал отличный бифштекс, изготовленный в угольной печи

собственного изготовления, с румяным крендом в качестве гарнира, и хлебом, испечённым из муки, смолотой на недавно построенной мельнице. Айджейн прибиралась на кухне, а Михай старательно протирал щёткой трубы самогонного аппарата, удаляя осадок от последней партии.

— Не хотите ли присоединиться ко мне? — Спросил Язон, преисполненный доброты к человеческому роду.

— Вино радует, крепкий напиток гневит. Книга «Притчей Соломоновых», — ответил ему Михай в своём лучшем стиле.

— «Вино приносит радость в сердце человека». Псалом. Я тоже читал кое-что. Но если вы не хотите разделить со мной дружескую чашу вина, то почему бы вам не выпить воды и не передохнуть?

— Я ваш раб, — мрачно сказал Михай, указывая на свой железный ошейник и возвращаясь к работе.

— За это вы должны благодарить только себя. Если бы вы были несколько более благоразумны, я тут же вернул бы вам свободу. Почему бы мне не сделать этого сейчас? Только дайте слово, что вы не будете совать нос в мои дела и не станете заботиться о моих моральных устоях. У меня достаточно хорошие отношения с Хертугом и немного забот, с которыми я как-нибудь справлюсь. Что скажете? Хотя темы ваших разговоров и ограничены, это всё же лучшее, что я могу найти на этой планете.

Михай вновь притронулся к ошейнику и на мгновение задумался.

— Нет! — Воскликнул он, отдёргивая руку, как будто обжёгся. — Изыди, сатана! Прочь! Я не дам вам никаких обетов и не отдам свою честь в вассальное владение. Лучше служить в цепях до дня освобождения, когда я увижу вас, стоящим перед судом в ожидании наказания.

— Ну что ж, вы не оставили никаких сомнений в ваших чувствах. — Язон благодушно осушил стакан и наполнил его вновь. — Я надеюсь, что до дня освобождения всё же сумею несколько изменить вашу точку зрения. Не задумывались ли вы когда-нибудь над тем, сколько нам ждать освобождения? И что мы можем сделать, чтобы его приблизить?

— Я ничего не могу сделать — я раб.

— Да. И мы оба знаем, почему. Но помимо этого, делали ли хоть что-нибудь, чтобы освобождение наступило быстрее. Я отвечу за вас. Нет. А я делал, и даже в нескольких направлениях. Во-первых, я точно определил, что на этой заброшенной планете нет пришельцев из космоса. Я разыскал несколько хорошо радиорезонирующих кристаллов и построил радиоприёмник. Однако, ничего не услышал, кроме атмосферных помех и моего собственного «священного ящика».

— Что за святотатственные речи вы произносите?

— Разве я вам не рассказывал? Я построил простейший радиопередатчик и заявил, что он шлёт молитвы. С первого же дня он не умолкает под руками верующих.

— Неужели для вас нет ничего святого, богохульник?

— Мы поговорим об этом в другой раз, хотя я не понимаю вашей точки зрения. Неужели вы требуете уважения к ложной религии с ложным богом; Электро, и тому подобным? Вы должны быть мне благодарны за то, что я посмеялся над этими идолопоклонниками... К тому же, если какой-то космический корабль войдёт в атмосферу планеты, он немедленно поймёт мой сигнал и придёт нам на помощь.

— Когда же? — Спросил Михай, поневоле заинтересовавшись.

— Может быть через пять минут, а может быть через пятьсот лет. В этой Галактике множество планет, даже, если нас кто-нибудь ищет. Сомневаюсь, чтобы пиррыне искали меня: у них один — единственный корабль, да и тот постоянно занят. Как насчёт ваших людей?

— Они молятся за меня, но искать не могут. Большинство наших денег пошло на покупку и оборудование корабля, который вы так своевременно уничтожили. Ну, а посторонние корабли? Торговые? Исследовательские?

— Вероятность — всё зависит от игры случая. Как я говорил — через пять минут, пять столетий или никогда. Слепая игра случая. — Михай тяжело сел, погрузившись в уныние, и Язон, несмотря на то, что все это он знал и раньше, почувствовал мгновенную острую боль. — Но приободритесь, дела идут не так уж плохо. Сравните наше теперешнее положение со сбором креноджей, в весёлой компании рабов Чаки. Теперь у нас тёплая квартира с удобной мебелью и достаточно хорошей пищи, а со временем будут все удобства, которые я сумею создать. Для собственного удобства, а также из милости, я вытащу этот мир из тёмного века и втяну его в технологическое будущее. Неужели вы думаете, что я затеял все эти изобретения, чтобы помочь Хертугу?

— Я не понимаю.

— К сожалению, это типично для вас. А посмотрите, здесь была статичная культура, которая никогда бы не стала изменяться к лучшему без сильного толчка извне. Таким толчком стал я. Пока знания засекречиваются, никакого прогресса быть не может. Возможны незначительные усовершенствования, изменения внутри классов, в их узкой специальности, но ничего жизненно важного. Я разрушаю все это. Я передам Хертугу информацию, принадлежащую всем кланам, плюс множество сведений, которые им неизвестны. Это нарушает нормальный баланс в обществе. Ранее все эти вооружённые кланы были примерно равны, а теперь Хертуг стал сильнее, начнёт войну и сумеет победить их один за другим...

— Войну? — Спросил Михай, ноздри его раздувались, прежний фанатичный блеск появился в глазах. — Вы сказали — войну?

— Да, — благодушно ответил Язон, отпивая из стакана. Он так погрузился в это занятие, что не заметил предупредительных сигналов. — Как сказал кто-то: «нельзя приготовить яичницу, не разбив яйца»... Предоставленный сам себе, этот мир ковылял бы по своей орбите, девяносто пять процентов его населения были бы по-прежнему обречены на болезни, нищету, грязь, голод, рабство и всё прочее. Я начну войну небольшую, чистую, научную войну, которая уничтожит всех конкурентов. Когда всё кончится, то для всех это будет лучше, гораздо лучше. Хертуг уничтожит границы между племенами и станет диктатором. Работа, которой я занимаюсь, слишком уж трудна для скулоджей, поэтому я возьму в обучение рабов и юношей из хороших семей. Когда и это закончится, тут скрестятся все науки и полным ходом пойдёт вторжение промышленной революции. И тогда уже никто не сможет повернуть обратно, прошлое умрёт. Машины, капитализм, предприниматели, досуг, искусство...

— Вы чудовище! — Прошептал Михай сквозь сжатые зубы. — Чтобы удовлетворить своё Я, вы готовы развязать войну, обречь тысячи невинных на смерть. Я остановлю вас, хотя бы даже ценой собственной жизни!

— Вы что-то сказали? — Спросил Язон, поднимая голову. Он дремал, погруженный в видения блестящего будущего и устав от работы.

Но Михай не отвечал. Он отвернулся и наклонился над самогонным аппаратом, продолжая чистить его. Лицо его покраснело, а зубами он так прикусил губу, что по его подбородку пробежала тоненькая струйка крови. В конце концов он понял преимущество молчания в определённое время, хотя усилия, которые потребовались для этого, чуть его не убили.

Во дворе крепости перссонов был большой каменный резервуар, наполнявшийся свежей водой, которую привозили на барже. Здесь встречались рабы, приходя за водой. Здесь был центр сплетен и интриг. Михай ждал своей очереди, чтобы наполнить ведро, но в тоже время внимательно всматривался в лица рабов. Он искал раба, который заговорил с ним несколько недель назад. Тогда Михай не ответил ему. Наконец он увидел его и отвёл за вязанки хвороста.

— Я согласен помочь, — прошептал Михай.

Раб криво усмехнулся.

— Наконец-то ты стал мудрым. Всё будет сделано.

Лето было в полном разгаре, горячее и влажное: прохладно становилось после

наступления темноты.

Язон достиг значительных успехов в изготовлении паровой машины-катапульты, когда был вынужден нарушить своё правило — работать только днём. В последнюю минуту он решил провести испытания вечером, так как работать у горячего котла в дневную жару было невозможно... Михай вышел, чтобы заполнить водой кухонный бак (он забыл сделать это днём), поэтому Язон не видел его, когда после ужина отправился в мастерскую. Помощники Язона разожгли костёр и испытание началось. Из-за свиста пара и грохота механизма, Язон понял, что происходит что-то неладное не сразу, а только тогда, когда вбежал солдат, покрытый кровью, в его плече торчала стрела из самострела.

— На нас напали троззелинги! — Крикнул он.

Язон начал отдавать распоряжения, но все устремились к дверям, не обратив на него внимания. Бранясь, он задержался, чтобы погасить огонь, открыл предохранительный клапан, чтобы котёл не взорвался. Затем он двинулся за остальными. Пробегая мимо стеллажа, где он хранил свои опытные образцы, Язон, не останавливаясь, схватил недавно сконструированную им «утреннюю звезду», устрашающе выглядывшее оружие, которая состояла из тонкой рукоятки, увенчанной бронзовыми шарами с многочисленными стальными шипами. Рукоятка удобно легла в руку. Оружие со свистом рассекло воздух. Он пробежал через тёмные залы к отдалённым крикам, которые доносились со двора. Пробегая мимо лестницы, ведущей наверх, он услышал откуда-то звон оружия и приглушённые голоса. Выбежав к главному входу, он увидел, что битва заканчивается, что она выиграна без его участия.

Угольные дуги заливали поле боя резким светом. Морские ворота, ведущие во внутренние ворота бассейна, были частично разбиты, баржа с отломанным носом всё ещё стояла поперёк них, не давая створкам закрыться. Не способные прорваться во внутренний двор, Троззелинги вначале рассыпались вдоль стен и уничтожили там большую часть охраны. Но прежде, чем они успели достичь двора и ввести подкрепления через бреши, контратака защитников остановила их. Успех был невозможен и Троззелинги медленно отступали, ведя арьергардные бои. Хотя стычка ещё продолжалась, сражение в целом было закончено. Трупы, утыканные стрелами, плавали в воде, раненных оттаскивали в стороны.

Язону здесь нечего было делать, и он задумался, чем же могло быть вызвано это полуночное нападение.

В тот же момент он ощутил тревожное предчувствие. Что же происходит? Нападение отбито, однако, он чувствовал, что что-то не в порядке, что-то важное. Тут он вспомнил звуки, доносившиеся сверху, тяжёлые шаги и звон оружия. И крик прерванный внезапно, как будто кто-то приказал молчать. Тогда эти звуки ничего не значили для него, даже если бы он задумался над ними, то решил бы, что это ещё один отряд перссонов направляется к полю боя.

— Но я же последним прошёл через эту дверь! Никто не спускался по лестнице! — Ещё не закончив эту мысль, он побежал вверх, перепрыгивая через три ступеньки.

Откуда-то сверху доносился треск и звон металла о камень. Язон вбежал в коридор, споткнулся о распростёртое тело, чуть не упал, и сообразил, что звуки битвы доносятся из его собственной комнаты.

В его комнате был сумасшедший дом, бойня, лишь одна лампа осталась неразбитой и в её неверном свете солдаты сражались среди обломков его мебели. Комната казалась меньше, заполненная сражающимися людьми и Язон перепрыгнул через сцепившиеся трупы, чтобы присоединиться к людям перссонов. — Айджейн! — Крикнул он. — Где ты? — И он обрушил «утреннюю звезду» на шлем противника.

— Вот он! — Раздался крик из-за рядов троззелингов. Все внимание атакующих обратилось на Язона. Их было очень много, они перекрыли все проходы и атаковали с отчаянной яростью. Они старались окружить его, ранить в руки и ноги. Меч ударил его по икре, рука болела от усилий, необходимых для того, чтобы плести перед собой паутину смерти — «утренней звездой». Он удивился отчаянной решимости нападающих на него

людей и не знал, что известие об этом нападении распространилось повсюду, и что много защитников подошло со двора.

Вскоре нападающие были стёрты и сметены Перссонами. Язон вытер пот руками и поспешил за ними, прихрамывая. Появилось множество факелов и стало видно, что участники набега отступают, обороняясь, плечом к плечу, и стараются выбраться в широкие окна, выходящие на канал. Его, так тщательно изготовленное оконное стекло было разбито и хрустело под ногами.

Металлические крючья вцепились в раму и стену, и от них отходили толстые верёвки.

Появился новый отряд перссонов, вооружённых самострелами, и обратил в бегство последних врагов, и Язон смог пробраться к окну.

Тёмные фигуры спускались по стене, с отчаянием цепляясь за верёвки и верёвочные лестницы. Кричащие победители стали перерубать верёвки, но Язон взмахом руки приказал им остановиться.

— Нет, за ними, — крикнул он и перекинул ногу через подоконник. Зажав рукоять «утренней звезды» в зубах, он начал спускаться по верёвочной лестнице, проклиная её качающиеся ступеньки.

Спустившись, он увидел, что конец лестницы опущен в воду и слышал плеск весел, затихающий вдали.

Язон внезапно ощутил такую боль в раненной ноге и сильную усталость, что не смог взобраться обратно.

— Пусть пригонят лодку, — сказал он солдату, опустившемуся вслед за ним, и удобно устроился, дожидаясь её. Вскоре она появилась, на её носу сидел сам Хертуг с обнажённым мечом.

— Кто нападал? Что это значит? — Спросил Хертуг. Язон устало перебрался в лодку и опустился на скамью.

— Совершенно очевидно, что это нападение организовано из-за меня.

— Что? Не может быть...

— Это очевидно, если ты внимательно разберёшься в происходящем. Нападение на морские ворота было только отвлекающим манёвром и не было рассчитано на успех: оно отвлекало внимание, пока другой отряд должен был захватить меня. Просто случайно я не оказался у себя, а был в мастерской. Обычно в это время я уже сплю.

— Но кому ты потребовался? Почему?

— Разве ты ещё не понял, что я — наиболее ценная собственность в Аппсале. Первыми это поняли мастрегулы, как ты помнишь, им даже удалось захватить меня. Нам следовало ожидать нападение троззелингов. В конце концов рано или поздно, они должны были узнать, что я строю паровые машины — их родовую монополию.

Лодка скользнула в разбитые морские ворота и пришвартовалась к пристани, Язон с трудом выбрался на берег. — Но как они отыскивали твою комнату?

— Предатель, как всегда на этой планете... Кто-то знал мой распорядок дня и смог поймать первый крюк и выбросить вниз первую лестницу к ожидавшим внизу солдатам перед нападением. Это не может быть Айджейн — они бы не захватили её с собой.

— Я обнаружу этого предателя! — Закричал Хертуг. — Я посажу его в электрическую печь.

— Я знаю кто это, — сказал ему Язон. — Я слышал его голос, когда зашёл. Он кричал о моём появлении, я узнал его. Это мой раб — Михай.

Глава 15

— Они заплатят мне, о как они заплатят мне за это! — Сказал Хертуг, скрежеща зубами. Он прихлёбывал из стакана бренди Язона, и его глаза и нос были красные — краснее, чем обычно.

— Я рад слышать это от тебя, на это я рассчитывал. — Язон сидел, откинувшись в

кресле, с ещё большим стаканом бренди — в медицинских целях. Он промыл рану на ноге кипячённой водой и перевязал чистым бинтом.

Она слегка побаливала, но он не сомневался, что она не причинит ему беспокойства. Не обращая на рану никакого внимания, он приводил в исполнение свои планы.

— Надо начинать войну, — сказал он. Хертуг замигал.

— Так неожиданно? Я хочу сказать: готовы ли мы?

— Они вторглись в твой замок, убили твоих солдат, оскорбили тебя...

— Смерть троззелингам! — Вскричал Хертуг и разбил свой стакан о стену.

— Вот и хорошо. Не забудь, как предательски они напали. Нельзя позволить им уйти безнаказанными. К тому же, лучше начать войну поскорее, или наши шансы на победу уменьшатся. Если троззелинги пошли на такое беспокойство ради меня, значит они сильно встревожены. Поскольку их план не удался, они будут готовить другое, более успешное нападение и вероятно, сговорятся с другими кланами о помощи. Они все начнут бояться тебя, Хертуг, поэтому лучше начать войну сейчас же, пока они не объединились и не уничтожили нас. Сейчас мы можем нападать на них поодиночке и быть уверенными в победе.

— Будет лучше, если у нас будет больше людей... через некоторое время...

— Мне необходимо два дня, чтобы закончить подготовку флота вторжения. Этого времени тебе достаточно, чтобы подтянуть резервы из страны. Собери всё, что можно, потому что мы должны напасть и захватить крепость троззелингов. И поможет нам паровая катапульта.

— Она испытана?

— Достаточно, чтобы понять, что все её механизмы действуют. Мы можем испытать дальность, используя Троззелингов в качестве цели. Я начну работать с рассвета, но тебе советую созывать по проводам немедленно, чтобы подкрепления подошли вовремя. Смерть троззелингам!

— Смерть. — Повторил Хертуг и свирепо оскалил зубы, колоколом вызывая слуг.

Предстояло ещё много работы и Язон выполнил все, хотя для этого пришлось почти не спать двое суток. Когда он начинал думать о предстоящем для Михая и о том, что случилось с Айджейн. Он ничего не слышал о ней с момента похищения и гнев побуждал его работать ещё активнее. Он не был даже уверен, что Айджейн жива, он считал, что она похищена, как часть его имущества. Михая за многое предстояло ответить.

Поскольку паровая машина и винт были уже установлены и испытаны во внутреннем бассейне, окончание работ на военном корабле заняло не очень много времени. Нужно было обшить борта выше ватерлинии стальными листами. Обшивка была также на носу и он добавил ещё тяжёлые внутренние распорки. Вначале он хотел установить свою катапульта на этом корабле, но затем передумал. Чем проще, тем лучше. Катапульта была установлена на большой плоскодонной барже, вместе с паровым котлом, баками с горючим и большим запасом камней.

Персоны размещались на кораблях, горя гневом из-за предательского нападения и мечтая о мщении. Несмотря на их крики, Язон умудрился проспать два часа в последнюю ночь и проснулся лишь на рассвете. Флот был собран и под грохот множества барабанов и рёв труб они выступили. Во главе шёл боевой корабль «Дредноут» с Язоном и Хертугом на борту, ведя на буксире баржу. Позади в линию шло множество различных судов и лодок с войсками. Город знал о случившемся и каналы были пусты. Крепость троззелингов, закрытая и вооружённая, ждала. Язон потянул за ручку свистка паровой машины и флот остановился за пределами досягаемости стрел из вражеской крепости.

— Почему мы не нападаем? — Спросил Хертуг.

— Потому, что мы можем их достать, а они нас — нет. Смотри.

Большое, с металлическим наконечником копье, упало в воду более, чем в тридцати метрах от носа корабля.

— Стрелы Джетило, — Хертуг задрожал. — Я видел, как такая стрела пробила тела

семи человек и полетела дальше.

— Но не сейчас. Я покажу тебе преимущество научного ведения войны. — Стрельба из Джетило была не более эффективной, чем крики солдат на стенах, которые стучали мечами о щиты и выкрикивали проклятья, и вскоре прекратилась.

Язон перебрался на баржу, проверил, прочно ли она стоит на якоре, и направил её носом прямо на крепость. Пока поднималось давление пара, он нацелил центральную линию катапульты и проверил подъёмный механизм. Устройство было простым и он надеялся на него.

На платформе, которую можно было поднимать и опускать, был установлен большой паровой цилиндр с поршнем, связанным непосредственно с коротким плечом длинного рычага. Когда в цилиндр впускали пар, короткий, но чрезвычайно сильный толчок поршня передавался на длинное плечо рычага. Оно поднималось и ударялось в обитую смягчающими подкладками поперечную балку, которая и задерживала его. Зато груз, который укладывался на конце длинного рычага, устремлялся в воздух с огромной скоростью. Механизмы предварительно испытывали и они превосходно работали, но из катапульты пока не было сделано ни одного выстрела.

— Больше давление! — Приказал Язон своим техникам. — Положите камень в углубление.

Он подготовил разнообразные металлические снаряды, все примерно одинакового веса, чтобы упростить прицеливание. Когда камень установили, он ещё раз проверил уровень давления.

— Огонь! — Крикнул он и закрыл клапан. Ударил поршень, плечо рычага подалось и с грохотом ударилось в балку — камень со свистом взвился вверх и превратился в уменьшающуюся точку. Все закричали. Но крики смолкли, когда камень пролетел на добрых сто метров выше самого высокого здания крепости — сторожевой башни и исчез на противоположной стороне. Троззелинги разразились хриплыми криками, когда с канала с противоположной стороны крепости донёсся громкий всплеск.

— Пристрелочный выстрел, — небрежно заметил Язон. — Немного уменьшив подъем и я швырну камень, как бомбу, в самый центр их двора.

Он щёлкнул клапанами, и под давлением собственного веса длинное плечо рычага вернулось к горизонтальному положению, изготовленное к следующему выстрелу. Язон повернул колесо подъёмного механизма. Зарядил камень и вновь выстрелил.

На этот раз кричали одни троззелинги: камень поднялся почти вертикально и упал на одну из лодок атакующих не далее, чем в пятидесяти метрах от баржи.

— Не очень-то хорошо твоя дьявольская машина, — сказал Хертуг. Он тоже перебрался в баржу, чтобы наблюдать за стрельбой.

— Во время полевых испытаний всегда возможны ошибки, — ответил Язон сквозь сжатые зубы. — Подождём следующего выстрела.

Он отказался от дальнейших попыток использовать высокую траекторию и решил просто метать камни вперёд, так как машина оказалась гораздо более мощной, чем он предполагал. Яростно поворачивая колесо подъёмного механизма, он поднял заднюю часть катапульты так, что камень должен был лететь почти параллельно воде.

— Этот выстрел покажет, на что мы годимся, — заявил он с уверенностью, которой не чувствовал, скрестив пальцы свободной руки. Камень улетел и ударил в верхнюю часть зубчатой стены. Он обрушил огромный кусок стены и стёр в порошок нескольких стоящих там солдат. Со стороны троззелингов криков больше не было.

— Они в страхе прячутся! — Вздвинуто воскликнул Хертуг. — Надо атаковать!

— Ещё рано, — торопливо объяснил Язон. — Мы ещё не полностью использовали своё осадное оружие. Надо извлечь из него всё, что можно, до штурма: в дальнейшем это поможет нам. — Он повернул колесо прицела и второй метательный снаряд ударил в стену чуть подальше. — Надо всё время держать их в нервном напряжении.

Когда камни обратили всю стену в песок и начали пробивать отверстия в главном

здании крепости, Язон ненадолго прекратил огонь.

— Погрузите особые снаряды! — Приказал он техникам.

Это были вымоченные в бензине связки тряпок, к которым для веса привязали камни. Когда их погрузили в углубление, он сам поджёг их и не стрелял, пока они хорошо не разгорелись. Быстрый полет в воздухе ещё больше раздул пламя и они, пылая, падали на крытые тростником крыши, которые медленно начали дымиться.

— Мы пошлём ещё несколько таких снарядов, — сказал Язон, потирая руки.

Внешняя сторона крепости была обрушена в нескольких местах, две сторожевые башни обвалились, большинство крыш охвачено огнём. Когда троззелинги в отчаянии предприняли контратаку, Язон ожидал этого и сразу же заметил, что морские ворота открыты.

— Прекратите огонь, — приказал он, — и следите за давлением. Я лично убью каждого оставшегося в живых, если котёл взорвётся.

Он перепрыгнул в ожидавшую его лодку.

— К главному кораблю, — сказал он и в этот момент лодка покачнулась, так как на неё спрыгнул сам Хертуг.

— Хертуг всегда впереди всех! — Крикнул он, размахивая мечом.

— Хорошо, но спрячь меч и побереги голову, когда начнётся стрельба.

Когда Язон достиг борта «Дредноута», он увидел, что неуклюжий колёсный пароход троззелингов выходит через морские ворота крепости и направляется к ним. Язон слышал леденящие кровь рассказы об этом мощном оружии уничтожения, но успокоился, как только понял, что это всего лишь ветхий и небронированный корабль, как он впрочем и ожидал.

— Полный вперёд! — Крикнул он в переговорную трубу и сам взялся за руль.

Корабли быстро сближались носами друг к другу и стрелы Джетило — большого самострела — ударялись о плиты обшивки «Дредноута» и падали в воду. Они не причиняли никакого вреда и оба парохода по-прежнему шли встречными курсами.

Вид низкого, изрыгающего дым корпуса «Дредноута» очевидно поколебал решительность вражеского капитана, и он понял, что столкновение на такой скорости не принесёт кораблю ничего хорошего. Он вдруг свернул в сторону. Язон повернул руль и направил нос своего корабля в борт противника.

— Держитесь, мы идём на таран! — Крикнул он, когда мимо мелькнул украшенный головой дракона высокий нос вражеского корабля. На его борту были видны испуганные лица. Металлическая обшивка носа «Дредноута» ударила в середину борта вражеского корабля около колеса и дробя переборки, продвинулась вовнутрь. Последовал резкий удар, люди попадали с ног и «Дредноут» остановился.

— Задний ход, мы должны выбраться, — приказал Язон и резко повернул руль.

Солдат, толчком сбитый с вражеского корабля на бронированную палубу «Дредноута», не удержался на ногах и упал. С воинственным криком, Хертуг напал на ошеломлённого противника, ударил его мечом и толкнул тело в воду. С парохода троззелингов доносились крики, гулкие удары и шипение пара. Хертуг отпрыгнул под защиту высокого борта, как только первая стрела упала рядом с ним.

Гребной винт завертелся в обратную сторону, но «Дредноут» только дрожал и не двигался.

— Застряли, — пробормотал Язон и резко вывернул руль в противоположную сторону. Корабль вздрогнул и медленно освободившись, начал отплывать. Вода хлынула в квадратное отверстие в борту парохода, который начал медленно крениться и погружаться.

— Видел, как я уничтожил эту свинью, что осмелилась напасть на меня? — Самодовольно спросил Хертуг.

— Твой меч окровавлен, — ответил Язон. — А ты видел, как я пробил дыру во вражеском корабле? А? Вот и котёл взорвался, — добавил он, услышав глухой взрыв, сопровождаемый облаком пара и дыма. Пароход раскололся на две части и быстро затонул.

К тому времени, когда «Дредноут» вернулся на своё место, от парохода уже ничего не осталось, кроме масляного пятна, а морские ворота вновь закрылись.

— Топи тех, кто выплыл, — приказал Хертуг, но Язон не обратил на него внимания.

— В трюме вода, — сказал человек, высовывая из люка голову. — Она хлыщет по ногам.

— От толчка раскрылись щели, — ответил на это Язон. — Чего ты ждёшь? Именно для этого на борту есть насосы и десять лишних рабов. Пусть выкачивают воду.

— Это день победа, — сказал Хертуг со счастливым выражением лица, глядя на свой окровавленный меч. — Так эти свиньи платят за нападение на нашу крепость.

— Они заплатят ещё больше до конца этого дня, — ответил Язон. — Мы вступаем в следующую фазу боя. Ты уверен, что твои люди знают, что нужно делать?

— Я сам много раз говорил им и раздал всем листочки с напечатанным приказом, которые ты приготовил. Все ждут сигнала. Как и когда я должен его дать?

— Скоро. Стой тут и держи руку на свистке, а я сделаю несколько выстрелов.

Язон перебрался на баржу и сделал ещё несколько выстрелов зажигательными снарядами, чтобы поддержать пожар в крепости. Но на этот раз он стрелял баками с горючим: попадая в огонь, они взрывались и уничтожали всех вражеских солдат, которые имели неосторожность выбраться наружу. Затем он направил катапульту на морские ворота. Потребовалось четыре выстрела, чтобы разбить в щепки тяжёлые бревна ворот. Путь был открыт. Язон взмахнул рукой и прыгнул в лодку. Трижды прозвучал свисток и ожидавшие корабли перссонов пошли в атаку.

Поскольку его никто не мог заменить, Язон был главнокомандующим, артиллеристом и капитаном корабля, и всем остальным. Ноги его устали от беготни взад и вперёд. Взявшись за борт «Дредноута», он чувствовал, что это очень трудно. Теперь, когда нападающие были на пути к крепости, он мог отдохнуть, предоставив им самим завершить дело в своей обычной кровожадной манере. Он своё дело сделал: ослабил сопротивление защитников, прежде чем противники сошлись в рукопашной.

Меньшие корабли под парусами и вёслами были уже на полпути к зубчатым стенам, и только тогда пришёл в движение «Дредноут» и тут же догнал их. Атакующие расступились и броненосец занял своё место в строю как раз напротив морских ворот или вернее, того, что от них осталось. Бронированный нос ударил, сорвал створки ворот с шарниров и отбросил их в бассейн. Хотя тут же был дан задний ход, по инерции корабль проплыл бассейн и ударился носом в пристань. Сзади послышался рёв перссонов и началась схватка, гвардия Хертуга была в первой линии нападения, защищая самого Хертуга, бросившегося вперёд.

Язон извлёк фляжку с бренди и сделал глоток. Потом налил бренди в чашку, чтобы выпить не торопясь, следя за битвой со своего наблюдательного поста на борту.

С первого же момента исход схватки не вызывал сомнения. Защитники были изранены и обожжены, ряды их поредели, а главное, был подорван их моральный дух. Они могли лишь отступить перед вливающимися через разрушенные стены и главные ворота перссонами. Двор вскоре был очищен и сражение переместилось в глубины крепости... Настало время действовать и Язону. Он докончил бренди, взял в левую руку маленький щит, а в правую — «утреннюю звезду», уже доказавшую свою пригодность.

Айджейн была где-то здесь и он должен был отыскать её прежде, чем с ней случится какое-нибудь несчастье. Он чувствовал ответственность за девушку из пустыни — она всё ещё бродила бы по берегу с другими рабами, если бы не появился он. Она оказалась тут из-за него, и он должен позаботиться о ней. Язон поспешил на берег. Огонь на влажных тростниковых крышах погас, каменные здания не горели, но было дымно и стены были покрыты толстым слоем копоти. В первом зале была только смерть, тела, кровь, несколько раненых.

Язон распахнул дверь и углубился в крепость. Последняя схватка шла в первом главном из обеденных залов, но Язон обошёл сражающихся и пробрался на кухню. Здесь были только рабы, укрывавшиеся под столом и главный повар, который напал на Язона с большим кухонным ножом. Язон обезоружил его ударом «утренней звезды» и пригрозил мучительной смертью, если он не скажет, где находится Айджейн.

Повар охотно заговорил, потрясая окровавленными руками, но он ничего не знал. Рабы тряслись от страха и добиться от них нельзя было ничего. Язон вышел.

Громкие крики и звон оружия привели его к месту главной схватки в центральном зале крепости, освещённом через высокие окна и украшенном флагами и вымпелами. Сражающиеся волнообразно двигались взад и вперёд. Шквал стрел из дальнего конца зала заставил сражающихся разделиться, атакующие подняли щиты. Пол был скользким от крови и всюду валялись тела раненных и мёртвых.

Троззелинги защищали дальний конец зала. За ними была видна небольшая группа людей, роскошно одетых и увешанных драгоценностями — несомненно это были главные троззелинги. Они стояли на обеденном помосте, теперь лишённом мебели, и смотрели поверх голов сражающихся. Один из них заметил Язона, как только тот вошёл, и указал на него своим мечом, быстро говоря что-то остальным. Все повернулись к нему и расступились.

Он увидел Айджейн, закованную и связанную, один из троззелингов держал у её груди меч. Они привлекали его внимание к этой сцене и недвусмысленно сигнализировали, не нападай, иначе она умрёт. Они не знали, что это означает для него, и вообще означает ли что-нибудь, но они ожидали от него ответных действий.

В ответ Язон с гневным криком бросился вперёд. Он сразу понял, что сейчас никакие переговоры невозможны, остановить же Хертуга и его солдат не в его силах, а это означало смерть для Айджейн. Он должен добраться до неё.

Солдаты троззелингов разлетелись в стороны, мимо него не задев пролетела стрела, и он оказался за спинами противников. Внезапность его нападения сделала своё дело, а «утренняя звезда» проделала щель в линии щитов. Он отразил удар щитом и в свою очередь ударил. Его противник упал. Язон, не останавливаясь, бежал дальше, а вражеская линия сомкнулась, чтобы отразить перссонов, хотевших поддержать самоубийственную атаку Язона.

В группе стоявших на помосте был человек, которого Язон вначале не заметил. Теперь он увидел его краем глаза. Михай, предатель, был здесь! Он стоял рядом с Айджейн, обречённой на смерть, так как Язон не успевал добраться до неё. Меч уже опускался, чтобы убить её.

Язон лишь на мгновение остановив взгляд на Михе, прыгнул и успел ударить человека, державшего меч, по плечу и бросить его на пол. Вслед за этим на Язона со всех сторон обрушились противники, и ему пришлось сражаться за свою жизнь.

Силы были слишком не равны: пятеро или шестеро на одного. Но Язону не нужно было побеждать, ему бы продержаться несколько секунд, пока не подспеют свои. Они уже почти рядом, он слышал их победоносные крики, линия защитников отступала. Язон отбил меч щитом, отбросил второго нападающего, ударил третьего «утренней звездой».

Их было слишком много. Они все были против него. Он отбросил ещё двоих и повернулся, чтобы отбить нападение сзади. Вот оно. Старик, вождь этих людей, с гневом в глазах. Длинный меч в его руке... Удар...

— Умри, демон!.. Умри, разрушитель! — Крикнул Троззелинг и сделал выпад.

Длинное холодное лезвие коснулось тела Язона, вызвав резкую боль, и вышло у него из спины.

Глава 16

Была боль, но не невыносимая. Нестерпимым было осознание своей смерти. Старик убил его. Всё кончено. Без злого чувства Язон поднял щит и отбросил ударом старика. Меч, стройная и сверкающая смерть, остался в его теле.

— Оставь его, — хрипло сказал Язон Айджейн, которая с ужасом в глазах протянула скованные руки, чтобы выдернуть меч.

Битва кончилась и сквозь туман в голове Язон увидел перед собой Хертуга. На его лице была написана уверенность в его смерти.

— Ткань, — сказал Язон внятно, как только мог, — приложите кусок ткани к ранам, как только выдернут меч.

Сильные руки солдат держали его, ткань была наготове. Хертуг стоял перед Язоном, который кивнул и закрыл глаза. Боль стала невыносимой и он упал. Он лежал на ковре из изодранной одежды, кровь из ран хлынула на подготовленные повязки. Теряя сознание, Язон с благодарностью подумал, зачем он ещё хлопочет, зачем продлевает боль? Ему теперь остаётся лишь умереть в световых годах от антисептики и антибиотиков, с дырой в собственных кишках. Он может только умереть.

Придя в сознание, Язон увидел Айджейн, склонившуюся над ним с иглой и ниткой. Она сшивала края раны на его животе. Свет вновь померк, и в следующий раз он пришёл в себя в своей собственной постели. Через разбитые окна ему в глаза светило солнце, что-то заслонило свет, и вначале на его лоб и щеки, а затем на губы легла влажность и прохлада. Это заставило его понять, насколько сухо у него в горле и как сильна боль.

— Воды... — Прохрипел он и был удивлён слабостью своего голоса.

— Мне сказали, что ты не должен пить из-за этой раны, — сказала Айджейн, указывая на его тело.

— Не думаю, чтобы это имело значение... так или иначе... — Сказал он ей и сознание неминуемой смерти причинило большую боль, чем сама рана. Рядом с Айджейн появился Хертуг, и его обеспокоенное лицо было отражением лица Айджейн. Он протянул Язону небольшой ящичек.

— Это принесли скулоджи. Здесь корни беди, они смягчают боль. Пожуй их, но не очень много. Жевать очень много — очень опасно.

Но не для меня, — подумал Язон, заставляя свои челюсти разжевать сухие и пыльные корни. — Убийца боли, то есть — наркотик, который становится необходимостью... но у меня слишком мало времени, чтобы стать наркоманом.

Чем бы он ни был, этот наркотик, действовал он хорошо, и Язон был благодарен ему. Его боль ускользала так же, как и жажда, и хотя слегка кружилась голова, но он больше не чувствовал смертельной опасности и усталости.

— Как идёт сражение? — Спросил он Хертуга, который, нахмурившись и скрестив руки на груди, стоял у постели.

— Мы победили. Выжившие трозелинги теперь наши рабы, их клан перестал существовать. Лишь несколько солдат сумело бежать. Их крепость захвачена, в том числе секретные помещения, где они строили машины... Понимание того, что Язон не сможет увидеть эти машины, что он вообще мало что увидит теперь, заставила Хертуга ещё больше нахмуриться.

— Подбодрись, — сказал ему Язон. — Ты победил один клан, победишь их всех. Остальные не так сильны, и не смогут сопротивляться. Действуй, прежде чем они начнут объединяться. Выбери сначала самых недружественных. Постарайся захватить их техников, кто-то должен будет объяснить тебе их секреты после победы. Действуй решительно и ты будешь обладать Аппсалией.

— Твои похороны будут самыми пышными в Аппсале, — сказал Хертуг.

— Я уверен в этом, ты не пожалеешь денег.

— Будут церковные празднества и молитвы, твои останки превратятся в пепел в электрической печи во славу бога Электро.

— Ничто не сделало бы меня счастливее.

— А потом мы отвезём пепел в море во главе огромной похоронной процессии, корабль за кораблём, все забитые солдатами. Возвращаясь, мы нападём на не ожидающих этого нападения Мастрегулов.

— Вот это уже похоже на тебя, Хертуг. А то я уже подумал, что ты стал вдруг слишком сентиментальным.

Скрип двери привлёк внимание Язона. Он медленно повернул голову и увидел рабов, тащивших в комнату тяжёлые изолированные кабели. Потом принесли ящики с

оборудованием, затем появился размахивающий хлыстом надзиратель, толкая перед собой закованного в цепи Михая. Его толкнули в угол, там он упал на пол.

— Я хотел убить предателя, — сказал Хертуг, — но потом подумал, что тебе приятно будет самому замучить его до смерти. Тебе это доставит радость. Электрическая дуга действует не быстро и вы можете поджарить его по частям. Пошли его впереди, как жертву богу Электро, пусть он смягчит твой путь.

— Я очень благодарен тебе, — сказал Язон, рассматривая избитого Михая. — Вы прикуйте его к стене и оставьте нас, я должен обдумать; какие самые жестокие и изысканные пытки испытать на нём.

— Я сделаю так, как ты говоришь. Не забудь меня позвать: меня очень интересуют новые пытки...

— Обязательно, Хертуг. Все ушли и Язон увидел, как Айджейн замахнулась на Михая кухонным ножом.

— Не нужно, — сказал Язон. — Это плохо, очень плохо.

Она послушно опустила нож и взяв губку начала обтирать ему лоб и лицо. Михай поднял голову и взглянул на Язона. Один глаз его был подбит и заплыл.

— Не скажете ли вы, какого дьявола вы добивались, — спросил у него Язон, — предавая нас и стараясь, чтобы меня захватили троззелинги.

— Хотя вы и будете меня пытать, мои губы навсегда останутся сомкнутыми.

— Не будьте большим идиотом, чем вы есть. Никто вас не будет пытать. Я только не могу понять, что вы имели в виду на этот раз, что заставило вас выкинуть этот трюк?

— Я действовал так, как считал лучше, — ответил Михай.

— Вы всегда действуете так, как считаете нужным, однако от этого бывает лишь хуже. Вам не понравилось, как я обращаюсь с вами?

— В том, что я делал, не было ничего личного. Я поступил так, желая добра страждущему человечеству.

— Я думал, что вы поступили так из мести.

— Никогда! Вы должны знать... я хотел предупредить войну...

— Что вы этим хотели сказать?

Михай выпрямился, глядя осуждающе, несмотря на свой подбитый глаз. Звения цепями, он направил указательный палец на Язона.

— Однажды, напившись, вы посвятили меня в свой преступный план развязывания смертоносной войны среди этих невинных людей. Вы хотели устроить им бойню и посадить на шею жестокого дьявола. Я знал, что нужно делать. Вас следовало остановить. Я заставил себя молчать, чтобы не выдать свои мысли, потому что я знал выход. Со мной разговаривал человек, нанятый троззелингами — кланом честных рабочих и техников, как он уверял меня. Он хотел за хорошую цену переманить вас от кровожадных Перссонов. Тогда я ответил нет, ибо любой план нашего освобождения был связан с человеческими смертями, а я не считал это разумной платой за освобождение от цепей. Теперь, когда я узнал ваши кровожадные планы, я спросил у своей совести, что мне нужно делать. Мы все должны были перейти к троззелингам, которые обещали не причинять вам вреда. Хотя и держали бы вас, как пленника. Тогда была бы предотвращена эта бойня.

— Вы просто дурак, — сказал Язон бесстрастно.

Михай вспыхнул.

— Меня не заботит ваше мнение обо мне. Я поступил бы точно также, если бы опять предоставлялась такая возможность.

— Даже зная, что эта шайка, которую вы привели за мной, не лучше остальных. Разве вы остановили их во время битвы, когда они хотели убить Айджейн?

— Это было сделано в состоянии аффекта, во время схватки, я не могу осуждать их за это...

— Неважно, чем это было вызвано. Война окончена, они побеждены и мои планы промышленной революции осуществляются теперь беспрепятственно, даже без моего

личного участия. Единственное, чего вы добились — это убили меня — и этого я не могу вам простить.

— Что за безумие?..

— Безумие? Вы, ограниченный простак, — Язон приподнялся на локте и опять упал, пронзённый стрелой боли сквозь завесу наркотика. — Вы думаете, что я лежу здесь потому что устал? Ваши интриги, похищение Айджейн, заставили меня глубже погрузиться в сражение, чем я предполагал, и напороться на длинный, острый и необеззараженный меч. Меня прокололи как свинью...

— Я не понимаю, что вы говорите...

— Вы стали очень бестолковым. Меня проткнули мечом и острие вышло наружу с другой стороны. У меня не слишком хорошие знания анатомии, но, вероятно, не один из жизненно-важных органов не затронут. Если бы были пробиты лёгкие или крупные кровеносные сосуды, я не разговаривал бы с вами сейчас. Но я не вижу способа пробить дыру в животе и не занести туда компанию голодных бактерий. Когда-нибудь прочитайте книгу об оказании первой медицинской помощи. Там сказано о такой инфекции, как перитонит: учитывая медицинские достижения на этой планете, она в ста процентах случаев ведёт к смерти.

Его слова поразили Михая, но Язон не ободрился от этого и вынужден был закрыть глаза от слабости. Когда он вновь открыл их, было уже темно, и он с перерывами, так и дремал до рассвета, тогда он смог позвать Айджейн и попросить принести ящичек с корнями беди. Она вытерла его лоб, и он заметил выражение её лица.

— Здесь мне стало жарче, — сказал он. — Это у меня температура.

— Ты ранен из-за меня, — воскликнула Айджейн и начала плакать.

— Ерунда, — сказал ей Язон. — Я давно уже решил, что единственный для меня способ умереть — самоубийство. На планете, где я родился, не было ничего, кроме солнечных дней, бесконечного мира и долгой, долгой жизни. Я решил покинуть её; предпочитая короткую насыщенную жизнь долгой, но пустой. Теперь, дай мне ещё корней: я хочу забыться.

Наркотик был сильнодействующим, а инфекция глубоко проникла в организм. Язон дремал, погрузившись в красноватый туман беди, приходил в себя и обнаруживал, что ничего не меняется: Айджейн ухаживает за ним, Михай звенит цепями в углу. Он подумал, что случится с Михаем, когда он умрёт, и эта мысль обеспокоила его.

В один из переходов полусознания, он услышал шум, растущий рёв в воздухе, который постепенно замер в отдалении. Он приподнялся: в отдалённом шуме ему послышалось что-то знакомое. Не обращая внимания на боль, он закричал:

— Айджейн, где ты? Иди сюда!..

Она вбежала из соседней комнаты, и тут он услышал крики и голоса, доносившиеся со двора и со стороны канала. Он действительно слышит их? Или это болезненная галлюцинация? Айджейн пыталась уложить его, но он оттолкнул её и позвал Михая:

— Вы слышали? Вы слышали это?

— Я спал... но, кажется, слышал...

— Что?

— Рёв, который разбудил меня. Звучит же это, как... но это невозможно...

— Невозможно? Почему невозможно? Это же ракетные двигатели. Здесь, на этой примитивной планете.

— Но ведь здесь нет ракет...

— Теперь они есть, идиот. Как вы думаете, зачем я построил свой передатчик молитв?.. — Он нахмурился от внезапной мысли и стараясь заставить свой ослабленный мозг работать. — Айджейн, — позвал он, роясь под подушкой, куда он спрятал кошелек. — Бери деньги — все, отправляйся в церковь Электро и отдай их жрецам. Пусть ничто не остановит тебя: это самое важное твоё дело в жизни. Вероятно, все перестали крутить колесо и выбежали посмотреть, что происходит. Ракета никогда не отыщет нас без наводящего

радиолуча. А если она приземлится где-нибудь в другом месте, будет много хлопот. Пусть крутят ручку и не останавливаются ни на секунду. Скажи им, что сюда приближается корабль богов и нужно непрерывно молиться. Она выбежала, а Язон откинулся на подушку тяжело дыша. Что за корабль поймал его сигнал? Есть ли на борту врач или медицинская машина? Сумеют ли они побороть инфекцию? Должны суметь, на каждом корабле есть необходимое медицинское оборудование.

Впервые с момента своего ранения он позволил себе подумать, что может ещё выжить, и чёрный груз безнадёжности спал с него. Он даже улыбнулся Михайю.

— У меня такое чувство, старина, что мы в последний раз ощущаем вкус креноджа. Перенесёте ли вы эту тяжесть?

— Я должен предупредить вас, — серьёзно сказал Михай. — Ваши преступления слишком серьёзны, чтобы замалчивать их. Я не могу поступить иначе. Я обязан буду сообщить капитану и вызвать полицию.

— Как может такой человек прожить так долго? — Холодно спросил Язон. — Что останавливает меня — ведь я могу убить вас, чтобы вы не могли больше обвинять меня.

— Не думаю, чтобы вы сделали это, у вас есть определённое чувство чести.

— Определённое чувство?.. Что за слово вы произносите? Может ли быть, что в вашем ограниченном мозгу, покрытом непромываемой коркой разума, появятся крошечные щели?

Прежде, чем Михай смог ответить, рёв ракеты послышался вновь. Он постепенно приближался. Какая-то тень закрыла солнце.

— Химическая ракета, — перекрикивая шум произнёс Язон. — Это посадочная шлюпка с космического корабля, она идёт на мой радиосигнал и тут не может быть случайного совпадения.

В этот момент в комнату вбежала Айджейн.

— Жрецы разбежались, все попрятались. Большой огненный зверь спускается, чтобы уничтожить нас всех!

Голос её перешёл в крик, когда рёв со двора вдруг замолк.

— Благополучная посадка! — Выдохнул Язон и указал на свой стол. — Дай мне карандаш и бумагу, Айджейн. Я напишу записку, ты отнесёшь её к приземлившемуся кораблю. — Она отпрыгнула, дрожа. — Не бойся, это всего лишь корабль, как и те, что ты видела, но он может летать по воздуху. В нём люди, они не причинят тебе вреда. Иди, покажи записку и приведи их сюда.

— Я боюсь...

— Не бойся. Люди в корабле помогут мне. Благодаря им я могу выздороветь.

— Тогда я иду, — просто сказала она, поднялась и все ещё дрожа от страха, направилась к двери.

Язон смотрел, как она уходит.

— Иногда, Михай, — сказал он, — когда я не смотрю на вас, я горжусь человечеством.

Ползли минуты. Язон беспокойно перебирал пальцами одеяло, думая, что может происходить во дворе. Послышался звон металла и вслед за этим серия выстрелов. Неужели персоны напали на корабль? Он пытался встать и проклял собственную слабость. Всё, что он мог сделать — это лишь лежать и ждать. Его жизнь была в чужих руках.

Послышалось ещё несколько выстрелов, на этот раз в самом здании, так же, как и крики, и громкий стон. Звук шагов в коридоре, вбежала Айджейн, а за ней, все ещё с дымящимся пистолетом в руке, Мета.

— Долог путь от Пирра, — сказал Язон, любуясь её прекрасным обеспокоенным лицом, знакомым женским телом в жёстком металлическом костюме.

— Ты ранен? — Она быстро подбежала к постели и наклонилась, не упуская из виду раскрытую дверь. Когда она взяла его за руку, глаза её стали шире: она почувствовала сухой жар его кожи, но ничего не сказала, только отстегнула от пояса свою аптечку. Она прижала её к коже на его предплечье, последовал укол анализатора, что-то глухо зажужжало внутри. Аптечка ещё немного погудела, очевидно проверяя результат, затем добавила ещё три

каких-то укола и ещё один, и зажгла сигнал «угроза миновала».

Лицо Меты было рядом, она наклонилась и поцеловала в сжатые губы, локон золотистых волос упал ему на щеку. Она была женщиной, но женщиной-пиррянкой, и целуя его, не сводила глаз с дверей. Её выстрел ударил в косяк двери и отбросил в коридор появившегося солдата.

— Не стреляй в них, — сказал Язон, когда она неохотно оторвалась от него, — они могут быть друзьями.

— Не моими. Как только я приземлилась, они начали стрелять по мне какими-то примитивными металлическими снарядами, но я позаботилась об этом... они стреляли даже в девушку, которая принесла мне твою записку, пока я не согнала их со стены. Тебе лучше?

— Не лучше и не хуже, только голова кружится. Но нам лучше уйти на корабль. Посмотрим, смогу ли я идти...

Язон опустил ноги на пол, приподнялся и упал лицом вниз. Мета втащила его обратно и натянула на него одеяло.

— Ты должен оставаться здесь, пока тебе не станет лучше. Ты слишком болен, чтобы двигаться сейчас.

— Будет гораздо хуже, если я останусь. Как только Хертуг — он тут главный — поймёт, что я могу уйти, он сделает все, чтобы задержать меня, не заботясь о том, сколько людей он потеряет. Мы должны двинуться раньше, чем его маленький злобный мозг придёт к такому выходу.

Мета осмотрелась. Взгляд её скользнул в сторону Айджейн — та съёжилась на полу — не задержав на ней свой взгляд, как и на мебели, она задержалась на Михе.

— Этот прикованный человек опасен?

— Временами бывает так, что с него нельзя спускать глаз. Этот человек похитил меня с Пирра.

Мета протянула Язону пистолет.

— Вот оружие, убей его сам.

— Видите, Михай, — сказал Язон, — я чувствую знакомую тяжесть оружия в руке. Все хотят, чтобы я убил вас. Что-то в вас есть, из-за чего все чувствуют к вам отвращение.

— Я не боюсь смерти, — ответил Михай, поднимая голову и распрямляя плечи, но со своей отросшей бородой и цепями он выглядел не очень впечатляюще.

— Вы должны бояться, — Язон опустил пистолет. — Удивительно, что человек с вашей способностью причинять неприятности может продержаться так долго. — Он повернулся к Мете. — Я устал от убийств, эта планета погрязла в них. И, кроме того, он поможет мне добраться до корабля. Лучшего носильщика-санитара мы здесь не найдём.

Мета повернулась к Михе, пистолет из её кобуры прыгнул в руку и выстрелил. Михай отшатнулся, защищаясь протянутыми руками, и был удивлён, обнаружив, что он ещё жив. Мета освободила его, отстрелив цепь. Она скользнула к нему с грацией тигрицы и подняла все ещё дымящийся ствол своего пистолета.

— Язон не хочет, чтобы я убила тебя, — сказала она и ещё ближе приблизила к нему пистолет, — но я не всегда поступаю так, как он говорит. Если хочешь жить, делай то, что я говорю. Сними крышку со стола. Нам нужны носилки. Поможешь отнести Язона к ракете. При малейшем неподчинении ты умрёшь. Понял?

Михай открыл рот для протеста, или может быть, для одной из своих речей, но холодная ярость в голосе женщины остановила его. Он только кивнул и повернулся к столу.

Айджейн теперь съёжилась у постели Язона, крепко схватившись за его руку. Она не поняла ни слова из их разговора.

— Что происходит, Язон? — взмолилась она жалобно. — Что это за сверкающая штука укусила тебя за руку? Эта женщина поцеловала тебя, она должно быть, твоя жена, но ты сильный человек, и у тебя могут быть две женщины. Не оставляй меня...

— Кто эта девушка? — спросила Мета ледяным голосом. Её кобура задрожала и оттуда высунулся ствол пистолета.

— Это местная девушка, рабыня: она помогала мне, — сказал Язон с наигранной небрежностью. — Если мы оставим её здесь, её убьют. Она отправится с нами.

— Не думаю, чтобы это было разумно, — Мета сузила глаза, пистолет дрожал от желания прыгнуть ей в руку. Пиррянская женщина в любви остаётся женщиной — пиррянкой тоже, а это чрезвычайно опасное соединение. К счастью её внимание отвлек скрип двери, и она дважды выстрелила в том направлении, прежде чем Язон остановил её.

— Подожди, это Хертуг, я узнал его шаги, когда он убежал по коридору от двери.

Из зала донёсся испуганный голос.

— Они не знали, что это твой друг, Язон. Несколько солдат начали стрелять. Я накажу их. Мы друзья, Язон. Скажи этому человеку, чтобы он перестал стрелять: я хочу войти и поговорить с тобой.

— Я не понимаю слов, — сказала Мета, — но его голос мне не нравится.

— Твои чувства совершенно правильны, дорогая, — ответил ей Язон. — Он не мог бы быть более двуличным, имея ещё глаза, нос и рот на затылке...

Язон засмеялся и понял, что голова у него ясная, сознание больше не затуманено. Необходимость думать по-прежнему требовала усилий, но эти усилия были ему вполне доступны. Они все ещё не выбрались из этого беспокойного места: каким бы хорошим стрелком не была Мета, она не могла одна выстоять против целой армии. Он должен остановить их.

— Входи, Хертуг, тебе не причинят вреда. Случилось недоразумение, — позвал он и повернулся к Мете. — Не стреляй, но будь наготове. Я попробую уговорить его, но ничего не могу гарантировать, поэтому ты будь наготове.

Хертуг быстро заглянул в дверь и спрятался. Потребовалось некоторое время, чтобы он справился со своими нервами и нерешительно вошёл в комнату.

— Какое отличное маленькое оружие у твоего друга, Язон... Скажи ему. — Тут он взглянул ещё раз на Мету... я имел в виду, что я дам несколько рабов за это оружие. Пять рабов... Это будет хорошая сделка...

— Скажи: семь...

— Согласен: по рукам.

— Но не это, это оружие принадлежит её семье многие годы и стало частью её. Но на корабле есть другое, мы пойдём туда и она отдаст тебе его...

Михай кончил разбирать стол и положил его крышку у постели Язона, затем он и Мета осторожно положили Язона на крышку, а Хертуг рукой вытирал нос и следил за ними своими красными глазами.

— На корабле тебя приведут в порядок, — сказал он, проявляя больше сообразительности, чем ожидал от него Язон. — Ты не умрёшь и улетишь на небесном корабле?

— Я умираю, Хертуг! — застонал Язон и вытянулся на досках, изображая агонию. — Они унесут мой прах на корабль — это особая похоронная космическая барка — и развеют его среди звёзд...

Хертуг двинулся к двери, но прежде, чем он сделал шаг, Мета была рядом. Она сжала его руку так, что он вскрикнул и приставила пистолет к его груди.

— Каковы твои планы, Язон? — спросила она спокойно.

— Пусть Михай несёт носилки спереди, а Хертуг и Айджейн сзади. Держи этого парня под прицелом, и, может быть, нам удастся сберечь свои шкуры.

Они шли медленно и осторожно. Лишившиеся руководства персоны не могли понять, что происходит: крик боли, который издал Хертуг, только смутил их. Процессия достигла ракеты без особых затруднений.

— Теперь самое трудное, — сказал Язон, схватившись за шею Айджейн и перенося большую часть своего веса на плечо Михай. Он не мог идти, но они втащили его в корабль. — Стой у двери, Мета, и следи за этим старым грибом. Будь готова ко всему, на этой планете не существует верности, и если они смогут добраться до нас ценой жизни

Хертуга, они не будут колебаться ни минуты.

— Это логично, — согласилась Мета. — И в конце концов на то и война.

— Да, я так и думал, что пиррянин согласится с таким взглядом. Будь наготове. Я проверю механизм и, когда всё будет готово, дам сирену. Тогда оттолкни Хертуга, закрой люк и как можно быстрее отправляйся к приборам — я не думаю, что смогу управлять полётом. Поняла?..

— Да. Иди, ты теряешь время.

Язон взобрался в кресло помощника пилота и проделал весь предполётный цикл. Он уже потянулся к кнопке сирены, когда раздался глухой удар, и корабль вздрогнул. На какое-то мгновение он остановился, а потом начал медленно падать.

Прежде чем Язон успел нажать на кнопку, Мета оказалась в кресле пилота и маленькая ракета устремилась к небу.

— У них не такой уж примитивный мир, как я сначала подумала, — сказала она, как только упало ускорение полёта. — В одном из зданий была большая неуклюжая машина и она вдруг задымилась и бросила в нас камень: два стабилизатора отлетели. Я подняла корабль, но человек, которого ты называл Хертугом, сбежал.

— В некотором отношении это даже и лучше, — согласился Язон, чувствуя себя слишком слабым, чтобы признаться, что в самом деле их чуть не погубило его собственное изобретение.

Глава 17

Благодаря искусству Меты они легко скользнули в люк пиррянского крейсера, который вращался по орбите на границе атмосферы.

Свободное падение в состоянии невесомости настолько облегчило боль Язона, что он сумел надёжно закрепить перепуганную Айджейн в противоперегрузочном кресле, только после этого устроившись в таком же. Маньяки-рабовладельцы казались бесконечно далёкими.

Когда он пришёл в себя, боль и неудобства прошли, так же как и слабость, и он смог самостоятельно добраться до штурманской рубки. Мета рассчитывала курс на компьютере.

— Еды! — проговорил Язон, хватаясь за горло. — Ткани моего организма истощены, я умираю от голода.

Мета, не говоря ни слова, протянула ему обеденный набор из космического рациона. Её вид, хорошо знакомый ему, говорил о том, что она чем-то рассержена. Поднося тубик ко рту, он увидел Айджейн, съевшуюся в углу; она наконец освоилась с отсутствием веса.

— Отлично, — сказал Язон с фальшивым весельем в голосе. — Ты в корабле одна, Мета?

— Конечно, одна. — Она ответила таким тоном, что это прозвучало как: «ты глуп». — Мне позволили взять корабль, но никто не смог отправиться со мной.

— Как ты разыскала меня? — спросил он, стараясь выяснить причину её недовольства.

— Очень просто. Оператор в нашем космическом посту заметил герб, когда корабль с тобой улетал, и по его описанию Керк узнал герб Кассилии. Я отправилась на Кассилию на разведку. Корабль они опознали, но никаких сведений о его возвращении не было. Я вернулась на Пирр и выяснила, какие планеты лежат поблизости от курса и где могли бы зарегистрировать корабль, если бы он вышел из джамп-режима. Таких планет оказалось три. На двух из них есть современный космопорт и лётный контроль, они знали бы, если бы ваш корабль приземлился, или даже если потерпел бы крушение. Они не знали. Оставалась одна планета. Как только корабль вошёл в атмосферу, я услышала сигнал и приземлилась как можно быстрее.

— Как ты поступишь с этой женщиной? — последние слова были ещё холоднее, чем её тон.

Айджейн скорчилась ещё больше — дрожа от страха и не понимая ни слова из беседы.

— Я ещё не думал об этом, однако...

— В твоей жизни есть место только для одной женщины, Язон. Для меня. И я убью всякого, кто думает иначе.

Она несомненно так и сделает, и если Язон хочет, чтобы Айджейн жила как можно дольше, её следует немедленно удалить от смертельной угрозы, которую представляет ревнивая пиррянка. Язон напряжённо думал.

— Мы приземлимся на ближайшей цивилизованной планете и оставим её. У меня достаточно денег. Я оставлю на её имя счёт в банке, ей хватит на долгие годы. И я поставлю условие, что деньги ей будут выплачиваться по частям. Поэтому, сколько бы она не истратила, ей хватит на будущее. Я не беспокоюсь о ней: если она могла выжить на этой планете, она выживет везде.

Он услышал жалобы Айджейн, когда сообщил ей эту новость, но ведь это было для её же блага.

— Я позабочусь о ней и поведу её путём правды, — раздался от входа знакомый голос. Там стоял Михай, прижимаясь к косяку.

— Отличная идея, — с энтузиазмом в голосе согласился Язон. Он обернулся к Айджейн и заговорил на её языке. — Ты слышала? Михай возьмёт тебя с собой и присмотрит за тобой. Я оставлю тебе достаточно денег на все твои нужды, а он тебе все объяснит о деньгах. Я хочу, чтобы ты внимательно выслушала его, а потом поступила наоборот. Ты должна пообещать мне это и никогда не нарушать своего слова. Таким путём ты сделаешь какое-то количество ошибок, но все в общем пройдёт хорошо.

— Я не могу оставить тебя! Возьми меня с собой, я всегда буду твоей рабыней! — заплакала она.

— Что она сказала? — спросила Мета.

— Вы зло, Язон, — заявил Михай. — Она будет повиноваться вам, я знаю это, как бы я о ней не заботился. Она будет выполнять ваш приказ.

— Надеюсь на это, — горячо ответил ему Язон. — Только тот, кто рождён с вашим умом, способен жить алогично. Остальные, обычно, намного счастливее вас. Они наслаждаются физическими радостями жизни.

— Я сказал «зло» и оно не должно остаться безнаказанным. — Его рука отделилась от косяка и в ней оказался пистолет, который Михай нашёл внизу. — Я захватываю командование этим кораблём. Мы высадим этих двух женщин, затем отправимся на Кассилию для суда и наказания.

Мета сидела спиной к Михая в кресле пилота в пяти метрах от него. Руки её были заняты расчётом курса. Она медленно подняла голову и взглянула на Язона.

На её лице появилась улыбка.

— Ты говорил, что не хочешь убивать.

— Я всё ещё не хочу этого, но я не хочу и отправляться на Кассилию.

Он вернул ей улыбку, отвернулся и вздохнул. За его спиной послышался внезапный шум. Выстрелов не было, лишь глухой стук, хриплый стон и резкий скребущий звук.

Михай проиграл последний спор.